

СОДЕРЖАНИЕ

Председатель
Редакционного Совета:
Владимир Добреньков

Главный редактор:
Александр Дугин

Ответственный редактор:
Михаил Тюренок

Дизайнер:
Владимир Дмитренко

Корректор:
Людмила Суркова

Редакционный Совет:
Ален де Бенуа (Франция)
Джульетто Кьеза (Италия)
Борислав Милошевич (Сербия)

Николай Блинов
Виктор Верещагин
Юрий Волков
Сергей Кара-Мурза
Александр Корольков
Михаил Леонтьев
Наталья Нарочницкая
Валерий Расторгуев
Александр Секацкий
Юрий Солонин
Максим Шевченко

Адрес:
119992, Россия, Москва, ГСП-2,
Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова,
3-й учебный корпус,
социологический факультет

Тел./факс:
(495) 939 03 73

E-mail:
mt@socio.msu.ru

- 2 **МИХАИЛ ТЮРЕНКОВ**
От редактора
- 9 **ВЛАДИМИР ДОБРЕНЬКОВ**
Кризис нашего времени
- 12 **АЛЕКСАНДР ДУГИН**
ВЛАДИМИР ДОБРЕНЬКОВ
К внешнеполитической
стратегии России в XXI веке
- 24 **ДЖУЛЬЕТТО КЬЕЗА**
11 сентября как фактор
мировой политики
- 28 **ЭМЕРИК ШОПРАД**
Россия – главное препятствие
на пути создания
американского мира
- 32 **ВЛАДИМИР КОЧЕТКОВ**
Процессы развития СНГ
в свете парадигм теории
международных отношений
- 36 Интервью с
ВАЛЕРИЕМ РАСТОРГУЕВЫМ
Угрозы различны, безопасность
одна: Россия, Европа
и постсоветское пространство
- 47 **МАТЕРИАЛЫ ЗАСЕДАНИЯ ФОРУМА**
«СТРАТЕГИЯ-2020»
- 70 **МИХАИЛ ТЮРЕНКОВ**
Честная фаршированная щука,
или Василий Розанов глазами
консерватора
- 72 Из «Листвы»
ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА
- 74 **АЛЕКСАНДР РЕПНИКОВ**
Алексей Ефимович Вандам –
русский геополитик
- 80 **АЛЕКСЕЙ ВАНДАМ**
Наше положение
- 84 **ВАЛЕРИЙ АФАНАСЬЕВ**
Консервативная социология
Карла Шмитта
- 90 **КАРЛ ШМИТТ**
Планетарная напряженность
между Востоком и Западом
и противостояние
Земли и Моря
- 104 **МИХАИЛ ТАРУСИН**
Дыхание золотого века
- 108 **ВАЛЕРИЙ КОРОВИН**
Социология сетевого экономи-
ческого захвата государств
в «теории Перкинса»
- 112 **АЛЕКСАНДР СОТНИЧЕНКО**
Ислам, Русская Православная
Церковь и государство в пост-
советской России
- 120 **ЕЛЕНА ЖОСУЛ**
Realpolitik патриарха Кирилла
- 124 Интервью с **ЯКОВЫМ РАБКИНЫМ**
Еврейская традиция, сионизм
и государство Израиль
- 128 **ВАЛЕРИЙ СТЕПАНОВ**
Revisiting Russian Conservatism
- 130 **ИЛЬЯ ДМИТРИЕВ**
Опасная философия
- 132 **АЛЕКСАНДР БОВДУНОВ**
Рецензия на книгу Александра
Дугина «Радикальный субъект
и его дубль»
- 134 **ФЁДОР БИРЮКОВ**
Рецензия на книгу Александра
Дугина «Четвертая политиче-
ская теория»
- 136 **ВЛАДИМИР НИКИТИН**
Рецензия на книгу «Сетевые
войны. Угроза нового поколения»
- 137 **ДМИТРИЙ ПОПОВ**
Рецензия на книгу Валерия
Коровина «Накануне империи»
- 138 **ВЛАДИМИР КАРПЕЦ**
Рецензия на книгу Алена де Бе-
нуа «Против либерализма к чет-
вертой политической теории»
- 140 **КОНСТАНТИН ГУСОВ**
Азбука политиков и политологов
- 142 **МИХАИЛ ТЮРЕНКОВ**
Слово как оружие

От редактора

Когда в прошлом году мы приняли решение выпускать журнал консервативной мысли, сам консерватизм еще не был «повесткой дня». Правящая партия только выбирала свой идеологический «наряд»: надеть ли ей этот тяжелый нешвенный хитон, или же соблазниться изящным сюртуком либеральной модернизации. Благо, выбор был сделан в пользу первого. Однако до сих пор непросто найти «единоросса», всецело осознающего смысл этого исторического поступка, понимающего, каким образом примерять это древнее одеяние, знающего, как ответить на, казалось бы, банальный и иронический вопрос: «А что же консервировать?»

Именно на этот вопрос мы попытались ответить в прошлом номере «Русского времени». И хотя в ходе этой работы неизбежно возникали новые вопросы, выявлялись очередные виды и подвиды консерватизма, одно прояснилось достаточно четко: то, чем консерватизм не является. Апофатический метод оправдал себя в полной мере. И именно

поэтому сегодня мы решили от вопрошания относительно смыслов и дефиниций той политической теории, которую мы признаем не просто сиюминутной, хотя и актуальной моменту, идеологией, но фундаментальной русской эпистемой, обратиться к одной из ее ключевых составляющих – геополитике.

Мы рады предложить своему внимательному и вдумчивому читателю крайне важный документ: аналитический доклад руководителей нашего издания профессоров Владимира Добренькова и Александра Дугина «К внешнеполитической стратегии России в XXI веке». Хотелось бы надеяться, что его прочтут не только доценты и профессора, студенты и аспиранты ключевых вузов России и стран СНГ, то есть та читательская аудитория, которая наиболее активно отреагировала на выход первого («пилотного») номера «Русского времени», и за многочисленные и содержательные отзывы которой мы особенно благодарны. Есть надежда, что журнал попадет и в руки людей, отвечающих за сферу «Realpolitik».



Ведь, по сути, именно для людей, отвечающих за сбережение и приумножение государства и народа Российского, на социологическом факультете Московского университета делался доклад независимого итальянского политолога и публициста Джульетто Къезы. Ведь именно им важнее всего прочесть статью нашего франко-швейцарского коллеги профессора Эмерика Шопрада, также как и беседу с одним из основателей отечественной теоретической политологии профессором Валерием Расторгуевым. И это не говоря уже о материалах заседания секции «Глобальный мир. Амбиции суверенной России» Форума «Стратегия-2020», любезно предоставленных «Русскому времени» одним из ведущих российских политических журналистов и общественных деятелей, членом нашего Редакционного Совета Максимом Шевченко.

Так что, действительно, очередной номер журнала консервативной мысли, не снизив уровня теоретизирования, стал более «реалполитичным», нежели

предыдущий. Однако при этом мы не отступили от правила публиковать в каждом номере нашего издания работы классиков отечественного и зарубежного консерватизма. На этот раз мы знакомим читателей «Русского времени» как с достаточно широко известными Василием Розановым и Карлом Шмиттом, так и практически не публиковавшимся в современной России Алексеем Вандамом, одним из основателей русской геополитической школы.

Также как и прежде, особое внимание уделено религиозным вопросам. На этот раз мы в соответствии с темой номера коснулись проблем православной геополитики, поскольку, по нашему твердому убеждению, положение России на международной арене во многом зависит от позиции Русской Православной Церкви. И в ходе прошлогоднего визита Патриарха Кирилла на Украину, о котором пойдет речь в одной из представленных вашему вниманию статей, это стало особенно заметно...

Но не буду пересказывать содержание номера. Он перед вами. Есть, что прочесть и над чем задуматься. Не буду писать и принятое в таких случаях «Не судите строго!». Судите. Строго. Именно для этого и выходит журнал консервативной мысли.

Отсчет «Русского времени» продолжается.

Михаил Тюренок,
ответственный редактор журнала
консервативной мысли «Русское время»

Кризис нашего времени

В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ДИНАМИКИ ПИТИРИМА СОРОКИНА

Владимир Добренков

Сейчас, в начале XXI века, над человечеством более остро, чем когда-либо за его многотысячелетнюю историю, встали определяющие вопросы: *Что происходит в мире? Куда мы идем? Что нас ждет впереди? Выживем ли мы?*

Ситуация во всех сферах человеческой жизнедеятельности давно уже стала критической. Над планетой висит «дамоклов меч» угрозы самоуничтожения в результате ядерной войны, миру угрожают все более обостряющиеся экологические проблемы поистине планетарного значения. Человечество разорвано имущественной поляризацией между странами «золотого миллиарда» и «непривилегированными» странами, между богатым и могущественным Западом и слабыми и бедными Востоком и Югом. Всюду царит насилие, и его прославляет западная массовая культура. Кажутся непобедимыми коррупция, преступность, наркомания, СПИД. Всеми человечеству угрожают бездуховность, деморализация, цинизм, конформизм и культ потребления. Агрессивность на государственном уровне становится доминирующей тенденцией мирового развития. Все человечество находится в состоянии глубочайшего системного кризиса.

В результате у большинства людей планеты растет отчаяние, пессимизм и апокалиптические настроения. Ученые рисуют различные варианты будущего и, как правило, все они выдержаны в мрачных тонах – всемирная война, медленная гибель от истощения ресурсов, духовное одичание, распад мира на ряд перманентно враждующих

цивилизаций. Призрак конца человеческой истории, «Конца света» бродит по всему миру.

Будущее человечества покрыто тайной. Оно неведомо и непредсказуемо, поэтому так страшно заглядывать в него. Оно пугает, но и притягивает к себе. Какая-то сверхъестественная сила заставляет каждого думать о будущем, а ученых – пытаться поставить диагноз, сделать прогнозы, описывать возможные альтернативы его развития. *Фокусом всех прогностических проектов и предсказаний стала бурно и широко обсуждаемая в последнее время в мировой науке и во всех средствах массовой информации проблема глобализации и мирового кризиса.* Недавно разразившийся мировой финансовый кризис в США, который вовлек в свою орбиту практически все страны мира, затронул все сферы жизнедеятельности общества – экономическую, политическую, духовную. Вновь и вновь со всей остротой поставил перед всем человечеством вопрос – в чем суть кризиса нашего времени? Что нас ждет впереди? Как должна Россия определять свое место и роль в условиях наступившего мирового кризиса? Что он несет с собой человечеству, – какие вызовы и угрозы?

Чтобы ответить на вопрос, который интересует нас больше всего – а каковы же место и роль России в глобализирующемся мире? – требуется, прежде всего, уяснить, что же такое современная глобализация, понять ее суть и логику цивилизационного развития. Какова судьба мира и человечества? Вот вопрос, который волнует всех и каждого человека. В какой точке исторической траектории развития человеческой цивилизации мы находимся?

*Доклад декана социологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова
профессора Владимира Добренькова,
сделанный на пленарном заседании V Всероссийской
научной конференции «Сорокинские чтения».*

Несмотря на кажущуюся безнадежность поиска ответа на эти вопросы я всё-таки попытаюсь сделать это. Мне представляется, что будет правильным, если мы попытаемся рассмотреть нынешний глобальный системный кризис человечества через призму социокультурной парадигмы, которая лежит в основании всех цивилизационных процессов.

Для рассмотрения данного вопроса в наибольшей степени подходит макротеория социокультурной динамики американского социолога российского происхождения П.А. Сорокина. Она трактует человеческую историю как процесс динамического чередования трех типов социокультурных (цивилизационных) суперсистем: *идеационного, идеалистического и чувственного*. Процесс ломки одного типа системы и установления другого есть цивилизационный кризис, который, по мнению П. Сорокина, является показателем истощенности базовых ценностей общества. Идеационный и чувственный типы являются базовыми, идеалистический тип представляет собой своеобразный симбиоз двух предыдущих.

Идеационные культурные суперсистемы обладают следующими отличительными чертами: в основе духовного существования этих суперсистем лежит идея некоего Абсолюта, представленного в Боге (богах, коммунизме и т.д.). Нравственная цель таких обществ заключается в стремлении всех его членов к достижению (постижению) высшего Абсолюта. Этика идеационных систем мало подвержена изменениям, так как считается исходящей от Абсолютного авторитета. Духовные ценности в этих суперсистемах возвышаются, материальным же отводятся второстепенное значение. В истории человеческой цивилизации преобладал этот тип социокультурных систем.

В *чувственных культурных суперсистемах* важнейшее место отводится материальной стороне жизни. Можно даже сказать, что в обществах, где господствует чувственный тип культуры, материальный комфорт и чувственные удовольствия являются своеобразным Абсолютом, достижению которого подчинена жизнь каждого члена общества. Этика в чувственных суперсистемах носит светский характер, то есть считается созданием человеческого разума, а потому релятивна, непрерывно видоизменяется под воздействием изменений в материальной действительности. Духовная жизнь в таких обществах не интенсивна, так как не способствует достижению чувственного счастья.

Особое место в классификации культурных суперсистем П. А. Сорокина принадлежит *идеалистическим суперсистемам*: это воплощение наиболее гармоничной для развития человека социальной модели.

В идеалистических обществах этические нормы являются синтезом этики идеационной и чувственной. Как и в идеационной этике, в идеалистической присутствует Бог или надчувственный Абсолют. Тем не менее, в противовес



идеационной этике, в идеалистической культуре положительно оцениваются те чувственные ценности, которые наиболее благородны и не противоречат Абсолюту. Выразителями этой этики были Сократ, Платон, Аристотель. Исторически для идеалистических обществ характерно гармоничное сочетание сильного ценностно-нормативного стержня с экономическим процветанием. Примерами таких идеалистических обществ являются Греция V–III вв. до Р.Х., Европа XIII–XV вв. от Р.Х.

Три типа социокультурных систем сменяют друг друга в истории: за идеационной системой следует идеалистическая. Такой переход не сопровождается цивилизационным кризисом, так как последняя является лишь смягченной формой первой. При дальнейшем движении общества к чувственной системе становится неизбежным цивилизационный кризис как процесс смены основополагающих социокультурных ориентиров. То же самое происходит при переходе социума от чувственного к идеационному социокультурному типу.

На основе анализа цивилизационных кризисов в Древней Греции, Древнем Риме, Древнем Китае и Индии в качестве главных признаков и одновременно последствий той или иной культурной суперсистемы П.А. Сорокин выделяет следующие: резкое обнищание значительной части общества и увеличение психических отклонений и самоубийств. *На духовном уровне цивилизационный кризис означает процесс смены глобальных социокультурных ориентиров общества.*

Применительно к России налицо практически все признаки цивилизационного кризиса, о которых говорил П.А. Сорокин – обеднение в масштабе нации, повышенная внутри- и внешнеполитическая конфликтность, резкий рост преступности, рост числа душевнобольных и самоубийств, кризис семьи. Так какова же цивилизационная сущность современного российского кризиса?

В политическом и экономико-социальном аспектах СССР представлял собой типично идеационное общество, функционировавшее по принципам государственно-бюрократического социализма. Приоритетом советского государства было сохранение и поддержание социалистической системы в противовес западному капиталистическому обществу. Советский человек жил и гордился принадлежностью к непотребительской, «идейно высокой» суперсистеме. Общество «работало» на воплощение «социалистических идеалов», таких как социальная справедливость, национальное равенство, полная трудовая занятость, моральная чистота, исконно созвучных русскому человеку.

В советском социуме идеалистическая социокультурная ориентация в значительной степени исходила от научной гуманитарной элиты. Начиная с 1960-х годов она вплотную занимается теоретической разработкой системы идеалистической социокультурной ориентации. В советской философии 1960-х – 1980-х гг. активно разрабатывается объективный идеализм Гегеля. Как пишет П.А. Сорокин в работе «Основные черты русской нации в XX столетии», «...Кроме всего прочего, официальная советская философия диалектического материализма Маркса-Ленина в некоторых отношениях является не менее материалистической и более идеалистической, чем такие течения западной философии, как атеистический экзистенциализм, фрейдизм, прагматизм, агностицизм, позитивизм и некоторые другие».

Таким образом, советское государство времен застоя представляло собой социокультурную суперсистему смешанного типа, в котором идеологический (ценностный) компонент был идеалистическим, а экономико-социальный – идеационным.

Когда крах идеационной системы коммунистической системы в 1980-х годах стал очевиден, то, по логике социокультурной динамики П. Сорокина, в СССР (России) должна была бы начаться *идеалистическая фаза*. Сочетание духовных идеалов (быть может, с уходом от коммунистической догматики и возвратом к православным духовным ценностям) и более реалистичных взглядов на экономику, распределение, освобождением мелкого и среднего сектора от диктатуры централизованного планирования. По этому пути и развивалось наше общество к концу 1980-х.

Возможность идеалистической фазы ясно различалась в 1980-е годы. Постепенное развитие рынка, реабилитация религии, некоммунистической философии, обращение к национальной истории, открытие всей полноты русской культуры. Идеационное напряжение коммунистической эпохи спадало, на смену ему приходили идеалистические подходы. Они вполне соответствовали историческим культурным константам российской истории – коллективизм, духовность, альтруизм, жертвенность, но вместе с тем народный практицизм, стремление к воле и самостоятельности.

Вплоть до начала 1990-х годов можно было предположить, что сложный переход от исчерпанной идеационной стадии состоится более или менее мягко и зафиксируется идеалистический тип общества. В таком обществе, по Сорокину, стремление к Абсолюту уравнивается заботой об организации временного, земного бытия. Баланс духовного и материального создает гармонию. Такое развитие событий было бы наиболее органично.

Но в начале 1990-х произошла настоящая катастрофа, сущность которой можно описать в терминах социокультурной динамики П. Сорокина. Мы проскочили идеалистическую фазу и сорвались в чувственную культуру. Этому способствовало то, что в своих идеологических установках реформаторы ориентировались исключительно на Запад, который, по убеждению того же Сорокина, уже давно, с середины XX столетия, прочно и безвозвратно вошел в период чувственной культуры.

Либеральные реформаторы настаивали на том, чтобы как можно быстрее построить экономическую, социальную, политическую, культурную, информационную систему, точно воспроизводящую основные параметры западных обществ. Именно в этом существенное отличие реформаторов 90-х годов XX века от западников века XIX-го – реформаторы копировали чувственный тип культуры, прочно утвердившийся к концу XX века, а западники XIX столетия – идеалистический, который преобладал на Западе (по меньшей мере, в Европе) в веке XIX. У западников XIX века мы встречаем патриотизм, искреннюю любовь к народу, желание улучшить его жизнь. У реформаторов XX века мы видим брезгливость и презрение к большинству населения, желание самим стать похожими на Запад и утвердиться в его глазах через отстранение от своей культуры и своей истории.

В силу определенных обстоятельств все битвы консервативного лагеря в России были проиграны, и в современном российском обществе на сегодня утвердилось культура именно чувственного типа. Это надо признать как факт. По меньшей мере, все критерии, предлагаемые Сорокиным для описания чувственной культуры, мы в современном российском обществе встречаем.

Современная Россия оказалась отлучена от ценностей коммунистической идеологии и в значительной степени от православной культуры, семидесятилетнее забвение которой не могло пройти для русского народа бесследно. В условиях же образовавшегося после падения идеалов коммунизма вакуума ценностей происходит духовная экспансия перерезавшей чувственной гедонистической культуры и социального порядка Запада. Следует отметить не только то, что в Россию привносится не только органически неприсущая ей система этики, но и то, что эта система несет в себе «кризисные» черты, то есть не ставит морально-нормативных преград аномии и девиантности во всех сферах общественной жизни.

В результате в обществе образовывается ценностный вакуум – отсутствие не подлежащей сомнению системы ценностей – основа и исходная предпосылка кризиса во всех сферах жизнедеятельности российского общества. Ввиду этого можно сказать, что современная Россия переживает не просто период радикального социально-экономического и политического реформирования, но и период болезненного, *насильственного* перехода от идеационно-идеалистической к чувственной социокультурной системе западного образца. Этот насильственный переход был спланирован и навязан нам Западом в опоре на либеральные круги российского общества.

Современная Россия благодаря усилиям реформаторов 1990-х годов все же вошла в чувственную культуру и сравнялась по основным параметрам с общим стилем современной западной цивилизации – это легко заметить по нашему телевидению, современной литературе, искус-

ству, политике, экономике, состоянию нравственности – везде доминирует чисто чувственный тип и эгоцентрический либеральный индивидуалистический подход.

Анализ реальной ситуации в нынешней России позволяет сделать вывод о том, что все попытки принудительного насаждения чувственной суперсистемы западного образца оказались неудачными, вредными для России и в значительной степени продемонстрировали исчерпанность самой социокультурной суперсистемы Запада. «В духовном смысле Америка уже погибла. В нашем свободном обществе каждый имеет право на деградацию. Но какое право имеют больные заражать здоровых?», – вопрошает американский философ Стивен Лаперуз. Его диагноз оказался на удивление созвучен вердикту, вынесенному западному обществу П.А. Сорокиным более полувека назад.

В работе «Социальная и культурная динамика» он ставит беспощадный диагноз болезни Западной культуры: «Организм западного общества и культуры переживает, по-видимому, один из самых сильных и глубочайших кризисов за всю свою историю. Он гораздо серьезнее, чем обычный кризис; глубина его неизмерима, конца ему пока не видно, и западное общество погружается в него целиком. Это кризис чувственной культуры, которая господствовала в западном мире в течение последних пяти столетий и ныне достигла состояния перезрелости...» «Кризисом охвачены все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества. Больны его плоть и дух, и едва ли найдется на его теле хоть одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань». Кризис всей системы ценностей западной культуры П. Сорокин сравнивает с ужасающей симфонией истории. «Буквально на наших глазах, – пишет он, – эта культура кончается самоубийством. Если она не умрет при нашей жизни, то все же едва ли оправится от истощения своих творческих сил и ран саморазрушения. Полумертвая-полуживая, она может растянуть свою агонию на десятилетия. Но ее весна и лето все равно прошли».

В своей книге «Главные тенденции нашего времени», характеризуя основные элементы кризиса Западной цивилизации, он констатирует, что «он заключается в распаде чувственной формы нашей культуры, общества и образа жизни, которые преобладают в западном мире в течение последних пяти столетий; кризис охватывает все среды этой чувственной культуры и общества, в этом смысле он всеобщий, эпохальный и величайший из всех кризисов в истории западного мира».

Западная цивилизация с его точки зрения уже исчерпала созидательный, конструктивный потенциал развития и в настоящее время близится к своему закату. Она полностью лишилась всего культурного ресурса своего поступательного развития и находится в состоянии глубочайшего кризиса, в социальной коме. Наличие такого кризиса констатируют многие известные западные ученые-философы, социологи, политологи, историки.



Кризисом охвачены все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества

.....

Историческая драма, а точнее – трагедия нынешнего времени, заключается в том, что умирающая в агонии чувственная, гедонистическая, эгоцентрическая культура Запада тащит за собой в глубокую пропасть небытия Россию, другие страны, особенно Востока, страны незападной культуры, которые, понимая, что это опасно и губительно для них, инстинктивно сопротивляются этому, но чаще всего уступают внешнему напору чувственной культуры Запада.

Драма сегодняшней России состоит в том, что именно путь национального развития в рамках сохранения идеалистического по своей сути социализма мог дать ей материальные и духовные достижения, сопоставимые с достижениями западной цивилизации и даже превосходящие их. Встав на путь космополитического слепого копирования западной чувственной культуры, наша страна обрекла себя на невозполнимые материальные и духовные потери, на «путь в никуда».

Сегодня в условиях всеобъемлющего кризиса в России, духовного вакуума и морального нигилизма возникает вопрос – что делать? Каков путь выхода России из кризиса? П.А. Сорокин неоднократно подчеркивал, что в условиях цивилизационного системного кризиса социума никакие отдельные люди в области экономики и политики не могут устранить его. По его мнению, *только глобальная ценностная переориентация внутри самого общества может стать гарантом стабилизации, его дальнейшего развития и процветания*. Именно в этом стратегия поиска реального пути выхода России из кризиса и тактическое решение задачи перехода от чувственного типа культурной суперсистемы к идеационной, или идеалистической.

«Человечество, – по мнению П. Сорокина, – должно быть благодарно чувственной культуре за ее замечательные достижения. Но теперь, когда она пребывает в агонии, когда ее продукт – это скорее отравляющий газ, чем свежий воздух, когда благодаря своим достижениям она вручила человеку ужасающую власть над природой, обществом и культурой, не обеспечив его при этом ни средствами самоконтроля, ни властью над своими стремлениями, чувствами и инстинктами, – теперь в руках такого человека со всеми достижениями ее науки и техники, она становится чрезвычайно опасной и для самого человека, и для всех его ценностей».

П. Сорокин совершенно правильно заключает, что «самая насущная потребность нашего времени – *это человек, способный контролировать себя и свои желания, с сочувствием относящийся к своим ближним, понимающий и ищущий вечные ценности культуры и общества, глубоко осознающий свою личную ответственность в мире*. Если покорение природной стихии – это главные функции чувственной культуры, то обуздание человека, его «гуманизация», облагораживание путем приобщения к Божественному Абсолюту всегда было важнейшей функцией идеациональной, или идеалистической культуры».

«Отсюда, – делает вывод П. Сорокин, – настоятельная необходимость перехода от чувственности к идеационализму, или идеализму, от покорения природы человеком и контролю над ней – *к контролю человека над самим собой*».

«Этот контроль невозможен без системы абсолютных, универсальных или непреходящих ценностей, а такие ценности несовместимы с чувственной ментальностью и культурой, которые по своей природе относительны, утилитарны, гедонистичны и всего лишь своеобразны. Отсюда – логическая и практически безотлагательная необходимость перехода к новой идеационной, или идеалистической культуре».

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, оценивая реальное историческое положение России в цивилизационном развитии. *Первое* – Россия находится сейчас на стыке двух цивилизационных изломов – переходе от чувственной культуры к идеационной. И, *второе*, для того чтобы преодолеть историческую смуту, охватившую ее, справиться с дезорганизацией, которая всегда, по Сорокину, сопровождает такой переход, необходима новая система ценностей, новые духовные ориентиры как для человека, так и для всего общества в целом, то есть нужны новые смыслы.

Для России сейчас как никогда нужна своя национальная идеология, так как только она сможет определить цели, идеалы, перспективу общественного развития, сделает общественную и личную жизнь человека осмысленной. Именно она должна дать новые ориентиры и систему ценностей для каждого человека, когда ему будет ясно – что из себя представляет общество, в котором он живет, куда оно идет, каковы его цели и идеалы. Нахождение обществом таких ориентиров и системы ценностей – это фактически и есть обретение нового смысла исторического существования и развития.

России нужна новая государственная идеология, программа стратегического развития страны, понятная всем гражданам России и отвечающая интересам и чаяниям большинства населения. Именно она сможет стать нашим консолидирующим инструментом общества, той созидательной силой, направленной на мобилизацию всей нации и общества на возрождение России. Всякая сформулированная в определенных понятиях система целей, норм и ценностей общественной жизни представляет из себя фактически некую идеологическую систему. Без этого идеологического компонента невозможна никакая ценностно-ориентированная деятельность человека, ибо только она способна консолидировать, мобилизовать и направлять психическую энергию людских масс, обеспечить обществу солидарность и согласие, придав ему определенную целостность, гарантированно обеспечить стабильность и устойчивость его развития.

Национальная идеология – это совокупность моральных, правовых, политических, философско-мировоззренческих, религиозных и эстетических ценностей, которые регулируют жизнедеятельность государства, общества, различных общественных групп и отдельных граждан, интегрируют их в единое целое, консолидируют общество, хранят его от губительных внутренних расколов и служат в качестве средства национально-государственной самоидентификации, ведут к общепризнанным в данном обществе целям. Ценности национальной идеологии могут послужить основой для социального консенсуса и средством разрешения противоречий и конфликтов между общественными группами и членами общества. Национальная идеология могла бы сплотить большинство граждан России во имя их интересов, во имя общего будущего всех честных, трудолюбивых и миролюбивых людей страны.

По нашему убеждению, национальная идеология России может быть сформирована только на основе консерватизма. Это значит, что мы должны вернуться к традиционным духовным ценностям, которые были основой страны в дореволюционную и советскую эпохи. Консервативная идеология могла бы выступить в качестве связи времени, в качестве средства духовной связи поколений нашего народа. Она предполагала бы приоритет национальных начал в развитии России, опору на свои силы, на глубокие национальные традиции. Консервативная идеология должна опираться на православие как конфессию государствообразующего народа при уважительном отношении к другим традиционным конфессиям коренных народов России. Идеологией, которая могла бы объединить и сплотить наш народ, может быть только идеология российского консерватизма. Именно так, на наш взгляд, должна она именоваться (в качестве вариантов названий

российской национальной идеологии возможны наименования: национальный консерватизм, социальный консерватизм, просвещенный консерватизм).

если она государственная, то должна по определению быть единственной. У государства не может быть несколько идеологий.



Для того чтобы объяснить принципы идеологии русского социального консерватизма, необходимо понять, что же такое консерватизм в общепринятом смысле слова? Консерватизм (франц. conservatism от лат. conservo – охраняю, сохраняю) – это идейно-политическая и нравственно-религиозная система, опирающаяся на традиции и ценностную преемственность во всех сферах общественной жизни. Для консерватизма характерны приверженность к существующим и оправдавшим себя в течение веков социальным ориентирам и нормам, отрицание резких изменений и радикальных реформ, отстаивание эволюционного развития. Впервые термин «консерватизм» для обозначения мировоззрения был использован, как известно, Ф. Штоббрианом.

Обращение к ценностям консерватизма отнюдь не предполагает призыва к реставрации дореволюционной России или СССР 1930–1950-х гг. Это и невозможно, и не нужно. Россию начала XXI века нельзя вернуть в XIX век или в середину XX века. Необходимо выделить ядро консервативной идеологии, консервативных ценностей и определить его современные формы. Консервативная идеология способна к развитию. Подлинный консерватизм предполагает защиту духовных опор жизни, национального достоинства, национальной культуры, национальной самобытности, и это значит, что он тождествен патриотизму.

В самых общих чертах российская национальная консервативная идеология должна исходить из сильной власти, высокой коллективистской духовности, основанной на традиционных ценностях православия и других конфессий России, на единстве государства и народа.

По сути своей национальная идеология как идеология нации, всего общества всегда является государственной, а

*Самая насущная
потребность нашего
времени —
человек, способный
контролировать
себя и свои желания*

Идеология и политика связаны друг с другом, и они связаны определенным образом. Идеология является системой высших ценностей, а политика – это деятельность государства и общества по претворению этих ценностей в жизнь. На наш взгляд, она должна, с одной стороны, базироваться на лучших традициях русского и советского прошлого, с другой – быть обращенной к реалиям современного мира, основанного на динамичном развитии современных технологий, достижений научного прогресса и интегрирующего человечества. Консервативная идеология по сути своей является идеологией развития, а не идеологией апологии застоя и старины.

Консервативная идеология способна развиваться и приспосабливаться к велениям времени, сохраняя в то же время верность своим основным принципам. Поэтому такая идеология способна вести за собой не только старшие поколения, но и молодежь России.

По мнению П. Сорокина, мир находится сейчас между двумя эпохами: умирающей культурой нашего величественного «вчера» и грядущей идеациональной или идеалистической культурой создаваемого «завтра». «В этих условиях, – утверждает он, – великая задача нашего и следующих поколений состоит не в безнадежном воскрешении того, чего уже нет, а в решении других проблем: во-первых, сделать этот переходный период как можно более безболезненным и, во-вторых, составить конструктивные планы для будущего общества и будущей культуры».

Создание в России своей национальной, консервативной по своему духу идеологии – это и есть тот конструктивный и дальновидный план будущего социокультурного порядка, который будет по ту сторону «старого режима» чувственной культуры и устремится на создание нового режима идеациональной, или идеалистической культуры.

Только консервативная идеология может спасти Россию, помочь ей успешно преодолеть цивилизационный кризис, выбраться из исторической смуты переходного периода, вернуть России цель и смысл исторического существования и развития. Только такая идеология способна выполнить *функцию духовной мобилизации* всего народа России на переход в новую идеационную стадию цивилизационного развития. Никакие планы модернизации России не будут иметь успеха, если они будут нацелены только на изменение социально-экономической или политической сферы общества. Если они будут ограничиваться только этими намерениями. Необходимо, прежде всего, новая система духовных ценностей и ориентиров. Новая национальная идеология, которая составит духовное ядро, фундамент новой идеационной цивилизации. Только она сможет аккумулировать и канализировать человеческую энергию всей нации на преобразования России. Этот духовный компонент является основным, базовым. Без духовной мобилизации масс любые попытки модернизации России обречены на провал.

Таким образом, вопрос о необходимости государственной идеологии это не формальный, а мировоззренческий вопрос национального существования, от решения которого напрямую зависит судьба русской цивилизации XXI века. Борьба за новую идеологию – это битва за Россию, за ее будущее.

Если исходить из того беспощадного, но очень точного диагноза по поводу судеб западной чувственной культуры, реквием по смертельной агонии которой звучит на весь мир, тогда мы должны твердо, ясно и громко сказать: *«Нам не по пути с Западом!»*. Было бы не просто опрометчиво, но и глупо добровольно разделить с западным обществом его судьбу и обречь себя на неминуемую гибель.

Непременным условием для создания и успешной реализации конструктивного плана перехода к идеациональной форме культуры для России должен стать решительный отказ от западной либеральной идеологии, которая является фундаментом всей чувственной культуры; ей необходимо изменить историческую траекторию своего развития.

Либеральная глобализация губительна и исторически абсолютно бесперспективна для России. Глобализация в ее американской упаковке не подходит нашей стране. Либералы, придя к власти в России в 90-х годах, резко критикуя и отвергая советскую коммунистическую идеологию, утверждали, что государственная идеология должна быть отменена, что государство должно быть вне всякой идеологии. Они ратовали за свободу от всех и всяческих идеологий.

Принцип отказа российского государства от государственной идеологии был зафиксирован в Конституции РФ. Сейчас официально у нас нет государственной идеологии. Либералы добились того, о чем мечтали. Но, как вскоре оказалось, это было лишь лицемерием и демагогией в духе политтехнологий. Находясь у власти, либералы возвели свои взгляды в ранг господствующей идеологии. Высказываясь первоначально за отказ от государственной идеологии, они фактически навязали нашей стране либеральную идеологию. Либералы по существу создали в 1990-х гг. режим либерального тоталитаризма. Каждый, кто не был согласен с либеральной идеологией, подвергался остракизму и вытеснялся из важ-

ных сфер общественной жизни. Либеральная идеология безоговорочно господствовала во всех сферах общественной жизни, над которыми либералам удалось установить свой контроль. Их идеология полностью оправдывала прозападные либеральные реформы, защищала их и, по сути дела, освящала уничтожение и разграбление России. Но, в конце концов, либерализм как идеология и как политический режим потерпел крах, показав свою полную нежизнеспособность, абсолютную вредоносность для России, свою антинародность.

В период пребывания Б.Ельцина у власти либеральная идеология де факто была государственной, хотя и не конституционной. И даже сейчас либеральная идеология, либеральная интеллигенция, либеральные средства массовой информации пугают общество опасностью введения единой государственной идеологии и тем самым пытаются снова и снова оправдать пока еще господствующую либеральную идеологию, которая пронизала все поры общественной жизни. Либеральной идеологии будет нанесен окончательный приговор только тогда, когда Россия откажется от нее, определится в выборе своей новой идеологии.

Нынешнее критическое положение России, которое является результатом ее либерализации, убедительно доказывает, что, повторюсь, *нам нужна другая идеология, что нам не по пути с либеральным Западом*.

Настал момент, когда Россия, чтобы спасти себя, должна решительно отказаться от идеологии западного либерализма и дистанцироваться от Запада. В этом спасение России. По нашему мнению, политика здорового и разумного изоляционизма, ограниченной автаркии предотвратила бы превращение России в сырьевой придаток Запада, позволила бы возродить ее промышленный и научный потенциал и сохранить ее духовный суверенитет, национально-государственную самобытность, культуру, ее менталитет, то, что называют «загадочной русской душой». Для целей самозащиты и самосохранения политика разумной самоизоляции, как доказывает история, может быть очень эффективной. Россия должна опираться, прежде всего, на свои собственные силы и максимально использовать свои богатые внутренние возможности.

Вместе с тем мы не призываем к абсолютному изоляционизму и закрытости. Это в принципе невозможно и опасно. Необходимо в интересах нашей страны, ее будущего суметь диалектично сочетать, с одной стороны, изоляционизм по отношению к нашим потенциальным врагам, с другой – открытость для связей с нашими настоящими, а не мнимыми друзьями и союзниками. Если Петр Великий «прорубил окно в Европу», то сейчас Россия должна захлопнуть дверь перед Европой, которая грубо ломится в нее и хочет установить у нас такие порядки, которые угодны ей, но не нужны нам. В основу наших отношений с Европой и США должен быть положен чистый прагматизм, холодный расчет и учет наших национальных интересов.

Интегрирование с Западом в форме, угодной для США, их союзников и наших отечественных либералов, грозит России забвением национально-государственных интересов и потерей национально-культурной идентичности. Наша страна может стать чем-то вроде сырьевого «погребя» Запада. России грозит опасность превратиться из субъекта международных отношений в объект между-

народных манипуляций, стать орудием в руках более могущественных политических игроков.

Настал момент, когда Россия должна открыто признать и заявить во всеуслышание: для нее США и Запад в целом являются не партнером, а геополитическим конкурентом и даже противником. Пора всем нам понять, что Запад, как об этом свидетельствует вся история наших отношений на протяжении столетий, всегда был, есть и будет враждебен России. Сильная и процветающая Россия никогда не была нужна Западу, который всегда боялся ее. В связи с этим Россия должна во многом перестроить свою внешнюю политику и пересмотреть свои геополитические ориентиры. И чем решительнее и быстрее это будет сделано, тем лучше будет не только для самой России, но и для всего мира. Нашей стране необходимо повернуться от Запада к Востоку и Югу.

Пора, наконец, открыто и честно признать, что России не по пути с нашими русскими либералами, которые откровенно предали Россию в 90-х годах. Они не думали тогда о национальных интересах России, о ее судьбе, она была им безразлична. Либералы были готовы отдать Россию на растерзание Западу, согласиться на ее расчленение, на отказ от национального суверенитета, на уничтожение государственности. Продолжают они это делать и сейчас. Горькая правда заключается в том, что они фактически являются противниками России, ибо все, что они делают, противоречит национальным интересам России и русского народа. Либералы делают все для того, чтобы «вернуть» Россию или интегрировать ее в лоно чувственной Западной цивилизации, не понимая того, что она безвозвратно катится в бездну небытия.

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что нынешний мировой кризис – лишь малое проявление тех поистине глубочайших перемен тектонического характера, которые происходят сейчас в западном обществе. Западная цивилизация обречена на гибель и ничто и никто ей не поможет. Умирает, гибнет чувственная цивилизация и это сопровождается мощными потрясениями всех основ жизнедеятельности, ее социальная энергетика исчерпана – катастрофы будут следовать одна за другой и потрясать весь мир ужасами и страхом. Как только фаза чувственной культуры пройдена и законы чувственного бытия в обществе восторжествовали, остается один выход – тотальный кризис и гибель тех обществ, которые позволили себя захватить этим процессом. Поэтому, следуя логике П. Сорокина, можно сделать вывод – США и западные страны никогда не смогут уже выйти из того исторического тупика, в который они зашли. Это полный крах либерального капитализма. Это конец их истории. Мировой финансовый кризис – это начало их конца.

Этот суровый и беспощадно правдивый диагноз, который Питирим Сорокин поставил западной чувственной цивилизации – поистине пророческое предупреждение нам – остановиться, оглянуться на эту умирающую западную цивилизацию, отвернуться от нее и идти своим путем – вперед.

Давайте внимательно присмотримся к тому, что происходит с нами. То, что предсказано П. Сорокиным, это ведь характерно не только для США и стран Запада, но и совершенно точно подходит к оценке того, что сейчас происходит в России. Чувственная культура, как раковая опу-

холь, метастазирует и постепенно поражает душу России. Если только мы не предпримем срочные меры, мы будем обречены разделить с западным миром его судьбу.

Но еще не все потеряно, еще не поздно. У нас есть надежда вырваться из объятий чувственной культуры и создать идеационную, заложить в фундаменте традиционные российские ценности, как светские, так и религиозные.

Все будет зависеть от того, насколько мы быстро и решительно откажемся от либеральной идеологии, хватит ли нам смелости и мужества определить и назвать своих внешних и внутренних врагов и друзей, как быстро нам удастся освободиться из плена иллюзий, что США и страны Западной Европы наши стратегические партнеры, освободиться от завораживающих наше воображение либеральных мифов о «правах человека», «свободе» и «демократии». Все будет зависеть и от воли политического руководства страны на решительные и жесткие действия в решении наших внутренних проблем, в особенности в преодолении коррупции и преступности. Россия должна сейчас сосредоточиться и определиться. Она должна опереться на новую консервативную идеологию и развернуть историческую траекторию своего развития в сторону от Запада.

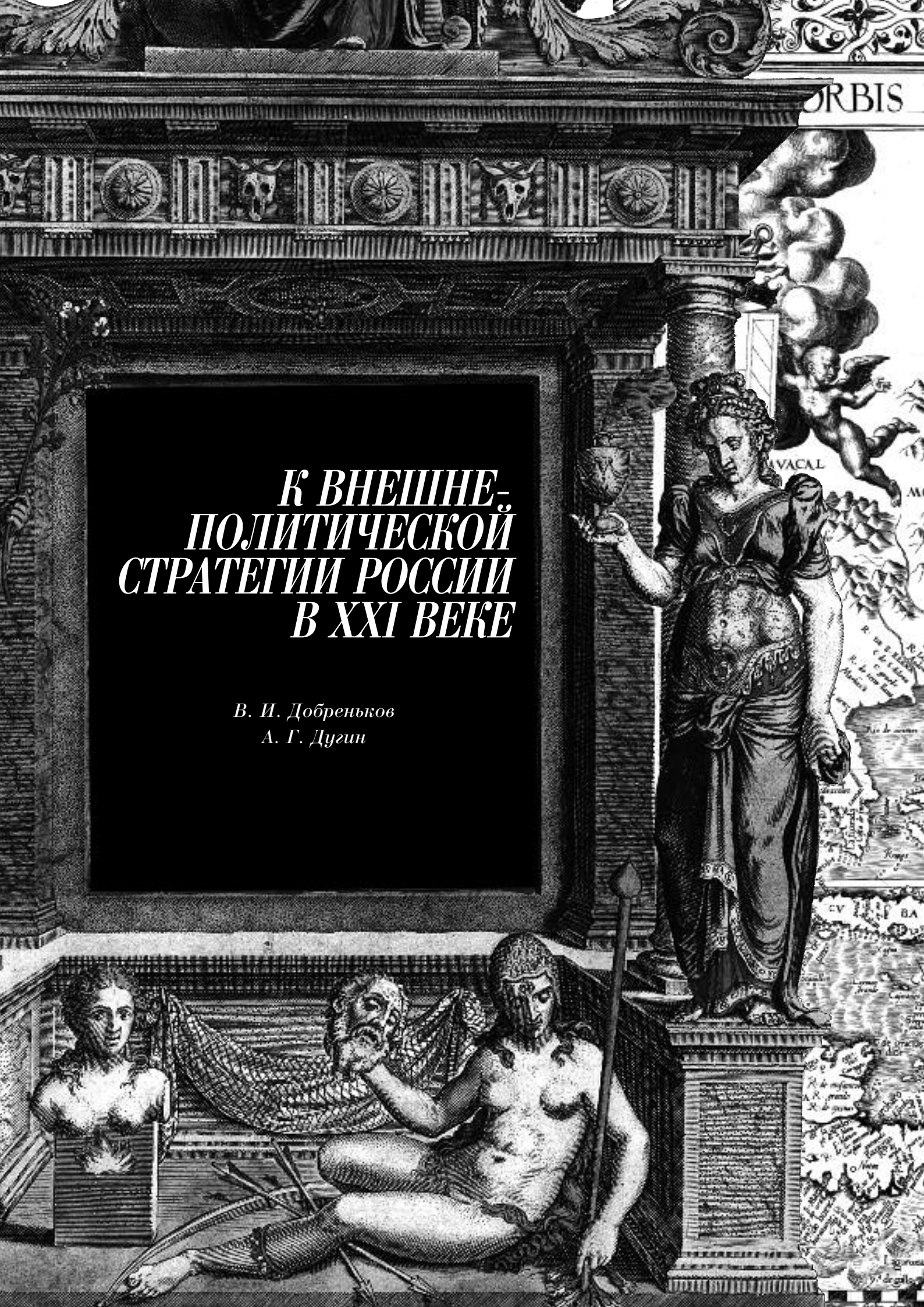
Русская культура и русская история демонстрируют повышенную готовность нашего народа идти именно по идеационному пути. Глубокое чувство Абсолютного составляет особенность нашего социокультурного типа. Многократно русские жертвовали комфортом и покоем ради реализации великих грандиозных, подчас недостижимых, целей. Поэтому российское общество, с социологической точки зрения, может стать наиболее естественной питательной средой для появления этого нового харизматического ядра грядущей цивилизации.

Аскетизм, жертвенность, стоицизм, вера в свою миссию веками формировали культурный тип русского человека. И если мы проиграли битву за постепенное и смягченное построение промежуточной идеалистической культуры в 1990-е годы, сорвавшись в культуру чувственную, то грядущий кризис дает нам шансы наверстать упущенное в том случае, конечно, если мы уже сейчас, не дожидаясь пика общецивилизационной катастрофы, сосредоточимся на построении проекта будущего (харизматического) общества – на основе героической веры в Абсолют, с опорой на наши вековые социальные, нравственные и религиозные ценности. Вот в этом мы можем одержать реванш за те упущенные возможности, которые открывались перед нами в 80-е и 90-е годы прошлого столетия.

Одно может помешать нам – если гибнущая западная цивилизация в предсмертной агонии потащит в бездну небытия все те страны, которые противостоят ей, развязав новую мировую войну. Об этом писал и сам Сорокин, предупреждая мир о такой вероятной возможности и необходимости бдительности. Следует всегда помнить об этом, делать соответствующие выводы, принимать неотложные действия и верить в то, что России удастся не только самой выбраться из современного кризиса, но и помочь другим народам и государствам найти тот общий путь в будущее – создание идеационной цивилизации, о которой мечтал и в создание которой всегда верил выдающийся прорицатель и пророк, наш соотечественник, Питирим Сорокин.

К ВНЕШНЕ- ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

*В. И. Добреньков
А. Г. Дугин*



1

Потребность в политическом реализме



Сегодня, в 2010 году, мы можем объективно констатировать, что в прошлом остались романтические грезы о «мире во всем мире», о «партнерстве всех со всеми», о «вечном мире», которые были весьма в моде в 80-е и 90-е годы прошлого столетия. Реальность оказалась иной, и неожиданно обнаружилось, что в мире ничего принципиально не меняется: на место Варшавского договора немедленно пришло НАТО, выйдя из-под влияния СССР (России), вновь образовавшиеся государства немедленно попали под влияние США и т.д. В советское время международная политика версталась под знаком советской идеологии. И эта идеология сплошь и рядом затмевала собой реальность. В 1990-е годы доминирующая идеология сменилась на либеральную, но искажения наших представлений об окружающей России действительности отнюдь не сократились – правда, вместо целиком отрицательного стереотипа западного общества мы перешли к столь же некритическому, но целиком положительному стереотипу.

В новых условиях сама жизнь подталкивает нас к новому типу мышления – к реализму. И особенно важен такой реализм в международной политике. Реализм в области человеческого общества не может быть, однако, таким же, как в сфере естественных наук. Общество состоит не из предметов, не из вещей, частиц или животных; оно состоит из человеческих существ. А это совсем иной мир. Реальность человека – особая сфера, поэтому и реализм при изучении человеческих обществ, при осмыслении их взаимодействий и конфликтов должен быть особым. В реальность человека заложено не только то, чем он является и чем он был, но и то, чем он будет. Человек несет в себе открытый проект как неотъемлемую часть своего существа. Человек в большинстве общественных вопросов и отношений конституирует себя как человека политического, и его реальность становится политической реальностью. Поэтому можно назвать реализм в осмыслении человеческих обществ, и особенно в сфере международных отношений, «политическим реализмом». В такой реальности есть не только то, что уже сейчас наличествует, но и то, что будет создано завтра, так как человек, наделенный волей, сознательно созидает это завтра. Поэтому политический реализм захватывает не только описание положения дел сегодня, но и прогноз, и даже исторический императив того, что должно быть осуществлено в будущем. Всякий прогноз, как показал социолог Р. Мертон,¹ является в чем-то «самосбывающимся пророчеством» – люди, прогнозируя то, что вероятно случится в будущем, сознательно или бессознательно либо желают, либо боятся этого (или и то, и другое вместе). Поэтому политический реализм не означает модных претензий на беспристрастность и дистанцию, но трезво мыслит соотношение желательного и возможного, смотрит в глаза опасностям и открывающимся перспективам, не дает себя запугать чужими или успокоить своими собственными мифами. Во внешней политике нам нужен именно такой спокойный и рациональный реалистичный подход – политический реализм.



2 Однополярная глобализация и американская гегемония

Процесс глобализации, который порой мыслится как диалог различных цивилизаций и культур, сегодня представляет собой навязывание западной, американской, системы ценностей в планетарном масштабе. Эти ценности объявляются «универсальными» и «общечеловеческими», хотя за ними стоит конкретный исторический опыт очень конкретной части человечества, проживающей на конкретной ограниченной территории. Такая глобализация является однополярной и передает бразды мирового правления в одни руки – в руки США, которые претендуют не только на контроль над мировыми процессами, но и на установление самих правил игры.

Вместе с навязыванием американских ценностей (рынок, индивидуализм, права человека, либеральная демократия, буржуазный парламентаризм, концентрация экономики в руках крупных частных мировых монополий, транснациональных корпораций и т.д.) происходит навязывание всем остальным американских интересов. Те страны и правительства, которые следуют за США в региональной политике, объявляются «демократиями» (какой бы режим в них ни существовал на самом деле), а те, кто осмеливаются проводить суверенную политику, причисляются к «изгоям» и представляются «авторитарными режимами» и «пережитками прошлого» (чаще всего без каких бы то ни было оснований).

Глобализация превращает страны и народы из суверенных субъектов международной политики в инструментальные объекты, управление которыми постепенно переходит из рук национальных администраций к наднациональным инстанциям – прототипу своего рода «мирового правительства».

Либеральная идеология становится планетарной, провозглашая деньги и материальное благополучие мерой всех вещей, разрушая духовные и нравственные ос-



новы человеческого общества. Экономика, рынок, сфера производства и потребления превращаются из подсобных сфер человеческой жизни в самоцель, служат мерилом для всех протекающих в обществе процессов. Частная собственность объявляется абсолютной истиной, подрывая социальные основы человеческого общежития, разделяя органические коллективы – народы, этносы, общины, религиозные объединения – и увеличивая с каждым днем степень отчуждения между людьми, природой и духовным миром.

Ничем не ограниченное и не сдерживаемое никакими моральными пределами развитие «раскрепощенной техники» переносит центр внимания людей в «виртуальный мир»: в сферу сетевых технологий и информационную среду, где отчуждение от реальности достигает апогея. На повестке дня стоит разгадка генома, геновая инженерия и как результат – искусственное создание «человека», а точнее, постчеловека: мутанта, киборга, репликанта. Размывая традиционную мораль, либерализм готовит легитимацию подобных технологических экспериментов.

Действующая сегодня модель глобализации ставит все страны, народы и цивилизации перед фундаментальным выбором: либо принять американскую модель (пресловутый «american way of life»), либо искать свои собственные маршруты развития, встав на путь сопротивления глобализму и найдя свой собственный ответ на его вызовы. Сегодня становится все более ясно, что сохранить «статус кво», не реагируя на глобализацию, невозможно, так как пассивное наблюдение за тем, как эта глобализация разворачивается «сама по себе», неминуемо ведет к десовернизации и введению внешнего управления, то есть к потере странами свободы и независимости. Это и предопределяет основной контекст современной международной политики. И каждая страна призвана дать свой ответ на этот вызов.



Сегодня Россия, с учетом реалий в политической расстановке сил, должна четко обозначить цели в проведении последовательного геополитического курса. Самое главное при этом – учитывать, что США не изменили и не хотят менять стратегического курса внешней политики на установление гегемонии и мирового контроля под своей эгидой. Мы слишком рано выбросили из своего лексикона понятие «противник». Нужно честно и ясно сказать, что у России есть противники, и США среди таких противников является первым.



.....

1. Россия должна стать самостоятельным политическим игроком в пределах всей планеты, обеспечивая свою национальную безопасность в глобальном масштабе, так как развитие современных технологий расширяет зону возможной дислокации вооруженных сил потенциального противника до границ всего земного шара. Для этого России следует установить отношения стратегического партнерства как со странами, находящимися в непосредственной близости от ее территории, так и в самых далеких уголках мира. Вопрос «противников» и «союзников» в условиях глобализации становится вопросом глобальным, а не локальным.
2. Россия должна распространить зону своего непосредственного влияния на территорию Восточной Европы, и особенно на православные страны (Румынию, Болгарию, Македонию, Сербию, Грецию).
3. Россия должна осуществить прочную интеграцию стран СНГ в наднациональный союз (Евразийский союз) по аналогии с Европейским союзом и образовать на основании этого союза единую сплоченную политико-экономическую и военно-стратегическую структуру.
4. России следует организовать систему двусторонних военно-политических альянсов с другими полюсами силы (Евросоюзом, Китаем, Индией, Ираном, Турцией, Пакистаном, Бразилией, Израилем) для совместного сдерживания планетарных гегемонистских амбиций США, а в последующем – для предотвращения возникновения нового асимметричного полюса, способного взять на себя роль нового мирового гегемона.

5

К новой идеологии международных отношений

Для реализации этого проекта потребуются последовательные усилия. В первую очередь, необходимо разработать такую идеологию, которая могла бы быть приемлемой для самых разных стран и народов. В качестве такой идеологии не может выступать ни марксизм (исторически изживший свой потенциал), ни либерализм (используемый для этих целей США и странами НАТО, конкурентными России), ни российский национализм (заведомо ограничивающий интеграционный потенциал территорией Российской Федерации и не пригодный в силу этого для экспорта). Поиск такой идеологии следует осуществлять в области «четвертой политической теории».²

Четвертая политическая теория – это модель политической организации многополярного мира, который должен прийти на место современного однополярного мира. В основе этой теории лежит критический пересмотр традиционных политических идеологий, сложившихся в период XIX–XX веков, главными из которых являются либерализм, коммунизм и фашизм (включая национал-социализм). Все эти идеологии на пороге XXI века оказываются неприемлемыми и, следовательно, основывать на них международную политику далее непродуктивно и неконструктивно. Вместе с тем необходимо заимствовать у каждой из них определенные моменты, отвергнув остальные. В самых общих чертах «четвертая политическая теория» как мировоззренческая основа архитектуры многополярного мира может быть описана через диалектическое отрицание трех основных идеологий, существовавших в истории человечества: либерализма, коммунизма и фашизма.

Либерализм как идеология сложился в начале XIX века и, выиграв идеологическое противостояние со своими оппонентами (фашизмом и коммунизмом) в XX веке, сегодня претендует на роль глобальной идеологии. В основе либерализма лежит идея полного освобождения индивидуума, представление о рынке как об оптимальной инстанции самоорганизации человеческого общества и фигура торговца, буржуа, представителя третьего сословия как нормативного образца социального устройства. Именно в момент своего триумфа в конце XX века, после краха советской идеологии и мирового марксизма, либе-

рализм обнаружил свои границы и слабые стороны. Упор, сделанный на индивидуальные свободы, привел к десоциализации человека, к его полному отрыву от социальной и природной среды, к его виртуализации, к появлению симулякра³ человека. Победа либеральной идеологии лишила человека его историчности и означала, по мнению самих либеральных идеологов, «конец истории».⁴ Эта победа оказалась Пирровой. Индивидуум не может быть субъектом истории, так как, встав в центре истории, он лишает ее дальнейшего содержания. С этим и связана глобализация – она претендует на замену международной политики, международных отношений чисто экономическими рыночными процессами в планетарном масштабе. Соглашаясь с либерализмом, мы тем самым соглашаемся с «концом истории» и «десуверенизацией» самобытных культур, цивилизаций, религий и обществ.

Четвертая политическая теория противостоит либерализму как идеологии, ставящей во главу угла индивидуума, но берет на вооружение ценность свободы. Эта ценность должна, однако, соответствовать иной инстанции, иному социальному субъекту, нежели индивидуум (его природу мы рассмотрим далее).

Пересмотр второй политической теории – марксизма – связан с явной неадекватностью исторических прогнозов самого Маркса, предсказавшего неизбежность социалистических революций в развитых буржуазных обществах Европы (где они не произошли) и отказавшегося допускать саму возможность таких революций в обществах Азии и в России (где они частично произошли). Кроме того, исторический материализм, некритическая вера в прогресс и догматический атеизм делают коммунистическую идеологию неприемлемой сегодня в том виде, в котором она была сформулирована классиками. Вместе с тем марксизм дает точный анализ отчуждения в буржуазном обществе, справедливо критикует капитализм и механизмы присвоения прибавочной стоимости, верно предсказывает его неизбежные кризисы и описывает их механизмы. Критику капитализма можно перенести и на современные условия, а выделение в качестве субъекта истории класса стоит признать неадекватным. Из марксизма «четвертая политическая теория» принимает анализ отчуждения в буржуазном обществе. На уровне внешней политики системная критика капитализма и разоблачение его эксплуататорской природы требуют отказа от самой парадигмы либеральной глобализации и делегитимизации мировой капиталистической системы как экономической матрицы глобальных процессов.

OLFO DE LA NUEVA ESPAÑA



В идеологиях «третьего пути» (фашизм, национал-социализм и т.д.), которые появились позже других политических идеологий и раньше других исчезли, следует категорически отбросить расизм как идею заведомого превосходства людей одной расы над другими. Именно расовая теория и экстремистский национализм фашизма и национал-социализма привели к неисчислимым трагедиям, морям крови, миллионам человеческих жертв, а сами эти политические режимы – к историческому поражению и полному политическому краху. В то же время «четвертая политическая теория» расширяет критику расизма, распространив ее не только на биологический расизм и национализм, но и на все формы признания неравенства человеческих обществ – по культурному, религиозному, технологическому или экономическому признакам. Представление о том, что народы, не имеющие тех или иных социальных институтов, культурных обычаев или экономических механизмов, являются низшими и нуждаются в «развитии», есть не меньший расизм, нежели гитлеровские идеи о расах «унтерменшей», «недолюдей». «Четвертая политическая теория» отвергает все формы расизма и отказывается считать субъектом истории «расу» (как в национал-социализме Гитлера) или «государство» (как в итальянском фашизме). В международных отношениях это проецируется на признание равенства всех обществ и цивилизаций, всех народов и культур Земли независимо от цвета кожи, уровня развития, системы верований, социально-политической системы, и на отказ от выделения какой-либо одной системы ценностей (западной или восточной) в качестве универсальной. Позитивным моментом теорий «третьего пути» может явиться интерес некоторых его нетипичных и диссидентских мыслителей к ценностям «этносов» и «народов» в мировой истории, причем всегда эти понятия должны браться во множественном числе. Важными являются также правовая теория «больших пространств», теории «прав народов» и «политической теологии»,⁵ развивавшиеся сторонниками немецкой консервативной революции (антигитлеровской оппозиции справа).

6 «Четвертая политическая теория» и ее исторический субъект

Подводя итог ценностной ревизии трех магистральных идеологий XIX–XX веков, можно с большой степенью приближения сделать вывод о том, что «четвертая политическая теория» отбрасывает в либерализме капитализм, индивидуализм и «религию денег»; в коммунизме – материализм, атеизм, прогрессизм и теорию «классовой борьбы»; в фашизме – все формы расизма, тоталитаризм и идею доминанции одной культуры над другой. Вместе с тем из либерализма «четвертая политическая теория» черпает ценность свободы; из коммунизма – этический идеал справедливости, равенства и гармоничного человеческого общежития, основанного на преодолении отчуждения; от «третьего пути» берет ценность этноса, народа, религии, духовности, семьи и сакральности.

Эти принципы вполне достаточны для того, чтобы служить основанием для новой парадигмы международных отношений. Это позволит не только укрепить идентичность каждого участника этих отношений, но и выстроить гармоничную, плюралистическую и открытую систему межкультурного и междивизиационного диалога.

Субъектом «четвертой политической теории» может выступать не индивидуум, не класс, не раса и не государство, но Dasein – конкретное и укорененное в своей органической, культурной, языковой и духовной истории человеческое бытие. Термин «Dasein» лежит в основании философии Мартина Хайдеггера, жесткого критика «техники» как негативной судьбы западного человечества (и всех остальных вместе с ним). Зловещие предсказания Хайдеггера о том, сколь роковую роль сыграет техника в судьбе человечества, сегодня сбываются на наших глазах. Пророческой оказалась и критика Хайдеггером как национал-социализма, так и американского либерализма и советского коммунизма. С философской точки зрения, «четвертая политическая теория» может быть отнесена к области феноменологии, структурализма, экзистенциализма, этносоциологии и культурной антропологии. Все эти философские и гуманитарные дисциплины ставят акцент на многообразии человеческих культур и видят в этом многообразии высшую ценность, сокровище человеческого духа, то, что требуется не искоренять и уравнивать, а всячески сохранять, поддерживать и оберегать, сводя все противоречия и конфликты не к насилию, универсализму и колонизации (под какой бы то ни было оправдательной фразеологией), а к гармонии и диалогу.

«Четвертая политическая теория» должна разрабатываться разными народами и культурами, и каждый может внести в нее свой вклад. Но расположенная в Евразии, на пространстве пересечения культурных и цивилизационных тенденций Запада и Востока Россия самым своим положением призвана встать во главе этого концептуального мировоззренческого процесса. Поэтому неслучайно об этой теории впервые стали системно размышлять именно в России.

Без новой идеологии международной архитектуры многополярного мира сложиться не может. Поэтому разработка «четвертой политической теории» является важнейшим направлением при планировании внешнеполитической стратегии России будущего.

7

«Четвертый номос Земли»

Немецкий философ права Карл Шмитт⁶ разработал учение о «номосе» Земли, то есть о базовой структуре, лежащей в основе международных отношений. Он выделял три «номоса» («закона», «парадигмы»), существовавших в последние века в западноевропейской истории и служивших образцом для остальных, неевропейских, обществ.

Первый «номос» он связывал с Вестфальской системой, сложившейся в 1648 году по результатам Тридцатилетней войны, когда в качестве субъектов международного права были признаны государства-нации как носители суверенитета. Этот «номос», согласно К. Шмитту, просуществовал в той или иной степени до конца Второй мировой войны, после чего «де факто» носителями суверенитета стали два противостоящих друг другу идеологических блока – «западный» во главе с США и «восточный» во главе в СССР.⁷

Распад Варшавского договора и СССР привел к появлению однополярного мира – третьего «номоса» Земли, по Шмитту. Эта парадигма номинально длится до сих пор под эгидой мирового либерализма и непрекращающихся усилий США по строительству американской гегемонии (при Обаме эти тенденции проявляются более мягко, чем при неоконсерваторах, задававших тон во внешней политике при прежнем президенте США Д. Буше). Очевидно, что в таком «номосе» Россия обречена на то, чтобы быть простым объектом глобализации, утратить свой суверенитет и постепенно раствориться в новой глобальной архитектуре под контролем Запада, претендующим на то, чтобы стать «глобальным».

Россия сможет рассчитывать на сохранение и укрепление суверенитета только в случае альтернативного мироустройства, при альтернативной архитектуре международных отношений. Поэтому мы должны говорить о «четвертом «номосе» Земли», о многополярном «номосе», который должен сменить собой существующий однополярный.

Четвертый «номос» Земли, конкретизация его структуры, облечение его в формы стратегического проекта напрямую связаны – даже терминологически – с «четвертой политической теорией».⁸

8

Необходимые предпосылки для проведения адекватной внешней политики России в краткосрочной перспективе

Если в долгосрочной перспективе в международной политике мы не можем обойтись без разработки полноценной идеологии международных отношений, без программы строительства альтернативного мирового порядка, без реализации «четвертого «номоса» Земли», то в краткосрочной перспективе перед Россией стоят непосредственные задачи, не справившись с которыми мы утратим саму возможность думать о завтрашнем дне, о сохранении, укреплении и расширении объема и содержания нашего суверенитета, о том, чтобы играть в глобальном мире существенную роль.

Принципиальными насущными задачами России в краткосрочной перспективе являются:

1. Сохранение территориальной целостности РФ, жесткое противодействие сепаратизму во всех формах.
2. Отстаивание и защита суверенной духовной идентичности, основанной на исторических традициях и культурном богатстве народа (это предполагает отказ от глобалистской догматической либеральной идеологии и разработку механизма взаимодействия государства с традиционными религиозными конфессиями).
3. Установление на пространстве стран СНГ зоны безопасности, исключающей наличие там военных объектов блока НАТО (через гарантии их нейтралитета или через вступление в состав Общественного договора по коллективной безопасности).
4. Установление военно-политических союзов с теми странами, которые ориентированы на отстаивание своих суверенных национальных интересов перед лицом давления, исходящего от США и стран НАТО.

От того, как Россия будет реализовывать свои краткосрочные и долгосрочные стратегии в международной политике, и от того, как на это будут реагировать другие участники международных процессов – в первую очередь, США, Евросоюз, Китай, исламские страны, страны СНГ – будет складываться сценарий «Большой Игры» XXI века, которая откроет широкий спектр для развертывания конкурентных внешнеполитических стратегий различными игроками мировой политики. На определенных направлениях одни силы могут добиваться успехов, другие – терпеть неудачи. Но по закону сообщающихся сосудов зоны, освобождаемые одним игроком, будут автоматически заполняться другими. Чтобы это стало реальностью, надо лишь включиться в игру по-настоящему. Для этого важно не только осуществить ревизию ресурсов и поразмыслить о том, где и как приобрести недостающее, но и проявить настойчивость и последовательность в решимости отстаивать национальные интересы.



9

Конкретные шаги для закрепления приемлемых стартовых условий участия в «Большой Игре» XXI века

Для того чтобы обеспечить суверенитет России в новых условиях как необходимую предпосылку для проведения самостоятельной внешней политики, необходимо реализовать следующие шаги

Во внутренней политике Российской Федерации:

1. Закрепить окончательно систему полного политико-стратегического контроля федерального центра над регионами, для чего следует законодательно упразднить все национальные образования на территории Российской Федерации, придав им статус чисто административных единиц (губерний). Это снимет с повестки дня любые попытки преобразовать эти республики в подобия национальных государств со своими национально-административными нормативами.
2. Плавно преобразовать главную политическую силу страны – партию «Единая Россия» – в инструмент обеспечения политического единства страны на основании идеологии «русского консерватизма». Эта идеология должна включать в себя такие ценности, как церковность, духовность, нравственность, семья, помощь ближнему, верность историческим традициям и культурным корням. Это может быть реализовано через систему элитного отбора партийных кадров среди всех регионов и среди всех этносов России с постепенным идеологическим воспитанием из них убежденных носителей консервативной идеи.
3. Расширить полномочия местных органов власти для развития инструментов прямого самоуправления ад-

министративных единиц на местах, с повышением процента от собираемых налогов в низовых инстанциях (областях, городах, поселках и т.д.). Это означает развитие конкретного федерализма и субсидиарности.

4. Разработать гибкую экономическую модель территориального распределения труда, корректируемую в стратегически важных областях федеральным центром. Это потребует интенсификации «центров развития», наукоградов, создание общенациональных консорциумов, обеспечивающих кооперацию. В определенных секторах экономики представляется целесообразным сохранить и укрепить госкорпорации, повышая их эффективность и пристально следя за прозрачностью в деятельности государственных менеджеров.
5. Приоритетно интенсифицировать инвестиции в область высоких технологий для вывода российской экономики на конкурентноспособный уровень в области высокотехнологичного производства.
6. Фундаментально модернизировать транспортную систему для интеграции экономического и социального пространства всех регионов России.
7. Разработать систему экстренного социального развития с учетом региональной, климатической и этнической специфики разных областей (проекты «Социальный Кавказ», «Социальная Сибирь», «Социальный Север», «Социальное Приморье» и т.д., учитывающие в экономической, финансовой и промышленной политике фундаментальные хозяйственные и социальные различия между этими регионами).



В отношении стран ближнего зарубежья необходимыми представляются следующие неотложные шаги:

1. Усиление российского влияния в странах СНГ, создание пророссийских политических сил и движений и противодействие тенденциям вхождения их в зону прямого влияния стран Запада – США и Евросоюза. Для этого следует не просто оказывать на них политическое, дипломатическое и экономическое давление, но и активно поддерживать те политические и общественные силы и движения, которые ориентированы на Россию или, по меньшей мере, выступают за стратегически нейтральный статус своих стран. В этом следует творчески осмыслить опыт работы сетевых организаций и структур, которые используются архитекторами глобализма в своих целях, и обратить это оружие против тех, кто избрал его первым. Ни при каких обстоятельствах Россия не должна допускать вступления в НАТО Украины, Грузии, Молдовы, Азербайджана или Армении. Если политическое руководство какой-либо из этих (или иных) стран СНГ сделает необратимый шаг в сторону вступления в НАТО, Россия должна отказаться от того, чтобы выступать гарантом их территориальной целостности (как это обстоит «де факто» в настоящее время). При том влиянии, которое Россия оказывает на население значительной части граждан этих стран, это неминуемо приведет к их расчленению и распаду, что восприимчиво вступлению в НАТО и откроет возможность их дальнейшего сближения с Россией, и даже полной интеграции в Российскую Федерацию.
2. Активизация совместных экономических проектов между Россией и странами СНГ на государственном и частном уровнях, контроль над стратегией крупного частного бизнеса с тем, чтобы он создавал свои программы с учетом геополитических интересов России.
3. Реализация системы социальных взаимодействий между обществами РФ и стран СНГ: в области образования, создания совместных общественных движений (НПО), обмена научными кадрами, облегчения потоков трудовых мигрантов и укрепления их правовой защиты.
4. Выстраивание модели прицельного информационного влияния на общества стран СНГ со стороны России, доведение до граждан стран СНГ положительного образа, ценностной системы, цивилизационных особенностей русского общества в качестве центра притяжения. Для этого следует разработать модель интенсивного информационного влияния на общества стран СНГ через специальные теле- и радио-каналы, спутниковое ТВ, интернет, новейшие технологии связи. Россия должна присутствовать как привлекательный и притягательный полюс в общественном сознании всех жителей стран СНГ, и для этого надо использовать все имеющиеся в наличии средства – вплоть до активного участия российских медиахолдингов в рынке СМИ там, где этот рынок является частным. Однако этот процесс должен, наряду с экономическими, учитывать, в первую очередь, и политические аспекты: российские медиахолдинги, входящие в медиарынок стран СНГ, обязаны проводить информационную политику, согласованную с интересами России в соответствующих странах (обес-

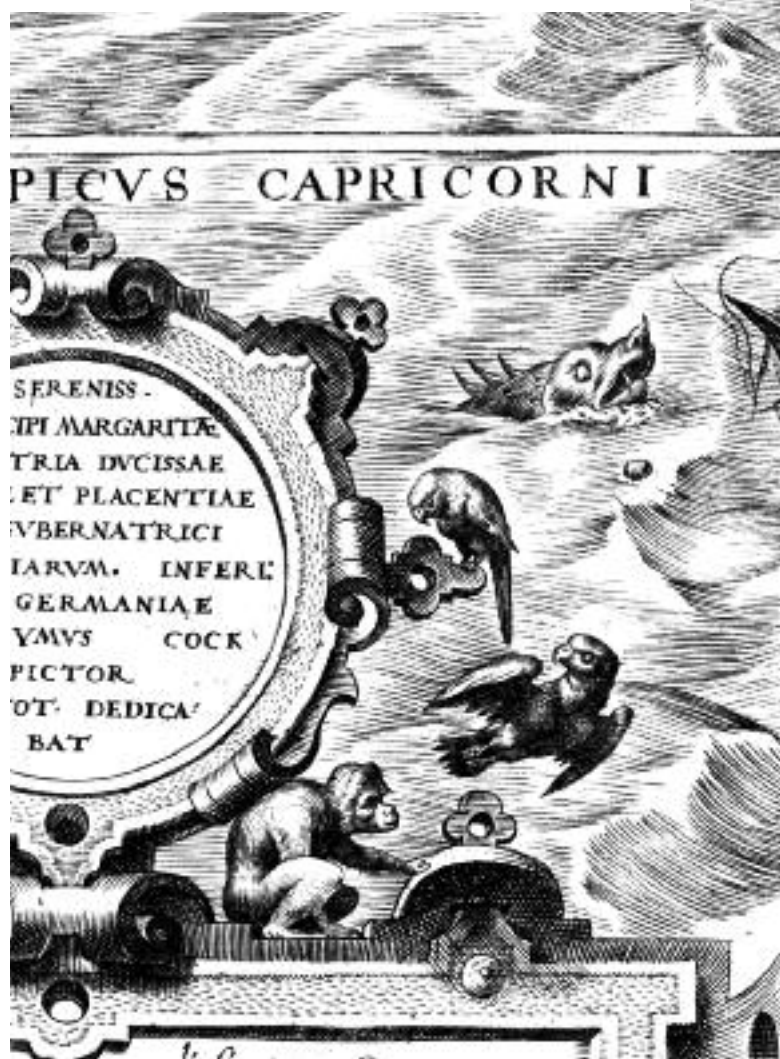
печение такого учета национальных интересов может регулироваться прозрачно через предпочтения для таких холдингов в самой России).

5. Активное включение стран СНГ в процесс военно-политического партнерства – членство в ОДКБ, совместные военные учения, поставка оружия и интеграция усилий в оборонной области с соответствующим разделением труда в НИР. Зависимость от российских специалистов в вопросах вооружения и тесное военное сотрудничество сблизит страны СНГ с Россией в оборонной сфере.

В отношении стран дальнего зарубежья следует:

1. Заключать стратегическое партнерство с теми странами, которые открыто противостоят американской гегемонии – такими, как Иран, Венесуэла, Никарагуа, Боливия, Ливия, Северная Корея, Сирия и т.д.
2. Искать общие точки соприкосновения с теми странами и блоками стран, которые заинтересованы в диверсификации центров силы в мировом масштабе, но не готовы идти на конфронтацию с США – Китай, Бразилия, Индия; а также частично Евросоюз, Турция, Израиль, Япония.
3. Налаживать экономические связи и развивать партнерство в сфере энергетики со странами Запада и Востока для повышения устойчивости российской экономики.

Реализация этих векторов развития позволит надежно обеспечить суверенитет России, по меньшей мере, в региональном масштабе, оградить ее от возможных притязаний со стороны внешних сил, обеспечить реализацию основных требований национальной безопасности.



10 Шаги в направлении реализации долгосрочных перспектив



Успешное решение краткосрочных задач закрепит на определенный период за Россией статус региональной державы, но не обеспечит само по себе гарантий участия России в определении глобальной архитектуры мира. Даже если России удастся выполнить успешно все эти шаги, это не гарантирует отказа США от мировой монополии и строительства однополярного мира. В условиях, когда Россия будет действовать только в малой зоне влияния и искать поддержку у отдельных – часто небольших – ситуативных союзников, последовательная реализация планов строительства однополярного мира Соединенными Штатами Америки и их союзниками на Западе и на Востоке может привести к тому, что Россия будет окружена плотным кольцом держав, находящихся под прямым стратегическим влиянием США и НАТО. Если же при этом она будет действовать в политической и экономической сферах по правилам и кодам, выработанным на Западе, то это будет лишь благоприятствовать укреплению интересов стран Запада через распространение и универсализацию западных ценностей. И то, и другое чревато вероятной в среднесрочной и почти неизбежной в долгосрочной перспективах десоверенизацией России – либо через ее истощение в новой биполярности (только в худших условиях по сравнению с СССР), либо через ее постепенное втягивание в однополярный мир (что означает прямую десоверенизацию). Поэтому в долгосрочной перспективе Россия неизбежно должна принять участие в борьбе за активное соучастие в глобальных процессах. На практике это означает: создание многополярного мира, построение «четвертого «номоса» Земли», срыв американских претензий на однополярность и мировую гегемонию, реконструкцию всей мировой архитектуры международной политики по новым выкройкам и образцам.

Конкретно в мировой политике это предполагает:

1. Разработку общемировой теории многополярности (международный аспект «четвертой политической теории»):
 - с четким описанием плюральности культур и цивилизаций;
 - с подчеркиванием отказа от навязывания народам и государствам какого-то одного ценностного, экономического, культурного, технологического, политического, информационного или социального стандарта;
 - с признанием прав и свобод всех цивилизаций (светских, религиозных, западных и незападных) строить такие общества, которые соответствуют их историческим традициям и их свободному выбору.

2. Создание институтов многополярного мира, что включает в себя:

- превращение ООН в площадку для согласования внешнеполитических позиций всех стран и народов, независимо от блоков и учета их силового, военного и экономического потенциалов (США в такой ситуации либо примут давление большинства и откажутся от роли «старшего брата», либо покинут ООН в пользу создания Лиги Демократий, о чем говорил в 2008 году кандидат на пост Президента США МакКейн¹⁰);
- организацию альянсов регионального и межрегионального сотрудничества и политико-экономической кооперации на основании территориальных, культурных, религиозных или иных признаков (таких как ЕвразЭС, ШОС, БРИК, АТЕС, ОИК, ЛИМ и т.д.).

3. Интенсивное проведение процессов региональной глобализации, объединяющей национальные государства в интегральные блоки на основе их культурного, цивилизационного, религиозного или иного родства, а также на основе экономической и стратегической целесообразности. Поллюсами многополярного мира не могут быть государства-нации – их объем недостаточен для этого; только объединения типа Евросоюза соответствуют требованиям полноценного полюса в многополярном устройстве, альтернативном настоящему.

В реализации этих мировых процессов Россия должна играть активную роль, инициируя движение к многополярности на всех уровнях и во всех областях международной политики – в идеологическом, социальном, экономическом и стратегическом аспектах. Надо искать сторонников многополярности и среди политиков США и стран НАТО, трезво осознающих трудности и риски той однополярной конструкции, которая создается США сегодня и издержки которой растут с каждым днем. Поэтому строительство многополярного проекта может идти параллельно на разных уровнях – в одном случае на уровне межправительственных контактов, в другом – на уровне политической оппозиции, общественных, культурных, религиозных организаций, в третьем – в чисто научной, интеллектуальной и образовательной сферах.

Встав на путь строительства многополярного мира, Россия получает возможность расширить зону своего влияния во всех странах мира: в двусторонних отношениях с любой из них Россия будет в таком случае выступать не просто как одно национальное государство среди многих, а как носительница универсальной идеи справедливого, демократического и плюралистического мироустройства. Это придаст российской внешней политике идеологическую направленность – основанную

на геополитических принципах и тождественную ориентации на цивилизационный и культурный плюрализм, взятый как главенствующая идея международной архитектуры будущего.

Конкретно это выразится в отношениях со странами дальнего зарубежья:

1. В усилении позиций России как идеологической инстанции, что позволит восстановить и установить заново особые формы контактов со всеми странами мира – даже не имеющими прямых границ или серьезных экономических или культурных связей с Россией.
2. В активизации роли России в вопросах создания новых структур международной политики, реорганизации ООН, продвижения таких организаций, как ШОС, ЕВРАЭС, БРИК, Лига исламских государств, АТЭС и т.д., где Россия уже принимает участие, с большей интенсивностью взаимодействовать с Евросоюзом, объединениями государств Африки и Латинской Америки.
3. В выстраивании Россией системных альянсов с отдельными странами и соучастии в установке правил глобальной игры, влиянии на кодификацию и нормативизацию новых алгоритмов международных отношений между полюсами многополярного мира и в границах самих этих полюсов.

В отношении стран СНГ:

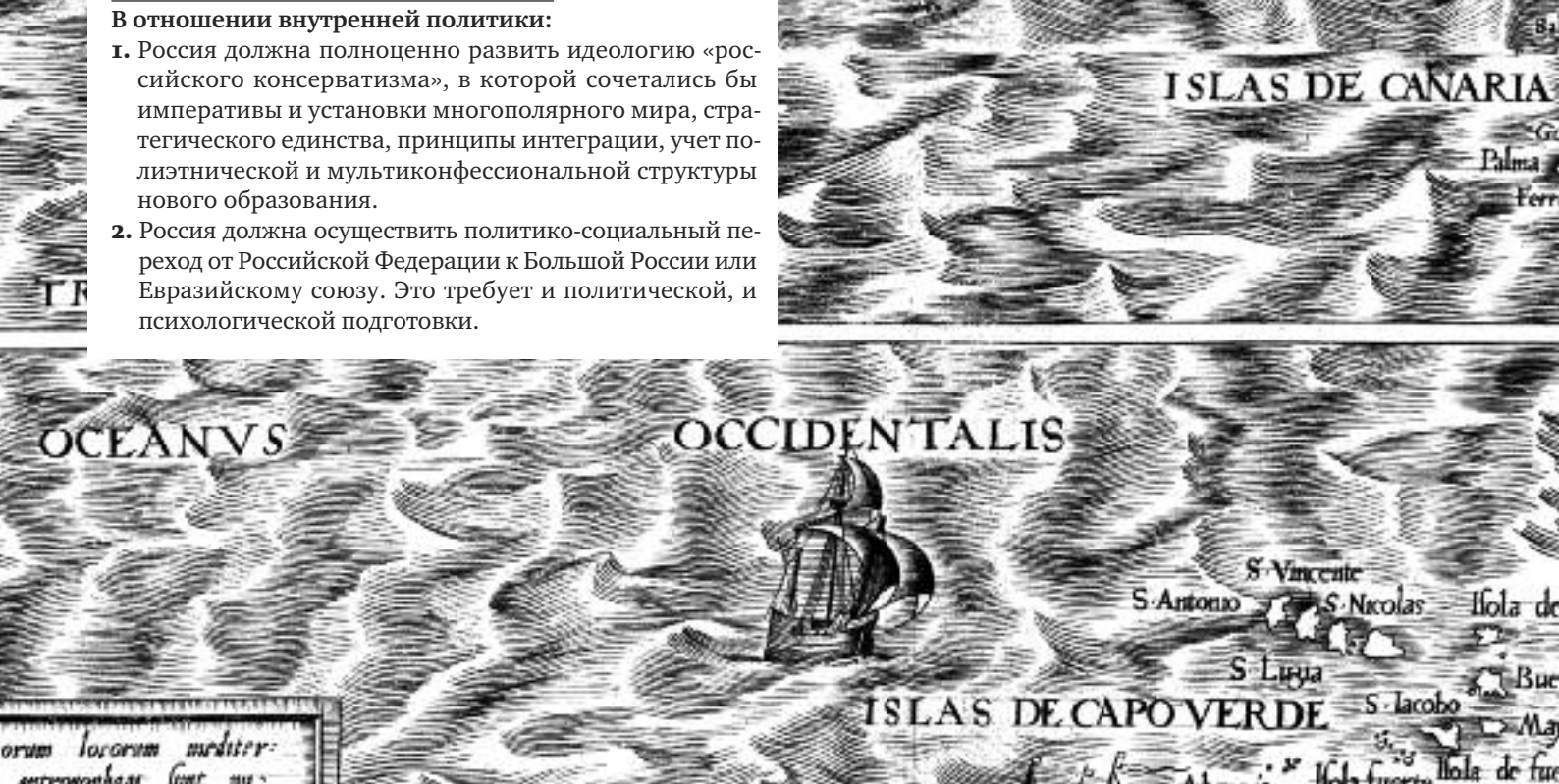
1. Россия должна перейти к созданию наднационального образования – Евразийского союза, в который рано или поздно будут интегрированы все страны СНГ (целиком или частично). Эта интеграция постсоветского пространства является необходимым условием для того, чтобы Россия стала полноценным полюсом многополярного мира.
2. Постсоветское пространство должно быть интегрировано стратегически, экономически и политически. Евразийский союз в этом случае может быть понят как аналог Евросоюза – с сохранением суверенитета его участников во внутривнутриполитических вопросах.

В отношении внутренней политики:

1. Россия должна полноценно развить идеологию «русского консерватизма», в которой сочетались бы императивы и установки многополярного мира, стратегического единства, принципы интеграции, учет полиэтнической и мультиконфессиональной структуры нового образования.
2. Россия должна осуществить политико-социальный переход от Российской Федерации к Большой России или Евразийскому союзу. Это требует и политической, и психологической подготовки.



3. Политическая система Российской Федерации представляет собой алгоритм государства-нации, скопированный с западноевропейских обществ середины XX века. Сами страны Запада стремительно меняются, перестраивая свои политические институты и меняя традиции в ходе европейской интеграции. В этой перспективе России рано или поздно потребуются политическая реформа, реструктурирующая политические формы под нужды государственного образования нового – сверхнационального – типа. Это потребует пересмотра отношения к статусу этноса, гражданства и конфессии, новых социальных, территориально-административных и иных нововведений. Процесс интеграции стран СНГ в единое наднациональное образование потребует от России разработки правовой базы интеграционных процессов, институционализации отношений государства и конфессий, выяснения правового статуса этнических групп, пределов и алгоритмов самоуправления в вопросах как локальных традиций, так и экономических и налоговых процедур.
4. Для реализации краткосрочных задач во внутренней политике главное заключается в укреплении российского общества в рамках Российской Федерации. Для реализации программы построения многополярного мира требуется перестроить российское общество так, чтобы оно было готово к интеграции с другими территориями, принадлежащими к тому же цивилизационному типу и некогда входившими в единое государственное образование.





II

Что такое политический реализм в современных условиях XXI века?

В любой политической области всегда очерчиваются горизонты желаемого. Модальность воли составляет фундаментальную черту человеческого общества, человека как такового. Человек – это существо, наделенное волей. Воля же есть стремление сделать то, чего нет; создать то, что еще не создано; построить то, что еще никогда не было построено или что пока не построено. В философии это называется принципом «impossibilia» – достижения невероятного, невозможного, утопического. Но именно стремление к «impossibilia» движет человеком на протяжении всей его истории. Конечно, есть грезы пустые, а есть чреватые будущим, насыщенные миром, которого еще нет, но который вот-вот вырвется наружу посредством человеческих свершений. Есть живая и действенная, мобилизующая ностальгия по тому, что было и что снова может стать реальностью, а есть вялые мечтания усталых и опустивших руки людей. Воля превращает мечту в проект, в программу, в план действий – и, в конечном счете, в реальность.

Описанные нами ориентиры международной политики потребуют определенных усилий – и от власти, и от общества, и от политиков, и от ученых. Но спор между энтузиастами и скептиками решается только одним – наличием воли. Захотим – сделаем. Тем более, совсем недавно, в XX веке, наше государство и наш народ добились на иных идеологических основах и в иных исторических условиях результатов, в целом вполне сопоставимых с тем, что мы описали в данном проекте. Наверное, и тогда, в эпоху Первой мировой или Гражданской войны, все это

казалось невозможным, impossibilia. В 1941 году, когда нацисты стояли под Москвой, трудно было представить и Ялтинский мир, и наши владения, простирающиеся на половину планеты. Но и тогда это могло быть, хотя и казалось невозможным. И стало. Потому что была мечта, мечта и воля.

Мы заведомо исключили в нашем обзоре перспектив внешней политики России в XXI веке самый крайний предел, то, о чем грезил, в частности, поэт и дипломат Федор Тютчев – вселенское православное царство.¹¹ Вот это кажется нам сегодня нереалистичным. А осуществление предложенной программы, и в краткосрочной и в долгосрочной перспективах, представляется технической и вполне выполнимой задачей. Потому мы склонны квалифицировать данный проект международной политики России в XXI веке как политический реализм: в нем, конечно, есть место мечте, простор для воображения, пространство для прикладывания усилий, для подвига, для свершений, для пассионарности, но он соотнобразится с существующими реалиями, трезво оценивает возможности и ресурсы, не ставит задач, на решении которых можно надорваться. Политический реализм ставит перед собой серьезные и довольно трудные цели, но эти цели, если проанализировать их беспристрастно и объективно, вполне могут быть достигнуты реальными, доступными средствами.



П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Merton, Robert. Social Theory and Social Structure. New York, Free Press, 1968

² Проблема разработки «четвертой политической теории» посвящены следующие работы: Дугин А. Четвертая политическая теория, СПб, Амфора, 2009; Бенуа Ален де «Против либерализма. К четвертой политической теории», СПб, Амфора, 2009. В рамках ЦКИ на социологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова в декабре 2008 года прошел международный конгресс, посвященный «Четвертой политической теории» (под председательством проф. В.И. Добренкова), в котором приняли участие ученые, политологи и эксперты из 12 стран Европы и Азии. Проблема разработки «четвертой политической теории» был посвящен конгресс «Консерватизм: альтернатива или будущее?» (под председательством проф. Ю.Н. Солониной), прошедший в рамках V Санкт-Петербургских дней философии на философском факультете СПбГУ 20 ноября 2009 года. Сайт, посвященный разработке «четвертой политической теории» в сети интернет: <http://konservativizm.org/konservativizm/theory/list.xhtml>.

³ Baudrillard Jean, Simulacres et simulations, Paris, 1981.

⁴ Ф. Фукуяма Конец истории и последний человек, М., Издательство АСТ, 2004

⁵ Шмитт, Карл. Номос Земли в праве народов Jus Publicum Europaeum / – СПб.: Владимир Даль, 2008 См. также Армин Мелер «Консервативная Революция в Германии 1918-1932» Минск 1997.

⁶ Шмитт, Карл. Номос Земли в праве народов. Jus Publicum Europaeum, указ. соч.

⁷ Шмитт К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря. // Элементы. – № 8. М., 2000.

⁸ Об этой связи четвертого «Номоса» Земли и «четвертой политической теории» говорил в своем докладе о «Многополярном мире» французский философ Ален де Бенуа в ходе конгресса «Консерватизм: альтернатива или будущее?» (под председательством проф. Ю.Н. Солониной), прошедшего в рамках V Санкт-Петербургских дней философии на философском факультете СПбГУ 20 ноября 2009 года.

⁹ Начало этому положено на XI съезде партии «Единая Россия» в Санкт-Петербурге, где председатель Госдумы Борис Грызлов 21 ноября сказал следующее: «Сегодня мы принимаем Программный документ партии, в котором вместе с задачами повышения качества жизни и проектами экономического развития будет четко обозначена наша идеология – российский консерватизм». <http://www.regions.ru/news/2253583/>

¹⁰ <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1205992920>

¹¹ http://rys-arhipelag.ucoz.ru/publ/al_kazin_fjodor_tjutchev_poeht_imperii/25-1-0-1745



С Е Н Т Я Б Р Я К А К Ф А К Т О Р М И Р О В О Й П О Л И Т И К И

*Джульетто
Кьеза*

Сегодня я выступаю перед вами уже не как депутат Европарламента, а как простой журналист. Я считаю, что необходимо открыто высказать неприятные вещи. Абсолютно необходимо, потому что мы идем к неприятному миру, который будет иметь к нашей с вами жизни самое прямое отношение.

Первое – 11 сентября. Все, что мы высказывали два-три года назад о том, что официальная версия по поводу событий 11 сентября – фальшивка, это сейчас уже точно подтверждено данными. Комиссия, которая была создана в конце 2002 года после ожесточенного сопротивления президента Буша, работала полтора года и выпустила книгу. Между прочим, существуют переводы этой книги на русский язык, читайте. Прочитайте её обязательно. Эта книга – демонстрация того, как власти могут врать до конца. И это официальные результаты расследования американских властей по поводу самой большой терро-

ристической акции в истории человечества. Там все сфальсифицировано.

В дополнение к тому, что я уже опубликовал в книге «Зерро» и что было показано в фильме, недавно вышла ещё одна очень интересная книга. Я читал её в Италии. В итальянском издании она называется «Омиссис». Омиссис – это слово, которое означает все, что было вычеркнуто. То есть там всё, чего они не хотели, чтобы мы знали об 11 сентября. Автор этой книги – известный американ-

ский журналист, корреспондент «Нью-Йорк Таймс», который работал над изучением работы комиссии по 9/11 в течение четырех лет. Он опубликовал 500 страниц, которые показывают, что вся операция была сфальсифицирована. Во-первых, исполнительным директором этой комиссии был Филип Зелихов. По закону он не мог быть там. Он был человеком Белого дома, он работал там постоянно, давая Белому дому информацию о ходе расследования. Он сам писал доклад, сам решал, кого надо допрашивать, а кого нет.

Очень простой пример: в докладе, в официальном докладе «9/11 commission report» было написано, где находились в то знаменитое утро 11 сентября три ключевые фигуры: Дик Чейни, вице-президент, Дональд Рамсфелд, министр обороны и Джеральд Майерс, главнокомандующий воздушными силами Соединенных Штатов Америки. Все эти три человека находились в Вашингтоне, но не в том месте, которое указано в докладе комиссии. Все три ключевые фигуры администрации отсутствовали на своих местах. А почему они нам не сказали правду? Почему Чейни был там, а не там? Почему Рамсфелд был там, а не там? Почему Майерс был, говорят, в одном месте, а на самом деле – в другом? Потому что они сами были в курсе того, что происходит! Это просто покрытие, официальное покрытие преступников – преступников, которые были во главе американской администрации.

Возникает вопрос, может ли президент Обама, который, конечно, не причастен ко всему этому, начинать новое расследование? Вот вопрос: может ли он это сделать? Кто-то может возразить: а зачем возвращаться к этой истории? Уже девять лет прошло, многое уже по-другому, новое президентство. Но я считаю, что нельзя так рассуждать, потому что все, что происходило тогда, имеет прямое отношение к тому, что происходит сейчас. В каком смысле? Вот моя идея: организаторы 11 сентября – это, конечно, не 19 наивных террористов. Они, конечно, участвовали, но не они организовали эту операцию. Были и другие участники. Были секретные службы Пакистана, была секретная служба и часть королевской семьи Саудовской Аравии. Была, безусловно, часть ФБР, была, безусловно, часть ЦРУ. Все они причастны к этой операции. Но почему, зачем?

Знаете, американское общество было уже в глубоком кризисе в начале 2000 года. Серьезная рецессия в Соединенных Штатах началась в начале 2001 года. Но мы об этом ничего не знали. Все видные мировые газеты типа «Нью-Йорк Таймс», «Лос-Анджелес Таймс», «Файнэншл Таймс» ничего не сказали. Мы узнали о начале рецессии в Соединенных Штатах Америки только в ноябре 2001 года, после 11 сентября. А были те, кто был в курсе с самого начала. Например, Алан Гринспен, который возглавлял федеральные резервы в Америке, был в курсе, но молчал. Как и многие другие. Чего же они хотели? Зная, что скоро произойдет драматическое падение престижа Соединенных Штатов Америки, они организовали широкомасштабную операцию, чтобы сплотить весь «золотой миллиард», весь Запад вокруг

Соединенных Штатов Америки. Вот смысл и значение 11 сентября – это большая стратегическая операция, цель которой – увеличить рейтинг Соединенных Штатов Америки и поставить их опять во главе всего «свободного» мира.

Они успели, это нужно признать – они выиграли. Началась война против международного терроризма, которая



Выступление независимого итальянского публициста, автора ряда бестселлеров Джульетто Кьеза на социологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова

длится до сих пор. Мир изменил все свои представления. Раньше был Советский Союз как главный враг. Советский Союз исчез, ему на смену пришёл исламский терроризм. Великолепная международная операция! Она стоила около трех тысяч жертв. Но те, кто хотят возглавлять мир, могут сделать и это, и даже хуже. Это моя личная, так сказать, оценка. Смотрите: война в Ираке. Она была полностью, на сто процентов придумана Бушем, Чейни, Рамсфелдом, Райс, Зелиховым – теми же самыми людьми. Они искусственно создали войну, которая не имела никаких предпосылок. Они искусственно, сидя в своих кабинетах, начали эту войну, где потери американских солдат более 6 тысяч – в два раза больше, чем 11 сентября. Я не говорю уже, сколько иракцев погибло. 600 тысяч – говорят серьезные исследовательские центры. 600 тысяч человек были убиты по решению группы людей, которые сидели в своих кабинетах в Вашингтоне. Никакой другой причины не было. Они хотели войну. Им была нужна война по тем причинам, о которых я сказал выше. И они способны на ещё большее. Будьте осторожны! Эта история еще не закончилась. Они сделали 11 сентября, сделали войну в Афганистане, сделали войну в Ираке и могут сделать еще где угодно. Пока они могут вот так втайне работать, они опасны.

Чего же они добились своими действиями? Сейчас мы подойдем к нынешнему времени. Они отложили кризис в Соединенных Штатах Америки на восемь лет. Тот кризис, который начался уже тогда, они покрыли посредством террористического акта такого масштаба, и сразу после этого начали создавать новую искусственную систему развития мировой экономики. Они сами её изобрели – руководящие круги Уолл-стрита, мировые финансовые воротилы – они принялись раздувать новый финансовый пузырь. Они успели. Прекрасно. Организовали новую сверхлиберальную систему. Знаете, сколько деривативов было произведено в течение этих 8-9 лет в Америке? Когда я говорю «деривативы», то имею в виду фактически создание новых денег. Они производили гигантское количество денег. Сейчас уже можно сказать определенно: сумма деривативов, которые американская финансовая структура произвела с 11 сентября 2001 года, достигает уровня 800 триллионов долларов, то есть 800 тысяч миллиардов долларов. Это не существующие богатства, бумажные богатства. Но с этим бумажным богатством они управляли миром.

Но вот кризис наступил снова. Они попытались отложить этот кризис на восемь лет, и им повезло. Но сейчас мы снова находимся в ситуации мирового кризиса, потому что этой гигантской массой денег, которая была произведена, никто не управляет. Недавно на первой полосе «Файнэншл Таймс» вышла статья «Мировые банки потеряли контроль над денежной массой». Сейчас это уже на поверхности. Кто знает, как это исправить? Никто – ни федеральные резервы, ни европейские банки, ни английский Центральный банк – не знает.

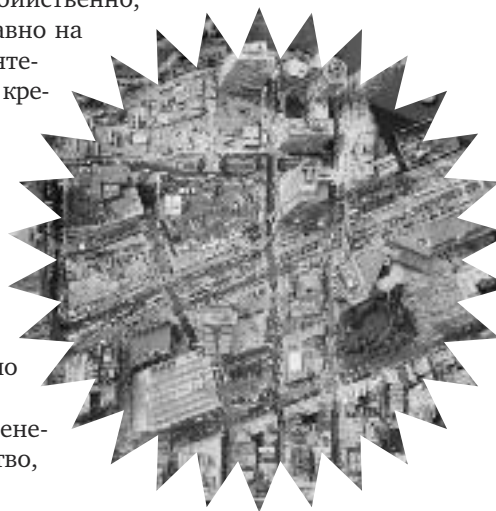
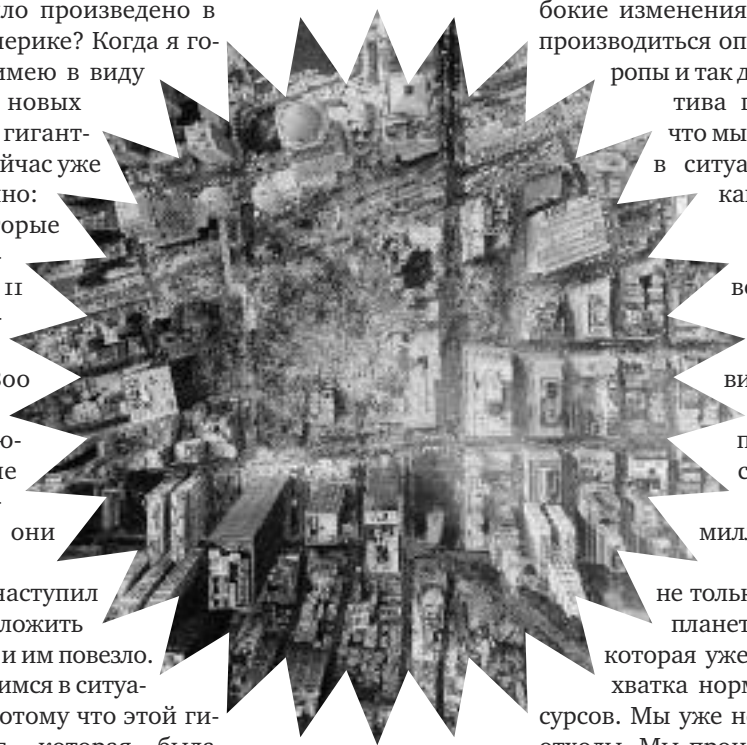
Поэтому, когда вам говорят, что кризис – это уже все, неважно, кто вам это говорит, это иллюзия, полная иллюзия. Кризис только начинается, потому что никто сейчас не дает денег, потому что никто не знает, что будет. А эффекты уже реальные, очень серьезные – безработица растет в Европе стремительными темпами. Уже 15 миллионов безработных в Европе. И везде будет так. И у вас тоже будет, хотя в меньшей степени, потому что ваша банковская система была так слаба, что она оказалась не так сильно заражена этим финансовым пузырем. Но на Западе везде углубляется кризис. И он продолжит усугубляться еще больше, еще дальше, потому что вместе, сообща с финансовым и социально-экономическим кризисом есть еще один кризис очень и очень существенный, я бы сказал, самый важный. Об этом никто не говорит. Это появление в первый раз в истории человечества, подчеркиваю эту фразу, первый раз в истории человечества – пределов роста. А когда вам говорят, что скоро мы выходим из кризиса и начинаем опять расти, что это означает – расти? Это означает увеличение валового

национального производства каждого государства планеты. Правда ли, что так будет? Неправда!

Но даже если это было бы правдой, это была бы трагедия, потому что есть не только экономические пределы, но и экологические. Один из этих пределов – это температура нашей планеты. Если мы продолжим, допустим, теоретически расти теми методами и темпами, которыми мы, то есть весь мир, росли до сих пор, в течение последних 60 лет, то произойдет потепление климата планеты на 2-3 градуса. А что это означает? Очень просто. Это означает, что исчезнут Антарктида, Арктика, произойдут глубокие изменения температуры моря, будет производиться опустынивание половины Европы и так далее. Перед нами – перспектива гигантской катастрофы. А что мы можем? Мы уже находимся в ситуации, как говорят американцы, «overshooting».

«Overshooting» – это когда вы стреляете в уже мёртвого человека. Мы уничтожили нашу экосистему 30 лет. Уже 30 лет непоправимого ущерба позади. А если идти дальше, это будет просто гигантская катастрофа, от которой будут умирать миллионы людей – миллионы!

Но пределы роста – это не только увеличение температуры планеты, это и нехватка энергии, которая уже начинает сказываться, нехватка нормальных материальных ресурсов. Мы уже не знаем, где хранить наши отходы. Мы производим гигантское количество отходов, которые уже не понятно, где размещать. Мы сжигаем нефть, газ, производим CO₂. Уровень CO₂ постоянно увеличивается на нашей планете. Знаете, почему мы живем? Мы живем, мы с вами существуем, потому что 70 миллионов лет назад произошла гигантская трансформация планеты, и весь кислород, который на сегодняшний день есть, был увеличен за счет CO₂. Так называемый парниковый эффект – это возвращение в атмосферу CO₂, и мы это делаем своими собственными руками. Значит, мы уничтожаем своё собственное существование. Понимаете? Это убийственно, это самоубийство. Недавно на экраны вышла очень интересная картина – «Эпоха кретинов». Так вот мы с вами живем в эпоху кретинов. Мы уничтожаем себя. Поэтому, когда вам говорят: «сейчас опять начинаем расти...», вам не говорят, что расти дальше – означает, по меньшей мере, встать перед большими изменениями. Наше общество,



каким мы его знаем, несовместимо с новыми условиями. Напоминаю, в декабре состоится Всемирная конференция в Копенгагене. Киотский протокол уже истекает, в 2012 году он будет уже недействителен. В рамках этого протокола были определены сокращения выброса в атмосферу CO₂. Это произошло в 1990 году. Сейчас этот договор истекает. Надо заключать новый договор. Но ситуация на сегодняшний день намного сложнее и намного опаснее, чем была тогда.

Я работал последние полтора года в чрезвычайной комиссии Европарламента по изменению климата. Данные, которые мы накопили, просто удручающие. Все ученые, с которыми мы говорили, ученые всего мира, на 99 процентов разделяют эти оценки. Нам необходима быстрая, немедленная реорганизация всей промышленности мира в течение 15 лет, потому что если мы эту кривую увеличения содержания CO₂ в атмосфере не сможем повернуть вниз, изменения экологической системы мира будет уже невозможно предотвратить. И эти изменения будут давать эффекты на два-три века вперед. Об этом мы будем договариваться в Копенгагене? Я боюсь, что нет. Китай имеет свои интересы и не может остановить увеличение выбросов. Соединенные Штаты, несмотря на то, что Обама сказал очень хорошие вещи с этой точки зрения, не будут договариваться, потому что стоимость этой операции очень высока. А Соединенные Штаты Америки находятся в самой худшей экономической ситуации. На сегодняшний день это страна, которая доминирует с одной точки зрения, но с другой точки зрения имеет самую большую задолженность перед всем миром. Они не могут и не будут договариваться. Индия тоже не будет договариваться. Европа хотела договариваться, но договоренностей не будет. А если не будет соглашения, то каждый будет делать по-своему, и выброс в атмосферу CO₂ и метана будет стремительно расти. А когда мы столкнемся с нехваткой энергетических ресурсов – это будет ещё одной проблемой. Я говорю это людям, которые живут в стране, возможно, единственной стране, которая имеет все ресурсы: нефть, газ, воду и остальное.

Что же будет происходить через два, три, пять лет, когда станет очевидно, что ресурсов не хватает для всех? Мы имеем глубокий дисбаланс сил. Есть сильные, с военной точки зрения, государства. Искушение использовать силу, чтобы захватить ресурсы, будет высочайшим, потому что каждый руководитель будет думать о своих клиентах, о своих избирателях. И каждый руководитель начнет скрывать от них правду. Поэтому опасность войны нарастает каждую минуту. В отсутствие договоренностей возрастает опасность войны. Имейте это в виду.

Так что успокаиваться нельзя, надо быть обеспокоенным. Я искал правду в событиях 11 сентября, потому что видел, как в этом эпизоде запечатлелась парадигма нашей жизни. Мы живем в сумасшедшем мире, где есть

сумасшедшие люди, которые хотят любой ценой сохранить власть и деньги. Эти люди опасны. Они не принимают во внимание общее благо, они вообще не имеют представления об ответственности.

Эпоха кретинов, возглавляющих мир, пройдет. Но надо защититься, надо организовать сопротивление, надо организовать демократию. Я был на «Валдайском клубе», там много говорили о демократии. Но что это – демократия? Чего стоит демократия, если люди ничего не знают? Что значит – голосовать один раз в пять лет, если не знаешь, за кого голосуешь, зачем голосуешь, за какие программы? А как ты можешь знать, если средства массовой информации не говорят правду? СМИ не дадут такую информацию, которую я вам дал сегодня? И это не только мое мнение. Это мнение практически подавляющего большинства научного сообщества. Но миллионы людей ничего не знают об этом, потому что ваше телевидение, наше телевидение, европейское телевидение, американское телевидение молчит обо всем этом. Это что – демократия?

Я считаю, что приходит время, когда демократия сравнивается с выживанием, когда люди будут участвовать в защите своей жизни. Демократия – это когда в каждом доме, в каждом квартале будут люди, которые сознательно ищут информацию и защищают свою территорию. Надо умножать число людей, которые готовы активно защищать себя, свою жизнь, жизнь своих детей. Вот это будет реальная демократия, демократия за выживание. Я считаю, что это очень важно – понимать этот ракурс демократии.



РОССИЯ –



главное препятствие на пути создания американского мира

Эмерик Шопрад

Статья французского ученого ЭМЕРИКА ШОПРАДА, преподававшего геополитику в Военной школе в Париже (1999—2009 гг.). В настоящее время автор – профессор университета в Невшателе (Швейцария).

Перевод Александра Кузнецова.

В то время как Соединенные Штаты после 11 сентября 2001 года стараются активизировать свой проект трансформации мира по либерально-демократическому образцу, предложенному их отцами-основателями, незападные цивилизации идут своей дорогой и демонстрируют собственную политическую волю к власти. Россия в особенности создает геополитические препятствия для Вашингтона.

Она пытается защитить свою зону влияния и показать миру, что является незаменимой в плане энергетической безопасности.

Центральный тезис доктрины одного из классиков геополитики, британского адмирала Хэлфорда Макиндера (1861—1947), преподававшего геополитику в Оксфорде, гласит о том, что все большие геополитические события происходят вокруг сердца планеты – Хартленда, то есть Евразии. Евразия является осью планеты, труднодостижимой для морских

держав, а ее интимным сердцем является Россия, империя, занимающая в мире «такую же центральную позицию, которую в Европе занимает Германия».

Обрамляют этот эпицентр мировой геополитики, труднодоступный благодаря естественным преградам (пустынные пространства Сибири, Гималаи, Тибет, пустыня Гоби), территории материкового побережья (Римланда) – Западная Европа, Южная Азия, Ближний и Дальний Восток.

За пределами этого побережья обрамление Хартлэнда завершают две островные системы: Британия и Япония.

Согласно такому видению мира мировые морские державы (талассократии, как их определял Макиндер) должны помешать установлению евразийского континентального единства. Для этого они должны поддерживать враждебность и разделение по линии восток-запад между основными сверхдержавами, способными к заключению альянсов (между Россией и Германией, Германией и Францией, Россией и Китаем) и контролировать побережье континента. Эта англосаксонская матрица, справедливая как для Британской империи XIX века, так и для американской талассократии века XX, является необходимым условием для понимания сегодняшних геополитических реалий.

Теория Макиндера напоминает о двух истинах, которые никогда не забывали англосаксонские талассократии: «Не может быть сильной Европы без сильной Германии» (сейчас Германия начиная с 1945 года находится под плотной американской опекой) и «Евразия не может создать полноценный противовес США без сильной России».

Америка хочет создать американский мир, «мир-Америку». Целью ее внешней политики за пределами оптимизации экономических и политических национальных интересов США является трансформация мира по образцу американского общества. Потаенный двигатель американского могущества заключается в мессианизме. Рузвельт и Черчилль, подписавшие в 1941 году Атлантическую хартию, положили начало созданию либерально-демократической мондиализации и созданию мирового правительства. Вплоть до 1947 года американцы надеялись на привлечение СССР к созданию мирового правительства, несмотря на вопиющее несовпадение американского и советского мондиализма! Два года спустя после падения Европы в 1945 году американцы поняли, что им не удастся завлечь Советский Союз в свой либеральный мондиалистский проект и переориентировали внешнюю политику: вместо мондиализма временно заступил атлантизм.

В 1989 году, после геополитического поражения СССР, мондиалистская мечта получила второе дыхание. Именно ей стала служить американская внешнеполитическая экспансия. Предлогом для нее стал служить новый враг, выращенный на останках советского коммунизма – исламский терроризм. США вырастили этого монстра, чтобы создать барьер на пути социалистических революций, идущих из России. Суннитский исламизм был союзником Америки в ее борьбе против Советской России в Афганистане. Привлекая арабских ветеранов антикоммунистической геррилли в Афганистане, он был первым плавильным котлом как для знаменитой Аль-Каиды, так и для алжирских исламистов. Затем была фундамента-

листская шиитская революция в Иране в 1979 году, когда американцы фактически бросили на произвол судьбы шаха. Расчет США состоял в том, что эта революция не позволит установлению альянса между СССР и Ираном (который был бы возможен, если бы иранцы поднялись на марксистскую революцию), а также на то, что новый Иран будет противовесом суннитскому фундаментализму. В арабском мире это воодушевило мусульман в Сирии и в Египте. Вашингтон натравил Ирак на Иран (и обратно) согласно знаменитой формуле «Позволим им убивать друг друга», уже апробированной на немецком и русском народах. Это позволило ему расправиться с арабским национализмом, препятствовавшим интересам Израиля. Однако альянс США с исламизмом распался после падения СССР. Его остаточными проявлениями были действия США на Балканах, благодаря которым в Европе появились два мусульманских государства: Косово и Босния и Герцеговина.

Исламизм всегда был полезен для США: как в роли союзника в борьбе с СССР в холодной войне, так и в роли «пугала», врага после краха двухполярности. Исламисты существуют в действительности. Они не являются исключительно созданием американского воображения. Они могут чинить помехи и создавать проблемы, но никогда не окажут решающего влияния на баланс сил в мире.

Война с исламизмом является всего лишь прикрытием для американской войны против евразийских держав.

После краха СССР американцам стало ясно, что в Евразии существует только одна держава, способная по своему демографическому и экономическому потенциалу бросить вызов США – Китай. Потрясающий промышленный и коммерческий расцвет Китая заставляет вспомнить об успехах Германии, догнавшей и перегнавшей индустриальные державы накануне Первой мировой войны, успехах, заставивших талассократии развязать мировую бойню.

Американские стратеги думают, что если Китай выйдет на первое место среди мировых держав, сочетая экономическую мощь и политическую независимость, то американцам придется забыть об их великой мессианской мечте, проявившейся в Principle of Manifest Destiny 1845 года, о мечте отцов-основателей, бывших либо протестантскими фундаменталистами, либо франкмасонами. После падения СССР американские стратеги сконцентрировали свои устремления на том, чтобы сдержать восхождение Китая.

Несомненно, эти люди помнят уроки Макиндера. Англосаксы в свое время уже разбили евразийский проект немцев, затем евразийский проект русских. Сейчас на очереди китайцы. В очередной раз силы Моря атакуют Сушу.

Гуманитарная война и война с терроризмом стали предлогами для новой масштабной евразийской игры, в которой Китай выступает как мишень, Россия – как условие для того, чтобы выиграть битву.

Китай является целью, поскольку только он – единственная держава, способная обогнать Америку в плане материального могущества в течение ближайших двадцати лет. Россия – как условие, поскольку ее стратегическая ориентация может оказать решающее влияние на то, каким будет мир в ближайшее время: однополярным или многополярным.

Сталкиваясь с китайским вызовом, американцы разворачивают новую стратегию в следующих направлениях:

- расширение блока НАТО вплоть до окраин России и западных границ Китая;
- контроль над энергетическим импортом Китая;
- окружение Китая с помощью традиционных геополитических противников Поднебесной империи (индийцев, вьетнамцев, тайваньцев, японцев);
- подрыв ядерного баланса между великими державами с помощью систем противоракетной обороны;
- использование сепаратистских движений в Сербии, России, Китае, Индонезии и перекройка границ на арабском Ближнем Востоке.

Начиная с 1990 года, Вашингтон неоднократно предпринимал попытки переманить Россию на свою сторону. Это делалось для того, чтобы создать огромный трансатлантический блок от Вашингтона до Москвы с атлантизированной и потерявшей субъектность в 1945 году Европой в центре. Именно об этом в 1989 году говорил Джордж Буш-старший, призывая к созданию альянса «от Ванкувера до Владивостока», то есть объединенный либеральными идеями «белый мир» под американской эгидой. Парадоксально, но этот мир предполагается создать под эгидой государства, в котором белое население к 2050 году не будет составлять большинства.

Первым этапом большой евразийской игры было расширение атлантического блока. После распада Варшавского договора НАТО не только не прекратила своего существования, но и полностью отвергла принципы международного права, отказавшись от права интервенции в случае угрозы безопасности одному из своих членов к праву на вмешательство. Показателем такого разрыва с международным правом стала война против Сербии в 1999 году. Во-вторых, НАТО приступила к интеграции стран Центральной и Восточной Европы. Балтийское и югославское (Хорватия, Косово, Босния) пространства стали сферой влияния этого блока. Для того чтобы еще больше расширить НАТО и воздвигнуть вокруг России санитарный кордон, американцы инициировали «цветные революции» (в Грузии в 2003-м, на Украине в 2004-м, в Киргизии в 2005-м). Эти ненасильственные политические перевороты, осуществленные с помощью американских неправительственных организаций, имели целью приход к власти в этих странах антирусских правительств. Так, украинский прозападный президент, едва придя к власти, потребовал вывода русского флота из портов Крыма и принятия своей страны в НАТО. Что касается грузинского президента, то начиная с 2003 года он борется за принятие своей страны в НАТО и вывода российских миротворческих сил, размещенных в 1992 году для защиты абхазского и югоосетинского народов.

К 2001 году Америка уже существенно усилила свое присутствие в Европе. Она также укрепила албанский и боснийский ислам и выдавила Россию из югославского пространства.

Вплоть до 1999 года в течение первых десяти лет после окончания холодной войны Россия подчинялась всем требованиям американцев. Олигархи, зачастую чуждые российским национальным интересам, захватили природные богатства страны, а президент Ельцин был окружен прозападными советниками. Россия была вовлечена в чеченский

конфликт, во многом раздутый американцами и исламистскими радикалами. Мир медленно, но верно погружался в пучину американской гегемонии, в однополярность.

В 2000 году произошло значительное, может быть, наиболее важное после окончания холодной войны событие (более важное, чем 11 сентября 2001 года) – приход к власти Владимира Путина. Это был один из поворотов истории, которые по праву можно назвать фундаментальными, возвращающими исторический процесс к его константам.

Путин имел очень ясную программу – восстановить Россию на базе ее энергетического богатства. Необходимо было вырвать контроль за природными богатствами России из рук олигархов, чуждых интересам империи. Необходимо было создать сильных операторов, ведающих нефтью («Роснефть») и газом («Газпром»), обладающих государственным видением ситуации. Однако Путин не сразу раскрыл свои намерения, касающиеся китайско-американского «армстринга». Он оставлял время на раздумья. Я не ошибался, говоря о том, что российско-американское сближение носит временный и конъюнктурный характер (американский дискурс о войне с терроризмом на время заморозил критику США русской операции в Чечне). Другие же, наоборот, думали о том, что Путин будет западником. Между тем перед ним стояла новая задача – закончить с Чечней и взяться за нефть. Цель была трудной. Между тем значительный симптом указывал на то, что Россия возвращается к основам своей большой политики. В лучшую сторону переменялись отношения с Ираном, начались поставки оружия в эту страну и сотрудничество по линии ядерной энергетики.

Почему же приход Путина к власти был столь значительным событием? Без участия России любое укрепление трансатлантической солидарности было обречено на провал, как и любая стратегия по противодействию Китаю. Большое число европейцев не поняли сразу, что Путин олицетворяет их надежду на создание мира экономической конкуренции, основанной на цивилизационной идентичности. Но это, без сомнения, понял Джордж Буш, сказавший как-то, что видит в Путине человека, глубоко озабоченного национальными интересами своей страны.

11 сентября 2001 года предоставило американцам возможность интенсифицировать их программу однополярности. Во имя борьбы со злом, которое они сами возражали, американцы смогли добиться солидарности европейцев (больше атлантизма и меньше «сильной Европы»), конъюнктурного сближения с Москвой (во имя борьбы с чеченско-исламистским сепаратизмом), выдавливания Китая из Центральной Азии перед лицом американо-российской «Антанты», броска в Афганистан, позволяющего оказаться к западу от Китая и к югу от России и возвращения в Юго-Восточную Азию.

Однако эйфория американцев в Центральной Азии длилась всего четыре года. Узбекские власти, напуганные перспективой цветной революции в Узбекистане, отказались от мысли о великой державе, конкурирующей с русским старшим братом в этом регионе, выгнали американцев и начали сближение с Москвой. Вашингтон начиная с 2005 года потерял многие позиции как в Центральной Азии, так и в Афганистане. В этой стране американцы терпят поражение, несмотря на дополнительные армейские контингенты, которые они застав-



Макиндер был прав. Россия остается ключевой страной в евразийской игре.

.....
ляют направлять туда своих европейских союзников, неспособных взять судьбу континента в свои руки. Это поражение они терпят от пакистанско-талибского альянса, исподволь поддерживаемого Пекином.

Китайцы вновь могут рассчитывать на использование казахской нефти и туркменского газа, на проведение новых трубопроводов через китайский Туркестан (Синьцзян). Пекин обращает свои энергетические надежды и на Россию, которая, стремясь диверсифицировать свои нефтегазовые поставки, обращает внимание на новых партнеров (не только Китай, но и Корею, Японию, Индию).

В один прекрасный день обнаружилась вся игра Путина. Он мог соглашаться с Вашингтоном во время борьбы с терроризмом, так как последний очень больно бил и по России, но он не принял американских требований о включении в НАТО Украины (которую Москва рассматривает как сестру, как ворота в Европу и как доступ в Средиземное море благодаря порту Севастополь в Крыму), а также Грузии. И если независимость Косова признана США и странами Евросоюза, то почему же русские не имеют права признать независимость Абхазии и Южной Осетии, народы которых выразили свое отношение к отделению от Грузии?

Макиндер был прав. Россия остается ключевой страной в евразийской игре. Ее политика в большей степени, чем политика Китая (хотя последний и является основной мишенью Вашингтона), поставила преграды на пути американской экспансии. Благодаря этой политике поднимается энергетическая ось Москва (и страны Центральной Азии)–Тегеран–

Каракас, контролирующая четверть мировых ресурсов нефти и половину мировых запасов газа. Эта ось является противовесом арабской нефти и арабскому газу, контролируемым США. Вашингтон хотел сдерживать Китай, контролируя его доступ к источникам энергии. Однако если США присутствуют в Саудовской Аравии и в Ираке (1-е и 3-е места по запасам нефти), то они не контролируют ни Иран, ни Россию, ни Венесуэлу, ни Казахстан, страны проводящие все более согласованную политику. Вместе они могут решиться обрушить гегемонию нефтедоллара, этого источника центральной позиции доллара в современной экономике. Напомним, что для поддержания этой гегемонии европейцы вынуждены поддерживать обанкротившуюся американскую экономику и все более погружающиеся в пучину кризиса американские банки.

Несомненно, Вашингтон попытается разбить эту российскую политику, организовав давление по периметру границ России. Американцы помогают в создании наземных нефте- и газопроводов, альтернативных российской сети доставки энергоносителей. Но что может сделать Вашингтон против энергетического и стратегического сердца Евразии? Россия является ядерной державой. Разумные европейцы, не ослепленные американскими масс-медиа, понимают, что нуждаются в России в большей степени, чем Россия нуждается в них. Растущие экономики Азии просят российского и иранского газа.

В этих условиях начала реальной многополярности европейцы должны проснуться. Приведет ли к этому пробуждению глубочайший экономический кризис, в который они погрузились? Это будет единственным положительным последствием тяжелых испытаний, которые выпадут на народы Европы в течение ближайших десятилетий.

ПРОЦЕССЫ РАЗВИТИЯ СНГ В СВЕТЕ ПАРАДИГМ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Владимир
Кочетков*



Владимир Кочетков – доктор социологических наук, профессор, зам. зав. кафедрой социологии международных отношений МГУ им. М. В. Ломоносова

С

аммит стран СНГ в октябре 2009 года в Молдове еще раз подтвердил, что несмотря на стремление к интеграции развитие этой организации испытывает трудности. В частности, на саммит не приехали лидеры центрально-азиатских республик. В следующем году председательствовать в СНГ будет Россия. Чтобы понять, чего ждать нашей стране от этой организации и как выстроить линию своего поведения в ней, попробуем взглянуть на процессы развития СНГ с позиций теории международных отношений. В социологии международных отношений не существует однозначных интерпретаций процессов, происходящих в СНГ, которые по-разному рассматриваются представителями различных научных школ и парадигм. Ведущими парадигмами теории международных отношений сегодня являются политический реализм, конструктивизм, либеральный идеализм, (нео)марксизм.

Д. А. Медведев и В. В. Путин рассматривают интеграцию СНГ с точки зрения национальных интересов России, поэтому их внешнюю политику можно охарактеризовать как политический прагматизм. С позиций политического реализма, политика в отношении СНГ связана с двумя вопросами:

Есть ли у России силы (возможности, ресурсы) для реорганизации пространства СНГ выгодным для себя образом?

Нужна (выгодна) ли такая реорганизация нам?

Отвечая на первый вопрос, вспомним о том, что еще основоположник реалистской традиции – древнегреческий историк Фукидид писал, что имеющий силу в международных отношениях не прибегает к суду.¹ Сильный в международной политике делает все, что хочет. Он имеет все, что может захватить, ровно до того момента, пока сможет удерживать захваченное. Слабый же делает только то, что ему позволит сильный. Ведь, казалось бы, чего проще объявить Беловежские соглашения незаконными и восстановить Советский Союз в прежнем виде. Но этого не происходит. Почему? Может быть, сил пока у России для этого не хватает?

Сегодня для достижения своих целей вовсе не обязательно использовать военную силу. В последнее время внимание политиков все больше привлекает гибкая сила (smart power).² Гибкая сила в отличие от жесткой, военной силы, заключается в привлекательности страны, ее общественного строя, идеологии, уровня жизни. У каждого государства своя гибкая власть. Так, гибкая сила США состоит в «американской мечте», «обществе равных возможностей», голливудских боевиках, массовой культуре, джинсах, Мак-Доналдсе и т.д. Однако в период президентства Дж. Буша-младшего гибкая сила США драматически уменьшилась. Нынешний президент Б. Обама предпринимает все усилия, чтобы повысить привлекательность США в мире. В СССР гибкая сила достигла наивысшего уровня в 1930-е гг. Успехи, достигнутые тогда нашей страной в развитии экономики, заставили западные страны, переживавшие депрессию, задуматься о преимуществах плановой экономики и социализма. Мощной гибкой силой СССР стал обладать в результате побед в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. и освоения космоса. Но сейчас времена меняются. Распад СССР резко понизил гибкую силу нашей страны, внешняя политика которой в 1990-е гг. воспринималась непредсказуемой. В.В. Путин и Д.А. Медведев в немалой степени способствуют укреплению гибкой силы России.

России следует предложить странам СНГ новые привлекательные возможности. Мировой финансовый кризис дает возможность России реструктурировать пространство СНГ благоприятным для себя образом, предложив бывшим республикам подобие регионального плана Маршалла.

Еще одним из элементов гибкой силы является языковая политика (глоттополитика). Еще в первой половине XIX века немецкий ученый В. Гумбольдт сформулировал теорию лингвистического детерминизма, согласно которой мы воспринимаем мир и мыслим в соответствии с грамматическими формами языка. Другими словами, мы мыслим на том языке, на котором говорим. И политик, который говорит по-английски, мыслит и воспринимает окружающий мир по-английски, будет на стороне Запада.

Политиков, которые говорят на русском языке, а значит, являются нашим сторонниками, становится все меньше и меньше. И если сейчас у власти находятся государственные деятели, которые получали образование в СССР, то в следующем поколении их будет еще меньше или не будет совсем. Идет целенаправленное выдавливание русского языка в Украине, Прибалтике, многих других странах СНГ.

Несомненно, что гибкая сила не исключает применения жесткой военной силы. Однако сейчас угроза прямого военного противостояния между государствами, особенно с применением ядерного оружия, минимальна. И это прекрасно понимают американцы, когда предлагают сокращение ядерного вооружения. Ядерное оружие – оружие бедных. У США огромное превосходство в обычных вооружениях, в том числе есть новое высокоточное оружие, которого у нас нет.

Для ответа на второй вопрос – может быть, нам СНГ не нужно и не выгодно – политические реалисты должны просчитать неизбежные затраты на проведение внешней политики в регионе, поддержку дружественных нам режимов, издержки смены существующих проамериканских режимов, военные, геостратегические выгоды, цену создания зоны безопасности по всему периметру наших границ, выход к морям, доступ к ресурсам и т.д.

Однако для того, чтобы России определиться с политикой по отношению к СНГ, мало определить ее в реалистских терминах затрат и прибылей. Необходимо определиться и с местом, которое Россия хотела бы занять в СНГ и в мире в целом. Кто мы, куда идем? Только тогда мы сможем понять, кто наши союзники и друзья, а кто – враги, с кем России по пути, а с кем – нет. Такие нематериальные факторы международной политики рассматривает конструктивизм, ставший особенно влиятельным в XXI веке. Говорят даже о «конструктивистском перевороте», суть которого состоит в том, что традиционные движущие силы международного разви-



тия, такие как государственный суверенитет и национальные интересы, отжили свое и отходят на второй план, уступая место идентичности как ведущему фактору развития. А.С. Панарин писал, что необходимость восстановления бывшего СССР ошибочно объяснять «объективными» экономическими требованиями производственной кооперации, единого технологического процесса, звенья которого оказались разорванными в связи с обособлением и сепаратизмом республик. Собрать Россию могут не экономисты, а гуманитарии. Главной проблемой России является проблема ее цивилизационной идентичности.³

Идентичность – культурная норма, отражающая эмоциональные реакции индивидов по отношению к своей нации и национальной политической системе.⁴ Проявления идентичности – это чувства принадлежности, включенности или, наоборот, отторжения. Люди интерпретируют окружающий мир и свое место в нем с помощью базового процесса категоризации. Понятия рождались парами – понятие света появилось одновременно с понятием тьмы, покоя – с движением, жизни – со смертью. Поэтому важнейшей для понимания идентичности является концепция «значимого Другого». Для России таким «значимым Другим» является Запад, а для Запада «значимым Другим» всегда была Россия.

На пространстве СНГ идентичность стран-членов претерпевает драматические изменения. Когда исчезла скрепляющая СССР идеология, постсоветское пространство стало структурироваться по цивилизационному признаку. Прибалтика разрывает выгодные ей экономические связи с Россией и в угоду своей европейской идентичности присоединяется к Евросоюзу. Страны Центрально-Азиатского региона тяготеют к исламу и мусульманской идентичности. Идентичность славянских стран православного ареала раздирают противоречия. Украина раскалывается на Восточную и Западную. Белоруссия мечется между Россией и Евросоюзом. То же касается Молдовы и других стран.

Старая советская идентичность Россией утрачена, а новая не сформирована. Проблема обостряется тем, что Россия – это стержневая страна православной цивилизации. Переход Украины или Молдовы в лоно западной цивилизации ослабит православную цивилизацию, но не уничтожит ее. Но если с карты мира исчезнет Россия – исчезнет одна из мировых цивилизаций. Поэтому однополярный мир, каким его пытаются построить США, невозможен в принципе. Не может быть Бога без Дьявола, которые дополняют друг друга. Исчезновение второго полюса в лице СССР привело к тому, что весь мир потерял ориентиры своего развития, и в первую очередь США. После крушения мирового коммунизма они стали искать и нашли неравноценную замену «значимого Другого» в лице мирового терроризма. Но, конечно, это неравноценная замена.

Можно ли целенаправленно формировать идентичность? Известны два метода: «снизу вверх» и «сверху вниз». Способ «снизу вверх» никогда не работал в России из-за ее огромных размеров. Чтобы управлять такими огромными территориями, необходима жесткая централизованная власть. Исторически в России всегда идентичность формировалась «сверху вниз». Еще Петр



Нам необходимо четко определить свою идентичность, которая будет втягивать в орбиту своего притяжения страны СНГ

Первый пытался переориентировать российскую идентичность в европейскую. В результате петровских реформ Россия превратилась в мощную мировую державу, без которой никогда больше не делалась европейская политика. Но с другой стороны, Петр разорвал идентичность нашей страны, которая с тех пор не может определиться – европейская она держава или евразийская. Коммунистический режим планомерно и жестко формировал советскую идентичность, используя идеологический аппарат и цензуру.

Одним из самых действенных методов формирования национальной идентичности является философия отцов-основателей государства. Когда Ленин или Сталин создавали Советское государство, они воплощали свою мечту и поэтому формировали сильную идентичность. К сожалению, в современной России политических лидеров такого масштаба сейчас нет. Не менее важно поведение



национальной элиты. Например, если в цехе рабочие устраивают там перекуры, опаздывают, а руководство никак не реагирует на это, как себя будут вести остальные? И если российская элита в одночасье из коммунистов превратилась в демократов и либералов, а из атеистов сделалась убежденными верующими, что тогда ждать от нашей идентичности?

Либеральный идеализм господствует в западной, прежде всего американской внешней политике. Его современная версия, неолиберализм, сблизается в реализм, а продвижение либеральных ценностей используется западными демократиями как прикрытие для достижения своих национальных интересов. Одна из ведущих либеральных концепций – концепция прав человека – используется либералами для оправдания гуманитарного вмешательства. Например, возьмем так называемые «цветные революции». К классическим социальным революциям в том смысле, в котором о них говорили Э. Гидденс,⁵ П. Сорокин⁶ и П. Штомпка,⁷ они не имеют никакого отношения. На самом деле это международно-политические технологии, принятые на вооружение либеральными демократиями для достижения своих геополитических интересов. Они используются нашими противниками для того, чтобы утвердиться на пространстве СНГ, где ими успешно проведены «оранжевая революция» в Украине, «револю-

ция роз» в Грузии. Потерпела неудачу «революция тюльпанов» в Кыргызстане. Готовились перевороты в Белоруссии, Молдове и самой России. В российской политике, как свидетельствует печальный опыт перестройки, либерализм никогда не был успешен.

Неомарксисты утверждают, что в сегодня есть глобальная мир-система, состоящая из центра (развитые западные страны) и периферии (развивающиеся страны), между которыми сложились отношения несимметричной зависимости. Страны центра эксплуатируют периферию. Россия, которая относится к полупериферии, с одной стороны, сама эксплуатирует дешевую рабочую силу менее развитых, чем она, стран СНГ, с другой стороны, подвергается эксплуатации со стороны развитых стран, использующих ее сырьевые ресурсы и складировующих на территории нашей страны отходы.

Вышеописанные парадигмы теории международных отношений позволяют выработать рекомендации по проведению внешней политики России в отношении стран СНГ. В настоящее время Россия не обладает достаточными силами и ресурсами для проведения активной внешней политики на постсоветском пространстве. В связи с этим необходимо сосредоточиться на внутренней политике и экономике, повышать привлекательность российского проекта, усиливать гибкую силу нашей страны, предлагать нашим партнерам по СНГ привлекательные сценарии взаимовыгодного сотрудничества. Мировой финансовый кризис предоставляет России возможность переструктурировать пространство СНГ благоприятным для себя образом, предложив постсоветским странам подобие плана Маршалла. В отношении стран, проводящих недружественную России политику, вполне допустимо использовать те же самые международно-политические технологии цветных революций, которые в регионе применяют третьи силы.

Нам необходимо четко определить свою идентичность, которая будет втягивать в орбиту своего притяжения страны СНГ и задавать направления развития всего региона. Четкая идентичность позволит проводить дифференцированную политику в отношении «своих» и «чужих». Необходимо сделать направление внешней политики в отношении стран СНГ приоритетным, поскольку именно в этом регионе сосредоточены наши жизненно важные национальные интересы, от которых напрямую зависит безопасность России.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1 См. Фукидид. История. София-С.Пбг (репринтное издание), 1994, т. 1.

2 См. Най Дж. Гибкая власть. Новосибирск, Тренды, 2006.

3 См. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Русский национальный фонд, 2000.

4 Tsygankov A.P. Pathways after Empire. National Identity and Foreign Economic Policy in the Post-Soviet World. Lanham, Rowman & Littlefield Publisher, Inc., 2001.

5 См. Гидденс Э. Социология. М.: 2004.

6 См. Сорокин П. Социология революции. М.: 2005.

7 См. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: 1996.

*УГРОЗЫ
РАЗЛИЧНЫ,
БЕЗОПАСНОСТЬ
ОДНА:*

*Россия, Европа
и постсоветское
пространство*



— *Валерий Николаевич, скажите, какой Вам видится политика России на постсоветском пространстве? Как Вы её оцениваете?*

— Начнем с выражения «постсоветское пространство», поскольку оно воспроизведено даже в вашем вопросе. Да это и не удивительно: вредоносное словечко так прочно вошло в современный политический новояз и даже в бытовой язык, что без него стало трудно объясняться. Факт его широкого употребления – своеобразная самооценка политики России, причем сугубо негативная, свидетельствующая о болезни, которую можно назвать синдромом капитулянтов. Сама формула «постсоветское пространство» изобретена и введена в оборот по отношению к исторической России с той же целью, с которой было стерто слово «Россия» – сначала с политической карты мира, а позднее из исторической памяти народа. С распадом СССР славное имя пришлось вернуть и на карты, и в язык, но общая тенденция дерусификации России и тотальной фальсификации истории сохранилась. О России стараются забыть во всех случаях, когда ее образ связан с воспоминанием о русской цивилизации и Российской империи с ее колоссальной территорией, исторически сложившейся семьей народов, разделенных против их воли, с многомиллионной армией соотечественников, которые либо были изгнаны, либо бежали от неизбежной смерти, либо просто искали лучшей доли. Такова неоднородная русская эмиграция. Эта армия после распада Союза ССР пополнилась новыми миллионами граждан, брошенных российским государством, не помнящим родства, на произвол судьбы. Они были оставлены на волю «победителей» вместе с родными русскими городами и селами, жизненно необходимой для России военной и экономической инфраструктурой, школами, научными центрами и вузами, в которых теперь даже русским запрещено говорить по-русски. О той – бывшей и единой – России кто-то очень хочет поскорее и навсегда забыть, особо позаботившись, чтобы и сами русские предали ее память.

— *Кто же заинтересован в амнезии?*

— Если не перечислять всех «политических кукловодов», сделавших ставку на передел мировых ресурсов и массовую скупку уцененных элит, то этот «кто-то» известен: самозванные большие и маленькие вожди на «новообразованном пространстве». Они получили в одночасье независимость для себя любимых – независимость от законов (теперь они сами их пишут «под себя») и от контроля со стороны самоустранившегося и деморализованного центра. Но главная цель – полная независимость от собственных народов, попавших в информационный поток «канализированного национализма». Именно так – канализацией – называют с 1950-х годов некоторые американские политтехнологи и аналитики метод разделения больших и богатых народов, способных осложнить реализацию глобальных проектов. Делается это путем вытеснения традиционных языков межнационального общения и искусственного выращивания новых наций. Так, радикальные либералы, для которых права народов – ничто по сравнению с правами успешного человека, воспользовались услугами радикальных националистов, стоящих на диаметрально противоположной идейной



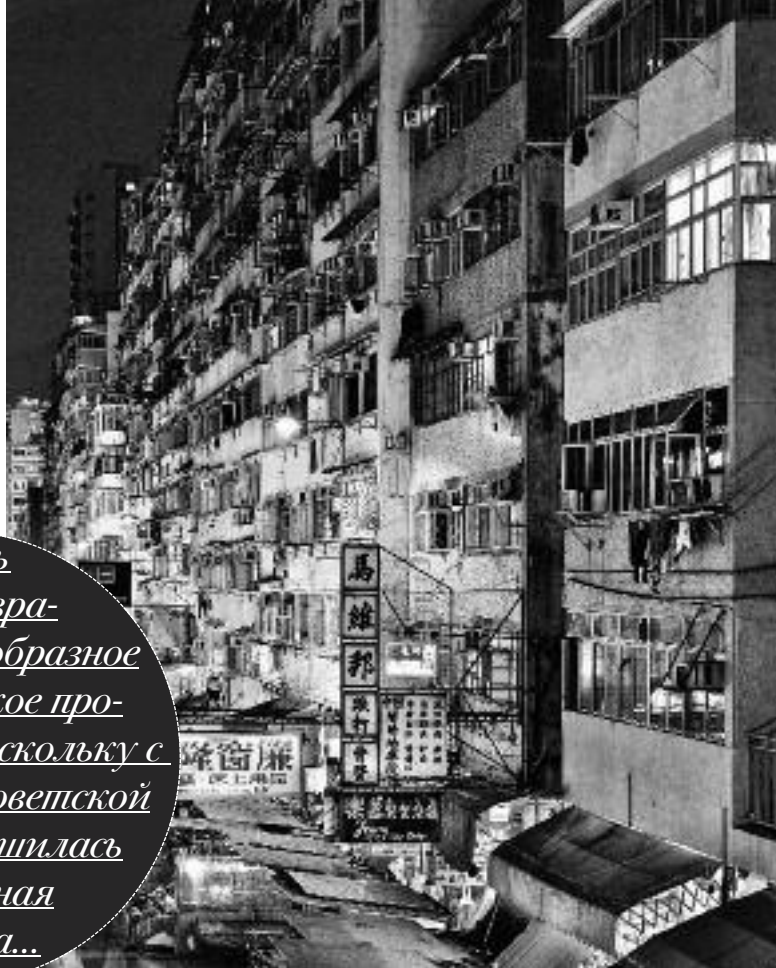
Интервью с ВАЛЕРИЕМ РАСТОРГУЕВЫМ, профессором философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктором философских наук.

Беседовал Константин Гусов

платформе. Политическое искусство геостратегов в том и заключается, чтобы сделать национализм орудием глобального либерализма, средством разрушения больших и конкурентоспособных наций. Эти крайности вообще часто сходятся, о чем предупреждал в свое время Константин Леонтьев. Политические монополисты возмнили себя демиургами и взялись перекраивать человеческий мир по своему разумению. Дерзкая логика легко прочитывается: если кто-то строит свою большую башню, отвлекая ресурсы от строительства главной башни – Вавилонской, глобальной, сделай так, чтобы непослушные твоей воле строители забыли общий язык и заголосили на сотни наречий, и тогда их башня рухнет... А для того, чтобы никто и не заметил подвоха, нужно совсем немного. Применительно к России для начала потребовалось убрать русский язык как государственный из постсоветского пространства, а вдобавок к этому – устранить из самого русского языка всего одно расширительное значение слова «Россия», связывающее это понятие со всем историческим российским пространством. Опыт такой «лингвополитической процедуры» уже накоплен. В свое время точно так же большевики-интернационалисты убрали из языка широкое значение слова «русские», которое употреблялось до большевистской языковой зачистки не только в этниокультурном смысле (по отношению к великороссам, украинцам и белорусам), но и ко всем гражданам империи: «русские якуты», «русские немцы», «русские осетины»...

— *Каков итог этой, как видим, многоходовой операции?*

— Да, речь идет именно об операции, а точнее, об операции сопровождения большого геополитического проекта. Главная операция, то есть сам проект, заключался в демонтаже исторической России. Его главный этап – разделение русского суперэтноса. А все итоги операции налицо. Во-первых, в сознание, да и в подсознание внедрен образ постсоветского пространства, то есть зачищенной пло-



*...весь
мир превра-
тился в своеобразное
постсоветское про-
странство, поскольку с
крушением Советской
России обрушилась
глобальная
система...*

щадки, свободной от истории (пост-историческое пространство) и предназначенной под новое политическое строительство. Сбылось наяву то, о чем веками мечтали ненавистники России: перед ними уже не единая, неделимая и грозная держава, а всего лишь некое свободное, ничейное пространство – свободное, конечно, не для народов, а для экспериментов над народами. Оно по определению не имеет и уже не может иметь традиций и былых прав и, прежде всего, прав народов на колоссальные ресурсы исторической России. И это главное! Во-вторых, это теперь не просто некая высвобожденная территория, а именно постсоветское пространство, то есть земля, якобы героически спасенная от пут тоталитаризма. В роли «спасателей» выступают все та же бывшая партономенклатура да комсомольский актив. В итоге обычное и омерзительное предательство облачилось в сверкающие белые одежды беспримерного в мировой истории героизма (жаль, не успели присудить Нобелевскую премию мира Ельцину, но успели Горбачеву). В-третьих, весь мир превратился в своеобразное постсоветское пространство, поскольку с крушением Советской России и блока стран народной демократии обрушилась глобальная биполярная система. Последствием этого крушения стала стратегическая нестабильность и тот факт, что сегодня никто не может с уверенностью предсказать, как долго сохранится политическая да и этническая карта мира. На смену существующим межгосударственным и военным союзам, региональным и мировым странам-лидерам придут и уже приходят иные союзы и иные страны. Думаю, это единственный случай, когда выражение «постсоветское пространство» имеет хоть какой-то смысл.

— Можно ли считать, что неологизм «постсоветское» – это своеобразная самооценка и для тех политиков, которые постоянно воспроизводят этот термин. Почему они так поступают?

— Суди не по словам, а по делам. Слова-то позорные переняли все – не только перевертыши, но и патриоты.

Беспокоит другое: дела пока не утешают. Наша новаявленная политэлита не только не помышляет о воссоединении части исконно российских земель или хотя бы об эффективной защите прав русских и русскоязычных соотечественников, отданных вместе с этими землями в руки русофобствующих политиков, но и явно затягивает объединение с родной Белоруссией, делая его все более проблематичным. Можно предположить лишь одно: если и не осознанно, то на уровне подсознания они действительно согласны с тем, что очищенное от России «пространство» – это удобная площадка для сдачи его в аренду и для прокрутки прибыльных бизнес-проектов. А не получится с арендой и бизнесом – тоже неплохо, мороки меньше, если деньги сами текут из «трубы» и не переводятся. В такой позиции нет даже намека ни на уважение к земле предков, которую с их подачи называют постсоветским пространством, ни элементарного самоуважения. Задумаемся, кто мешает европейцам, а точнее, гражданам объединившихся европейских государств (мы-то ведь тоже европейцы) называть Единую Европу, к примеру, «постнациональным пространством» – «постфранцузским» или «постгерманским»? Они, естественно, никогда не сделают этого...

...хотя оснований достаточно.

— Да, основания для такого вывода есть. Прежде всего, имеется в виду далеко зашедший процесс десоверенизации, который ставит под вопрос сохранение как традиционных европейских демократических институтов, так и саму идею демократии. Дело в том, что условием демократического правления является, как подчеркивал Ю. Хабермас, наличие неповрежденного суверенитета. Но европейцы – ни «старые», ни «новоиспеченные» – не считают себя новообразованным пространством уже потому, что это означало бы культурную капитуляцию, хотя и там капитулянтов достаточно. Спасает отчасти чувство эйфо-

рии и избранничества, своего рода социальный оптимизм, возникающий в процессе общей созидательной работы на фоне всеобщего распада. Это чувство, конечно, недолговечно, но сегодня оно многим помогает жить. Нашим старшим поколениям, защитившим и поднявшим из руин великое государство оно хорошо знакомо. Новые поколения не понимают, что это такое, они с трудом выбираются из социальной депрессии. Сама механика грандиозного европейского объединения народов, которая происходит на глазах, поселяет в душах надежду, хотя деструктивные тенденции в европейском доме тоже заметны невооруженным глазом. Призрак «пост-Европы» уже не бродит, а прочно поселился в европейских столицах и провинциях. Он полон сил и не менее опасен, чем в старые времена призрак коммунизма, доживающий ныне свой век в классических европейских университетах, где преподают теорию Маркса. Коммунизм теперь похож на старенького добродушного профессора, шалившего в молодости, но остепенившегося: он бережет себя и не вышел на улицы из библиотечных залов даже с наступлением глобального кризиса. Ему на смену пришел новый воинствующий антиевропеизм, не идеологически, а цивилизационно несовместимый с культурами Европы.

— *Вы имеете в виду исламизацию?*

— С одним уточнением: исламистские секты и направления слишком многообразны, чтобы подводить их политическую активность под общий знаменатель. К тому же в чужой и по преимуществу антиклерикально настроенный мир иноверцы-мигранты едут из исламских стран не для того, чтобы обращать неверных или не покладая рук работать на благо гостеприимных хозяев. Это не пассиварины, а потребители. Они хотят лишь одного – лучше и быстрее устроиться в жизни, взять от сытой западной цивилизации все ее материальные блага и желательно сразу. Поэтому речь идет не столько об исламизации, сколько о феномене самодостаточности пришельцев, не желающих адаптироваться к западной культуре. Ныне они испытывают на прочность крепость ЕС, завтра эта тенденция сокрушит союз. Появление книжки с говорящим названием «Мечеть Парижской Богоматери» (подобное сочетание звучит кощунственно для христиан), к сожалению, стало узнаваемым символом наступающей катастрофы: не сегодня, так завтра процесс деградации многих великих культур и народов Европы станет необратимым под натиском инокультурных миграционных волн. Новое население европейских стран все напористей требует широкой цивилизационной автономии. В этом контексте «Косовский синдром» и геноцид славян в Косово воспринимаются не столько как антироссийская операция, в которой поневоле участвовали страны Евросоюза (ее антироссийская направленность – очевидный факт), сколько как скрытая антиевропейская провокация с далеко идущими последствиями. Новое, зачищенное от славян Косово – прообраз пост-Европы грядущего века, зачищенной от европейцев. Такие раны не затягиваются десятилетиями и столетиями. Впрочем, об этом европейские аналитики открыто говорить будут еще нескоро, а заговорят, когда швы разойдутся. Произойти это может и завтра, и через сто лет. Если говорить о славянах, наблюдавших геноцид их братьев, то не следует забывать,

что славянские народы – самый большой сегмент Европейского союза. Пока еще у них нет возможностей серьезно влиять на общий процесс, но это время придет. К примеру, трудно предположить, что поляки добровольно лягут под каток дехристианизации. Все эти противоречия накладываются на тлеющие конфликты между членами ЕС, например, между Венгрией и Словакией.

— *Вы на днях вернулись с очередного съезда Чешско-Моравского отделения Панъевропейского союза. Мы уже говорили о Вашем прошлогоднем докладе на заседании этого союза. Затрагивалась ли русская тема в этот раз?*

— Да, я в очередной раз был приглашенным гостем съезда Панъевропейского союза, не являясь, конечно, членом этой влиятельной организации, без активной и многолетней работы которой не было бы, возможно, и самого Европейского союза. Эйнштейн, Томас Манн, Поль Вальери и множество других великих имен можно назвать, чтобы вкратце рассказать его историю. Панъевропейцы не афишируют свою деятельность, но способны влиять на выработку долгосрочных внешнеполитических стратегий Европейского союза. Напомню, что эта организация с 20-х годов прошлого века является одним из основных мозговых центров, превративших идею европейского объединения в реальность. Сначала она выступала как главный генератор этого проекта, над которым с 1920-х годов работал еще основатель союза – граф Рихард Куденхове-Калерги, а потом, по мере реализации замысла, превратилась в своеобразный политический клуб, содействующий реальной интеграции – экономической и политической. Думаю, такое гостевое участие полезно во всех отношениях. Во всяком случае, для меня, так как многое проясняется, когда видишь политику не витринную, а непубличную. Я уже давно убедился в том, что публичная политика чаще бывает бесчестной, чем кулуарная, закрытая, хотя многие думают иначе. Дело в том, что в своем кругу политики и аналитики работают не на публику, а на реальный проект. И реже лгут себе и другим – нет особой надобности.

— *Вы можете об этом судить, наверное, не только как политолог, так как были избранным сенатором и госсоветником...*

— Полагаю, опыт совмещения аналитической работы и политической практики в принципе полезен и для политической деятельности на любом этаже власти, и для академического поприща, так как быстро освобождает от многих иллюзий. Одна из них – переоценка или недооценка роли таких мозговых центров, не только включенных, но и вживленных в реальную политику. Это, конечно, не означает, что закрытая политика человечнее публичной, просто она честнее.

— *Политике чужда человечность?*

— Политике – да, политикам – не обязательно. Об этом очень хорошо говорил все тот же Константин Леонтьев. По его словам, есть гуманные люди, но гуманных государств не бывает, поскольку государства – это воплощен-

ные в общественный строй **идеи**. А у идей, по его словам, нет сердца: они неумолимы, как и сами законы природы и истории. Но согласитесь: дефицит продуктивных и умных, хотя зачастую жестоких идей ведет страну в тупик, а народ к вырождению. К сожалению, в современной России водораздел между интеллектуалами, творцами идей, и политической кухней слишком велик и по сей день. «Повара» и «поварята», именующие себя элитой, слишком уверовали в свою избранность, чтобы с кем-то советоваться, а тем более делиться. Они слишком близко стоят к котлам с провизией и потому искренне убеждены, что эти котлы – их священная собственность... Именно в этом кроется причина непостижимой закрытости нашей политики от «вторжения» независимых экспертов и общественности. Сама по себе закрытость – не зло и не благо: любой

шему вопросу о том, что обсуждалось на съезде Чешско-Моравского отделения Панъевропейского союза...

— Уточню и дополню заданный вопрос: чему был посвящен Ваш доклад на съезде, было ли обсуждение связано с политикой России, и говорилось ли что-нибудь об угрозах для самой Европы?

— Я рассказал участникам встречи о том, как в нашей политической науке и в российской системе образования отражаются и преломляются теории и доктрины, побудившие европейцев к экономической и политической интеграции, в том числе идеи Куденхове-Калерги. Говорил и о том, что не только в России серьезная теория с трудом проникает в кабинеты, где принимаются политические решения. То же происходит, по-моему, и в Европейском союзе, который слишком много усилий тратит на решение



Надвигающееся ощущение страха знакомо европейцам. Они прекрасно знают цену поставки «пост», означающей небытие, которое медленно, но верно идет на смену западной христианской цивилизации

сложный многоходовой проект (например, бизнес-проект) имеет и открытую, и подводную части, как айсберг. Причем подводная часть значительно масштабней. Политические проекты – не исключение. К тому же они сливаются с бизнес-проектами. Но если интеллектуальная критика высвечивает лишь надводную часть айсберга, то недалеко и до крушения... Не случайно, думаю, в голову политического эмигранта Березовского пришло когда-то сравнение олигархической России, в построении которой он деятельно участвовал, с «Титаником» – знал беглец, о чем говорил. От такого «Титаника» стараются подальше держаться даже старые друзья и союзники.

— Различия между наукой и политикой не означают, что сами политики не могут быть интеллектуалами...

— Могут. Но, во-первых, не все, а во-вторых, ученым умникам в политике трудно сохранить навыки интеллектуальной работы, поскольку здесь востребованы качества, трудно сочетаемые с научной квалификацией. То же, впрочем, касается, и ученых, общественных лидеров, когда они становятся «поварятами». Поэтому мне всегда было интересно наблюдать, как работают мозговые центры большой политики там, где нет непроходимого водораздела между ученым и политическим сообществами. Европейский опыт знакомит с образцами высокой политической культуры. Вот мы и вернулись к ва-

текущих задач, захлестнувших и Брюссель, и другие европейские столицы. Европейцы заняты по преимуществу перевариванием новых территорий и строительством брюссельской иерархии, поглощены технологиями интеграции. Поэтому сами европейцы потеряли былой интерес к самой идее, лежавшей в основе интеграции. Идея не сводится к тактическим вопросам, технологиям и прибылям. Мой доклад был подготовлен заранее, для перевода на чешский. Но некоторые выводы совпали с мнением основного докладчика – доктора Рудольфа Кучеры (Rudolf Kucera), председателя Чешско-Моравского отделения союза, известного чешского аналитика и публициста, профессора старейшего в Средней и Восточной Европе Карлова университета. Он сделал предметом анализа также внутренние противоречия, возникающие между новыми членами ЕС. А по окончании докладов состоялась дискуссия.

— Были интересные вопросы?

— Да, в частности, был задан вопрос о том, как докладчики относятся к двум версиям европейской интеграции – современной (Европа минус Россия) и диаметрально иной, предложенной генералом Шарлем де Голлем, который считал, что конкурентоспособная Европа – это Европа от Атлантики до Урала. Мой ответ касался позиции Евро-

союза, который не в состоянии преодолеть исторический страх перед Россией. Страх подогревается и идеями, положенными в фундамент Европейского дома, в числе которых и концепция Куденхове-Калерги. Этот выдающийся «геоинженер», как и Ницше до него, полагал, что именно русская угроза – цемент, способный скрепить евроконструкцию. Так же, как и Ницше, он считал необходимым исключить саму возможность войны с Россией, так как ее нельзя победить. Таким образом, обе версии в чем-то родственны. И действительно, сама концепция вечного противостояния с Россией не исключает, а предполагает тесную взаимосвязь наших цивилизаций, их особые отношения не в меньшей степени, чем идея де Голля. Последняя, разумеется, была бы более предпочтительной и притягательной, если бы мы в мире было меньше зла и больше таких ответственных политиков-патриотов, как де Голль. Ответ пана Кучеры касался позиции самой России, у которой, как он справедливо заметил, вряд ли возникнет желание политически сливаться с Западом. Напротив, у русских, по его словам, с давних времен есть все основания не доверять Западу, так как разрушительные войны и бедствия всегда обрушивались на них именно с западных границ...

— А как оценивалась внутренняя политика Европы?

— Участники дискуссии, оценивая нынешнее состояние Европы и отдельных европейских государств, высказывали, естественно, разные точки зрения. В частности, отмечалось, что все европейцы прекрасно отдают себе отчет о надвигающихся угрозах, а многие из них вполне адекватно, то есть болезненно, воспринимают степень опасности. Они понимают, что их дети и внуки могут получить в наследство пост-Европу – Европу без европейцев, без христианской религии и культуры. Но, как отмечали некоторые члены общества, почти никто не заявляет об этом публично в силу известных причин. Речь, как я понял, идет о так называемой политкорректности: с нею считаются и политики, которые боятся потерять голоса, и избиратели, которые просто боятся. Надвигающееся ощущение страха знакомо европейцам. Они прекрасно знают цену приставки «пост», означающей небытие, которое медленно, но верно идет на смену западной христианской цивилизации. Кстати, выражение «постхристианская цивилизация» уже прижилось в европейских языках. Этот факт уже не скрыть...

— Россия идет тем же путем?

— Думаю, у нас ситуация пока совершенно иная. Россия, прошедшая через небывалые гонения на церковь, через физическое истребление светочей духовности, получила, кажется, прививку от чумы антиклерикализма. Надеюсь, эта страшная прививка защитит Русь и сегодня, когда нашу страну сравнивают с «Титаником». Русская история, как бы ее ни переписывали, жива и живёт, потому что огромное число людей на так называемом постсоветском пространстве – это люди, которые говорят и мыслят на одном из самых богатых европейских языков – на русском. А на хорошем мировом языке хорошо мыслится о судьбах мира. Многие из наших бывших сограждан имеют и любят свой первый, родной, язык – не менее богатый, но они от-



дают себе отчет в том, что именно благодаря русскому языку и русской культуре они состоялись и как люди, и как интеллектуальная элита своих народов. (Когда мы говорим об интеллектуальной элите, кавычки не нужны.) Они понимают, что благодаря этому языку для них были открыты, открыты сегодня и будут открыты завтра практически все двери в многомерный мир цивилизаций. Более того, русский язык сделал принципиально возможной и их нынешнюю независимость, открыв каждой из больших и малых этнических групп России и их собственные культуры, и культуры других народов. К сожалению, в современной России процесс деградации национальных языков и культур, конечно, идет, никуда он не исчез. Но пока он не достиг «точки невозврата». Кстати, не так давно я участвовал в работе международной конференции, организованной Научным советом РАН, который возглавляет академик Е. П. Челышев, и Московским институтом иностранных языков, посвященной именно этой проблеме. Отмечу, что участники, представляющие все уголки постсоветского пространства, были солидарны с такой оценкой происходящего. Солидарны они и с оценкой рисков, связанных с инерцией распада исторической России: сегодня можно потерять все – суверенитеты, национальные культуры, общее прошлое, а значит, и будущее.

— Как оценить политику нашей страны на постсоветском пространстве?

— Если не лукавить, то эта политика еще не полностью очистилась от духа измены, поскольку зачиналась людьми, сознательно пошедшими против Конституции единой страны, разрушившими неделимое государственное тело. А это тяжкое государственное преступление во все времена называлось изменой. Причем это был акт не только антиконституционный, но и прямо направленный против воли самих граждан, населяющих страну. Поэтому сегодня мы, говоря о конституционализме, не забываем о том, что все наши конституции – и советские, и ельцинская – это конституции ad hoc, то есть написанные к случаю, рассчитанные на конкретный режим и даже персону. А нынешняя Конституция к тому же легитимировала низведение исторической России до положения постсоветского пространства, на котором нашим соотечественникам выпала горькая доля, поскольку это якобы уже не наша компетенция и не наша ответственность. Я так никогда не считал и не считаю. С какой стати граждане, которые не отрекались от своей единой Родины, должны снимать с себя коллективную и личную ответственность, если за пределами нынешней Российской Федерации жи-

вут такие же никогда не отрекавшиеся сограждане, как и мы? Они должны иметь те же права и те же возможности, что и мы, в том числе и право распоряжаться ресурсами России, если, конечно, произойдет политическая реинтеграция. Правда, здесь надо добавить, что и мы должны иметь те права и возможности, которые могли бы иметь, если бы не так называемая приватизация. Нам говорят, что у истории нет обратного хода. Но мы не история, а творцы истории. Рано списывать в Лету Россию. Обратного хода нет у тех, кто катится под откос. У сильных и умных людей всегда есть возможность остановиться, подумать и вернуть не по праву экспроприированное. А наш народ не обижен ни силой, ни умом. Только кроток чересчур, что хорошо, но в меру.

— Но возможности реинтеграции не будут сохраняться вечно...

— Вы правы: путь к единству вообще напоминает крутой подъем, но с каждым днем он становится все более крутым, почти отвесным. Другими словами, реальная реинтеграция потребует изменения отношения к собственности. А ее, собственность, никто так просто не отдаст, тем более не вернет законным собственникам, даже если они очень попросят. Кроме того, даже те политики, которые понимают, какое зло для народов несут в себе сепаратистские движения, не смогут отказаться от уже избранного политического курса ни при каких условиях. Ведь речь идет не только о надутых финансовых пузырях, но и о контроле за стратегическими ресурсами планеты, ради передела которых надувают и сдувают пузыри, то нагнетая кризис, то выводя экономику из рецессии. Так работает сердце ростовщического капитала. А это жестокое сердце. Оно неровно бьется, если кто-то не подчиняется его ритмам. Например, если мы говорим о союзе России и Белоруссии как о несвершившемся факте, несбывшейся воле народов, то мы должны видеть причину расхождений. Что предлагается Белоруссии? Все, кроме воссоединения с ресурсами, которыми обладает Россия, хотя народ, проживающий на своей земле, и есть подлинный хозяин ее богатств. Россия – это большая территория, и все народы, которые считают и, главное, признают ее своим отечеством, были коллективными хозяевами стратегических ресурсов. Белорусам же предлагают политическое объединение, но... без недр, которые уже поделили. А все остальное – пожалуйста: можем даже предоставить статус самостоятельной губернии с дополнительными правами! В результате и возникло постсоветское пространство как зона центробежных сил, где никто не собирается даже обсуждать вопрос о природной ренте с самим народом-ресурсодержателем. И то, что никто не озвучивает подлинную причину усиления центробежных тенденций, само по себе чрезвычайно опасно, так как деморализует всех, кто любит и уважает Россию и хотел бы строить свое будущее вместе с ней. Предположим, что завтра у нас была бы принята какая-то иная модель использования природной ренты, например, такая, как в Норвегии или в Саудовской Аравии, где коренные граждане имеют вполне понятные для них права на природную ренту. Если бы у нас была принята какая-то более или менее оптимальная модель, чтобы народы почувствовали себя реальными хозяевами своих ресурсов, то и ре-

интеграция набрала бы нужный темп, да и с русофобией во властных элитах на постсоветском пространстве было бы покончено, как и с самими русофобами от политики. Не удержался бы и дня лидер, отрывающий народ от ресурсов. Кстати, кризис для того и организован, чтобы сократить число серьезных конкурентов на углеводородном рынке, чтобы еще более сузить круг тех, кто распоряжается плодами природной ренты народов, обреченных быть энергетическим придатком. Мы сегодня живем среди братьев, но братьев, которых поссорили из-за наследства. В этом главная причина раздора наших стран и взаимного недовольства. И устранить эту причину нельзя никакими увещаниями, политическими технологиями и даже путем воссоздания некоторых элементов федерализма в масштабах постсоветского пространства.

— Скажите, политика России в отношении отторгнутых частей строится ситуативно, или, может быть, в ее основе лежит какая-то определенная стратегия?

— Здесь есть несколько сложных для понимания моментов. Во-первых, когда говорят, что у нас нет стратегии, то это такая полуправда, которая хуже лжи. Если у государства нет стратегии, то это означает, что стратегия есть: свято место пусто не бывает. Непременно кто-то другой вырабатывает стратегию и решает за народы страны, каким должно быть их будущее, и должно ли оно вообще у них быть. Например, если нет четко выработанной долгосрочной социальной политики (а мы не знаем, какое будущее строим, какова наша социальная перспектива), то это означает, что происходящее – не социальная политика. Напротив, эта политика, в которой наши интересы должным образом не предусмотрены.

— Но работа над проектом Социальной доктрины России еще продолжается? Вы не раз говорили об этом проекте, который осуществляется в рамках Координационного совета по социальной стратегии при Председателе Совета Федерации.

— В основе подготовительная работа завершена, текст прошел предварительное согласование с рядом структур, да и полная поддержка со стороны С. М. Миронова обеспечена. Он лучше многих понимает значимость и своевременность этой консолидирующей идеи. Следующий шаг – собственно политическое решение, которое должно быть легальным. К сожалению, кризис отразился на готовности участников процесса достичь консенсуса по основным принципам социальной стратегии России. Но факт принятия Социальной доктрины сам по себе не исправит ситуации. В Конституции РФ, к примеру, ключевой принцип – социальное государство, но, как подметил С.М. Мионов на одном из заседаний, посвященных обсуждению проекта доктрины, заявленный принцип пока остался декларацией о намерениях, поскольку социальные ножницы (разрыв между богатством и нищетой) не сужаются. Или другой пример: мы в 2000 году подготовили проект Экологической доктрины России, который в 2002 году был принят при личной поддержке В. В. Путина. А что изменилось? Ничего. Если у политического класса не хватает доброй политической воли и чувства ответственности, то нет и



*Бывают
неожиданные всплески
энергии, которые
удивляют и заставляют
поверить в то, что не
перевелись еще люди,
которые служат
Отечеству*

грамотной экологической политики (а в нашей стране, смею заверить, ее как не было, так и нет). Самостоятельное государство не может допустить, чтобы эти базовые стратегии – социальная и экологическая (народосбережение и природосбережение) – существовали в виде зияющих ниш. Помните выражение Александра Зиновьева: «зияющие высоты»? Это именно тот случай. Недавняя Генеральная Ассамблея ООН, названная антикризисной, открылась саммитом по проблемам климатических изменений и экологии. Причем многие лидеры ведущих стран, в том числе Обама, сделали соответствующие заявления, поставив экологическую проблематику во главу угла даже в условиях финансового кризиса. Горько признавать, что в числе этих стран Россия пока не значится.

Итак, сделаем некоторые предварительные выводы.

Первый вывод: отсутствие созидательной стратегии – это тоже стратегия, но разрушительная. Не устаю повторять: если бы у нас была опасная, дурная стратегия, это было бы лучше, чем ее отсутствие. В этом случае мы бы видели её авторов, могли оценить уровень их состоятельности и что-то противопоставить. В противном случае мы боремся с ветряными мельницами, то есть со стратегией, которой, вроде бы, и нет вовсе. Если я, например, не знаю, какое будущее строит для себя Россия, то, естественно, этого не знают и граждане стран Содружества. Содружества, которого тоже нет, пока нет ясной интеграционной цели. А найти ее еще можно на основе общей истории и культуры, общего языка и, конечно, общих ресурсов.

Второй вывод: ситуация качественно изменяется, затрудняя решение проблем, отложенных до лучших времен. Лучших времен не будет. К примеру, еще вчера можно было утверждать, что политика на постсоветском пространстве – политика капитулянтов. В наши дни так говорить уже нельзя, потому что на этом пространстве произошла почти повсеместная смена политических элит, а точнее, правящих групп и семей. В некоторых регионах мы наблюдали неоднократную смену режимов и цветные революции, призванные раздуть русофобию. Прежние лидеры или ушли в мир иной, или готовятся к этому. А

новые генерации – это, по сути, политики, которые пришли в другую политическую реальность и работают в условиях другого, чрезвычайно узкого коридора возможностей. И за тем, чтобы он был узок, следит уже мировая власть. Следит пристально: выйти из-под этого контроля наши политики могут, только рискуя всем – и своим положением, и своей жизнью. Неправедные и скорые, но поучительные, примерные суды над Милошевичем и Хусейном – свидетельство тому. Кроме того, выйти за рамки означенного коридора очень сложно, поскольку лидеры работают в условиях определенных демократических моделей, пусть далеко не лучших и механически заимствованных, но действующих и не допускающих неограниченную свободу волевых решений. Назовем еще один фактор, осложняющий принятие самостоятельных решений: у кормила власти находятся структуры, которые пользуются международной поддержкой. Сама по себе такая поддержка – благо. Но в условиях так называемого монополярного мира речь идет, прежде всего, об особой поддержке, а точнее, о диктате со стороны США. Естественно, эти структуры далеко не всегда ориентированы на сильное государство, поскольку не могут разрешить массу противоречий. Одно из них я уже назвал – это вопрос о собственности. Чем сильнее будет государство, тем ближе оно подойдет к пересмотру вопроса о природной ренте. Чем слабее государство, тем дальше этот вопрос будет отодвигаться от кардинального решения. С другой стороны, им не нужно слишком слабое государство, потому что оно разрушится, как карточный домик, похоронив под обломками и олигархов – основную опору власти со времен архитекторов перестройки. Поэтому обвинять нынешние элиты сложно. Да и сами лидеры находятся в положении далеко не завидном. От них требуется больше, чем мужество, больше, чем героизм, больше, чем интеллект. От них ждут того, что называется пассионарностью. Изменить нашу жизнь к лучшему, сломать процесс саморазрушения и самодискредитации может только подлинный герой нашего времени.

.....
— В одной из наших прежних встреч Вы говорили, что наши современные элиты не отличаются высокими показателями мужества, героизма и прочих подобных качеств. Соответственно, можно ли сделать вывод о том, что существующие элиты совершенно не способны на изменение курса?
.....

— Надежда умирает последней, а мы еще живы. Бывают такие неожиданные всплески энергии, которые удивляют и заставляют поверить в то, что не перевелись еще на на-

шей земле люди, которые служат Отечеству, в том числе и в верхних эшелонах власти. Вспомним катастрофическую для стран Запада попытку сделать ставку на Саакашвили как на героя-сокрушителя Москвы – такого юного Давида, идущего с американской пращей на русского Голиафа. Это существо стало позором не только для своего народа, но и для Запада, который продемонстрировал свою сущность, став кукловодом душевнобольного человека, садиста. Позорная военная кампания, направленная против России, да и самой Грузии, хорошо отражает подлинное состояние западной элиты. Показательно, кого западные стратеги и политтехнологи сделали лицом западной демократии. Впрочем, нет худа без добра. Во-первых, эта кампания, а также тлеющая по сей день угроза ее продолжения в какой-то степени консолидирует граждан России вокруг властей. Во-вторых, самостоятельность российской власти, ее

роны. В политическом плане эти поколения уже никак не связаны с прошлым. Поэтому им легче рубить узлы – и те, что мешают развитию, и те, что скрепляют народы. Применительно к России и некоторым новообразованным странам, речь идет о поколениях руководителей, которые выросли и сложились не в исторической России, а в новоявленном постсоветском пространстве. Более того, скоро появятся лидеры, принадлежащие к поколениям, которые уже не знают ни русского языка, ни русской культуры. А следующая за ним по пятам новая популяция политиков уже будет знать о своей стране только то, о чем им расскажут их учителя, не знавшие ничего, кроме учебных текстов. К этому времени, скорее всего, историю переписут несколько раз, как это делалось всегда. А старики, которые могли бы поведать правнукам о былом, долго не заживаются на постсоветском пространстве, особенно в России.



*сегодня
безопасность и
у французов, и у
немцев, и у
таджиков, и у
узбеков, и у
грузин – одна
на всех*

готовность принимать жесткие решения вызывают уважение со стороны лидеров соседних стран, которые вновь видят в нашем государстве гаранта безопасности и стабильности. Они-то находятся в ситуации куда более сложной, чем лидеры России, потому что для них вопрос прорусской ориентации – это не просто вопрос престижа на Западе, но и вопрос жизни. Сегодня среди лидеров стран на постсоветском пространстве есть только один человек, который открыто заявляет, что он русский патриот: это Лукашенко. У меня его мужество вызывает глубокое уважение.

.....
— *Вы сказали о том, что власть обновляется, молодеет...*
.....

— Думаю, это временная тенденция, своеобразный мировой тренд. Президент Обама тоже сравнительно молодой человек. Не подросток, конечно, не тинейджер, но явно не в тех годах, когда дают Нобелевские премии... Такое омоложение создает свои проблемы: элементарная социальная зрелость теперь наступает, как известно, после тридцати лет. До этого человек преимущественно потребляет чужие знания и опыт, а после этого начинает что-то отдавать обществу. Поэтому у политиков, которые сейчас пришли во власть, опыт служения людям сравнительно небольшой, и им очень трудно брать на себя судьбоносные решения. Это омоложение имеет как негативные, так и позитивные сто-

Может быть, поэтому так усиленно шло и стимулировалось вымывание старших поколений, которые являются подлинными носителями духа единого великого русского или советского народа (назовите его как угодно, потому что это не имеет отношения к национальности). По-моему, название «советский народ» тоже хорошо звучит: многие люди умирали за него и за Советское государство, и это были не посторонние нам люди, а наши деды, отцы.

.....
— *Политики новой генерации вынуждены укреплять государственность своих новообразованных стран изнутри...*
.....

— Конечно, для этого они должны делать ставку на национальные языки, договариваться с Западом, который, судя по наблюдениям, не демонстрирует желания поддерживать русский язык. Возьмите тот факт, что страны, входящие ныне в политическую орбиту Евросоюза, например, Украина или некоторые его новые члены, выкорчевывают русский язык всеми силами, наперекор логике, здравому смыслу и собственной выгоде. Это, конечно, делается не по их собственной инициативе, а при скрытой поддержке их шефов, которые не заинтересованы в том, чтобы русский язык сохранился как язык межнационального общения, язык становления сильных и великих наций на постсоветском пространстве.

— А Вы считаете, что Евросоюз тоже не заинтересован в восстановлении исторической России?

— И да, и нет. Политика ЕС – не вполне самостоятельна, а о некоторых причинах подозрительности к России мы уже говорили. К тому же для того, чтобы признавать интересы России, надо для начала иметь четкое представление о дальних, в том числе цивилизационных горизонтах собственного развития. А здесь у европейцев ясности нет: даже на высшем уровне эти цели до сих пор не артикулированы. Именно поэтому европейцы не могут договориться ни о евроконституции, ни о целом ряде фундаментальных документов, которые действительно могли бы служить делу формирования нового института европейского гражданства. А без такого института Евросоюз не избежит больших рисков. Об этом говорят ползуции по его фасаду трещины, которые надо не замазывать, а напротив, демонстрировать, ставить метки, отслеживать всем миром, так как они могут свидетельствовать или о несовершенстве конструкции, или о плавающем фундаменте.

— А какой стратегия Евросоюза может и должна быть, по Вашему мнению?

— Об этом я совсем недавно писал в книге «Философия и методология политического планирования», вышедшей в этом году. Книга как раз начинается разделом, посвященным европейским институтам власти и новым политическим институтам в России, сходству наших проблем. Впрочем, я подготовил к публикации еще одну книгу с рабочим названием «Россия и Пан-Европа», где эти проблемы занимают центральное место. В условиях нестабильного мира нужно иметь очень большой арсенал возможностей для выбора, в критической ситуации жизненно необходим достаточный набор альтернатив. Этому требованию должна отвечать подлинная стратегия. Собственно, грамотную стратегию и отличает от утопии не степень обоснованности и не возможность реализации (жизнь показывает, что утопии вполне могут осуществляться), а то, что мы получаем в случае осуществления политического проекта. Если проект, который казался вершиной совершенства и был хорошо обоснован, не расширяет, а резко сужает коридор возможностей, то это утопия. Бесклассовое общество – утопия. Оно было построено в самой большой стране мира и по многим параметрам превосходило конкурентов. Почему оно обрушилось? Не из-за дефицита ресурсов и светлых голов, а из-за невозможности найти альтернативные решения, не укладывающиеся в идеологические рамки. Если проект всеми воспринимается как наивная мечта, но будучи взят на вооружение, именно он открывает новые перспективы – это уже стратегия. Поэтому заранее судить об утопиях и стратегиях – занятие для схоластов. Хотелось бы, чтобы и Евросоюз, и Россия имели такие стратегии, которые открывали бы новые и новые горизонты сближения. Если же говорить о создании новых политических институтов (а этим заняты и мы, и европейцы), то здесь есть риск, которого многие не замечают. С одной стороны, институты – одна из гарантий стабильности. С другой стороны, все институты «заточены» на определенный тип уже готовых решений, набор проторенных временем алгоритмов. Другими словами, еди-

ножды сделанный выбор – это отсутствие выбора, сужение альтернатив и поля для маневра. Но и Евросоюз, и Россия вынуждены идти по этому пути.

— Насколько опасен этот путь?

— С точки зрения коллективной безопасности, риск заключается, прежде всего, в том, что мы строим разные, в определенной степени конфронтационные модели. Причем такого курса придерживается сегодня не Россия, а именно Евросоюз. И делает он это не по своей воле, а потому, что за ним пока еще присматривает Большой брат. Его влияние на внутреннюю и внешнюю политику Евросоюза не ослабевает, хотя в последние месяцы приобретает более цивилизованный вид. На съезде Панъевропейского союза у меня возникла мысль, которую я озвучил, и ее поддерживали участники съезда. Мысль состояла в том, что у Евросоюза и у России, которую мы теперь называем постсоветским пространством, разные угрозы, но одна безопасность. Одна на всех. Более того, сегодня безопасность и у французов, и у немцев, и у таджиков, и у узбеков, и у грузин – одна на всех. Многие крупные политики не понимают этой закономерности, строя разные системы безопасности, которые уже по одной этой причине превращаются в системы гарантированной опасности. Поэтому, если будет продолжено, к примеру, дальнейшее развертывание системы ПРО как антироссийской системы безопасности, то о европейской безопасности надо будет забыть навсегда. К счастью, ее создание в этом варианте приостановлено в условиях кризиса, который выступил здесь в качестве миротворца: у американцев не хватает денег и ресурсов. В случае осуществления проекта им пришлось бы кормить и чехов, и поляков, которые испортили много крови американцам, выторговывая все новые траты, и, кажется, украинцев...

— Да, кормить Украину сегодня – это дорогое удовольствие!

— Американцы готовы были бы и на это, если бы не кризис и не Обама, у которого и так проблем хватает. В условиях кризиса американцы решают задачи по минимизации расходов. Сегодня им не до конфронтации с Россией из-за каких-то систем обороны. Сами-то они прекрасно понимают, что это не система обороны, а технология нападения, включающего возмездие со стороны жертвы агрессии. Да и система обойдется дороже проблематичной победы. Так что реализацию проекта можно пока отложить.

— Вы описали наши отношения с Западом. А что представляет собой наш восточный сосед?

— Восток – дело тонкое. А временные границы, когда еще можно выработать сильную взаимовыгодную восточную стратегию, еще тоньше. Мы упускаем то бесценное время, когда каждый китайский, к примеру, политик среднего и высшего уровня был если не русофилом, то, во всяком случае, человеком, основательно знакомым с великой русской культурой, доверяющим русской культуре и ее потенциалу. Сейчас на наших глазах происходит то же, что и в Чехии или Словакии, где молодежь уже не знает русского языка, хотя с людьми постарше можно говорить по-русски совершенно свободно. Так же русский язык уходит из употребле-

ления и в восточных странах. А с ним уходят и потенциальные союзники, способные думать не только о преходящих интересах и выгодах, но и о вечном. Думаю, в Китае по отношению к России уже возобладали утилитарно-прагматический подход. При хорошей игре со стороны российского руководства, при удачной экономической и политической конъюнктуре, безусловно, наши отношения будут развиваться в позитивном ключе. Но кто сможет гарантировать такое стечение обстоятельств в эпоху стратегической нестабильности? В условиях дестабилизации прагматизм может в любой момент обернуться против нас, против человечности в политике. Поэтому прагматиков нужно уважать, с ними полезно дружить, но их следует остерегаться. Меня вообще настораживает стремление ряда наших лидеров делать основную ставку на прагматизм. Кроме выгоды, тактики и временных горизонтов стратегического планирования, должна сохраняться ответственность перед Богом. При крушении ценностной иерархии даже те ценностные ориентиры и цели, которые все называют по привычке высокими (справедливость, равенство, братство и далее по списку), могут стать орудием разрушения. Россия уже на себе познала, что значит перевернутая пирамида ценностей.

.....
— И, наконец, завершающий вопрос. Вы отвечали на него фактически в каждом слове нашей беседы, но давайте соберём эти кусочки воедино: какой должна быть идейная база политики России в отношении стран, называемых ныне постсоветским пространством?

— Это самый трудный вопрос. Даже уважающая себя средняя фирма, если она хочет сохраниться на рынке, должна не только иметь долгосрочную стратегию и программу действий, но и найти свою особую миссию, свою нишу служения, где она будет необходима людям. Представьте себе: даже расчетливым, меркантильным дельцам, которые хотят сделать свой бизнес надежным и долгоиграющим, знакомо понятие миссии, включающее в себя какое-то нравственное начало. Они многим могут пожертвовать, перейти границы дозволенного, но отказ от миссии – последнее дело. Если ты её занял, заработал честное имя, то фирма получает дополнительные гарантии стабильности. Это тот редкий случай, когда промысел соединяется с Промыслом. Поэтому бывает трудно понять руководителей великих стран, когда они отказываются даже говорить о миссии своих держав, чтобы не вызвать критики со стороны либералов, для которых государство – сфера услуг, а лидеры – политические менеджеры. У России своя особая миссия была всегда. Об этой миссии наши политики стесняются вспоминать, потому что это имперская миссия. Зря стесняются. На самом деле, эта миссия выше имперской, поскольку и сама Россия – не рядовая империя. Ее миссия – это лучшее оправдание всякой политики, ибо заключается она в сбережении народов. Речь идет не только о том народосбережении, как понимают его прагматически настроенные теоретики и практики (конечно, нужно людей накормить, напоить, уберечь от преждевременного вымирания, стимулировать рождаемость), а о сохранении народов как исторических личностей, которые доверили свою судьбу большому и сильному государству по имени Россия. А доверились они ей

потому, что православная Россия – та мать, которая может прокормить и защитить всех своих чад – и родных, и приемных, и православных, и инославных, не делая различий между ними. Уникальность русской православной цивилизации в том и состоит, что Россия смогла дать всем своим детям достойное образование и доступ к высокой культуре, подарила письменные языки тем, кто их не имел, чтобы и они смогли сохранить свою самобытность, язык, культурную память и веру в Творца. Россия дала своим детям великий русский язык, научила нас мыслить вместе и сообща. Этой миссии не изменяла и Советская Россия, увы, порвавшая связь с имперским прошлым и православной верой. В этом и состоит та великая миссия, которую Россия всегда выполняла и благодаря которой сохранила семью народов. Некоторые из них теперь живут самостоятельно, отделившись от России, иногда её не любят и относятся не по-сыновнему, не по-дочернему к своей матери, ссылаясь на то, что она их не любит. Те, кто так говорит, полагают, что Россия и ее правители – это одно и то же.

.....
— А у Америки есть такая миссия?

— В Америке все есть, и своя особая миссия тоже. В ее основе – простая и понятная каждому янки идея жизненного пространства для американцев. Проще говоря, каждый американец имеет право жить и жить хорошо, что не у всех и не всегда получалось. Видимо, по этой причине миссию США чаще называют американской мечтой. Еще одна причина, объясняющая любовь к такому названию, заключается, видимо, в том, что жизненное пространство США – весь мир. Пока это действительно американская мечта, а мечтать не вредно. Такая мечта, конечно, имеет свою цену, и стоит она дорого. Американцы прекрасно понимают, какую цену они за нее заплатили, готовы платить её в будущем, но хотят, чтобы и остальные тоже платили. Поэтому Америка не только мечтает о хорошей жизни, но и потребляет стократ больше, чем производит. А аргументы у Америки проверенные и надежные: самая мощная в мире армия и флот, в том числе космический. На земле, принадлежащей Штатам, обитали когда-то аборигены, которые не разделяли этой мечты, потому что считали жизненное пространство гостей своей землей, землей предков. Аборигены мешали осуществлению высокой миссии. От них остались воспоминания и казино на территории резерваций. Еще остались названия рек, озер, штатов и городов, ритуалы некоторых праздников, конечно. Больше ничего от них не осталось. Те, кто изучает конституционную историю США, знают, что конституционализм по-американски подразумевает защиту интересов и прав даже потомков рабов – афроамериканцев, а также прав мигрантов всех рас и вероисповеданий – азиатов, европейцев, русских... Этому опыту не грех поучиться. Но он полностью, абсолютно игнорирует интересы аборигенов. И под эту свою мечту, планомерно, грамотно американцы перестраивают весь мир и учат его жить по справедливости, то есть в соответствии с их мечтой. На этом принципе стоит цивилизация американцев и для американцев. Она по-своему хороша, по-своему умна, по-своему прогрессивна, по-своему человечна. Но было бы смешно, если бы мы считали, что эта цивилизация и для нас.

СТРАТЕГИЯ 2020

МАТЕРИАЛЫ ЗАСЕДАНИЯ СЕКЦИИ «ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР. АМБИЦИИ СУВЕРЕННОЙ РОССИИ» ФОРУМА «СТРАТЕГИЯ—2020»

14 ОКТЯБРЯ 2009 ГОДА
ДОМ ПАШКОВА, МОСКВА



МАКСИМ ШЕВЧЕНКО,
модератор:

— Я рад приветствовать всех тех, кто пришел в Дом Пашкова на заседание секции «Единой России – глобальный мир» Форума «Стратегия–2020». Меня зовут Максим Шевченко, я ведущий этой секции. Мне очень приятно, что уже сложился определенный круг постоянных участников – дискуссионтов вокруг тех проблем, которые мы обсуждали уже несколько раз в рамках секции. Это значит, что таким образом складывается и неформальный пул, который позволяет давать оценки не хаотические, а более-менее системные тому, что происходит. Такие оценки давать крайне важно, такие дискуссии крайне важны, потому что одно дело, когда междуна-

родной политикой занимается ведомства, которым положено по роду их деятельности, разные политические структуры. Они, как правило, скованы и в своих действиях, и в своих оценках. Всякая закрытая структура, которая тем более вписана в большую систему, естественно, сдержанна. С этой точки зрения публичное экспертное пространство, публичные экспертные дискуссии, публичные экспертные оценки играют крайне важную роль. И Форум–2020, и секция «Единая Россия – глобальный мир» призвана во многом давать такую систему оценок, которые бы нелицеприятно, жестко или каким-то образом внятно, одновременно конкретно позволяла оценить и тренды текущей политической ситуации, складывающейся вокруг России и ее амбиций, которые заявляются лидерами страны на разного рода уровнях: на уровне ООН, на уровне форумов, каким был Ярославский форум, например, на уровне статей – такая у нас теперь мода – публиковать статьи в Интернете или разного рода изданиях.

Так или иначе, есть позиция, стало быть, есть контуры политики, которые заявляют люди, берущие свою персональную, личную ответственность за судьбы и развитие страны. Есть мнение людей, которые представляют собой экспертное сообщество страны, которому небезразлична судьба страны, это мы, людей, которые прожили уже тяжелых 20 лет, насыщенных и распадом страны, в которой мы все родились – Советского Союза, и гражданскими войнами, которые полыхали на территории бывшего Советского Союза, некоторые до сих пор еще не за-

кончены. Складывается ощущение, что контуры мира, в котором Россия могла бы существовать и будет существовать, еще ни в коей мере не устоялись. Наше будущее во многом зависит не только от наших оценок, от оценок, на мой взгляд, вообще мало что зависит, но от оценок, связанных с активной политической позицией, связанных с активной мировоззренческой политикой. Это сочетание превращает Форум–2020 и секцию международной политики в достаточно внятный и заметный инструмент, тем более что и внимание СМИ к работе секции, к дискуссиям, которые на ней ведутся, достаточно велико. Мне очень приятно, что мы сегодня будем не в слишком большом формате, не 30-40 человек, то есть нет такой массовости затей, что, на мой взгляд, позволяет более внятно и конкретно поговорить о том, что на самом деле существенно, что на самом деле важно.

Я попросил бы вас сегодня ответить на ряд вопросов, которые, на мой взгляд, являются для страны важными. Мое ощущение как ведущего, как интеллектуального модератора этой секции в том, что момент, который сейчас в мире или реально происходит, или происходит имитация реальности этого момента – это первый нюанс, который не является важным, можно ощущать переломным. Для меня он во многом напоминает конец 1980-х годов. Происходит кризис, кризис явно зримый, кризис большого государства, кризис большой системы, меняется мир. США находятся в кризисе, всерьез говорят о кризисе доллара, доллар падает, ставя под сомнение британские соглашения, открыто обсуждаются, потом опровергаются эти обсуждения, возможность отвязки нефти и энергоносителей от доллара, как от единственного способа их оценки. Все такие же разговоры, только чуть-чуть о другом, но примерно в такой же тональности были в 1980-е годы, перед трагическим 1991-м годом, который Владимир Путин назвал величайшей геополитической катастрофой XX века, перед крушением Советского Союза.

Я сейчас говорю не с точки зрения каких-то моральных оценок – плохо или хорошо то, что случилось. У меня просьба, чтобы наши разговоры напоминали консилиум врачей: мы видим, что что-то происходит, мы видим, что прогрессирует некий процесс, этот процесс может привести к неким реальным последствиям, он может привести к изменению всей системы международных отношений. Что будет с этой системой? Скажем так, это большая работа. Оценка реальной ситуации того, что меняется в мире, оценка кризиса, больших процессов, которые происходят в мире. На этом фоне есть у меня вопросы более конкретные и более жесткие, относительно тех зримых событий, тех точек, которые сейчас в мире фиксируются пульсацией, относительно которых нам придется принимать решения. В частности, 5 декабря планируется или не планируется подписание Соглашения о стратегических наступательных вооружениях с США. По этому поводу ходят разные слухи. На этой неделе в Москве находится госсекретарь США Хиллари Клинтон, и мы видим, что американцы оказывают серьезнейшее давление на Россию с целью принудить ее к подписанию этого соглашения. Мы видим также, что широкое общественное обсуждение последствий и перспектив этого подписания не ведется. Поэтому я попросил бы вас остановить свое внимание также

и на угрозах, и на плюсах, которые связаны с подписанием соглашения о стратегических наступательных вооружениях. По этому поводу есть, как минимум, две позиции: кто-то говорит, что это лишит Россию статуса великой державы в глобальном, мировом формате, кто-то, наоборот, говорит, что это приведет нас к новым форматам сотрудничества с Западом, более конструктивным, внятным и т. д.

Второй момент – резко обозначившееся уже не на словах, а на формальном уровне сближение России с Китаем. Мы знаем, что Россия в течение этого года подписала достаточно большой контракт, взяла кредит в 25 миллиардов долларов на постройку нефтегазопровода в Китайскую Республику. Ответственными лицами РФ было неоднократно подчеркнуто, что этот контракт будет выполнен. Буквально в эти дни был заключен еще ряд соглашений на 3,5 миллиарда долларов между нами и китайцами. Может быть, эта сумма не поражает воображение по сравнению с 25 миллиардами, но она, по крайней мере, публичная. Публично было продемонстрировано совершенно очевидное сближение с китайцами, заявлено о том, что китайцы будут строить у нас дороги, что китайские рабочие будут проводить здесь серьезные работы, что китайские технологии будут допущены в Россию в обмен на российское сырье. Сближение с Китаем – это тоже очень серьезно. Нас все 1990-е годы пугали сближением с Китаем, западное лобби всегда этому очень противилось, срывало переговоры по сближению с Китаем, но российская власть в лице правительства, в лице ответственных министерств пошла на очень резкое сближение с Китаем. Я прошу вас дать вашу оценку и этой тенденции, этим трендам и этим аспектам – угрозы, плюсы, минусы, связав это, соответственно, и с отношением с США, которых помимо договора СНВ, являющегося ключевым моментом этих отношений сегодня, по крайней мере, для американцев, существуют также такие аспекты, как сотрудничество с Афганистаном. Существуют также, больше, на мой взгляд, там ничего нет, все, что там есть – это две мифологические вещи: СНВ и сотрудничество по Афганистану, нет никакой экономической подоплеку отношений, ничего другого. Может, что-то есть? Может, вы что-то видите? Может, вы что-то усмотрите, кроме болтовни, которая существует в этих отношениях, какой-то реальный резон?

Третье – это отношения с Западной Европой. Мы видим те процессы, которые происходят в Западной Европе, мы видим выборы, которые прошли в Германии, мы видим беспрецедентную победу левых сил, не социал-демократов, а об этом пытаются замалчивать СМИ, я понимаю, страшно говорить о неприятном, но 12% Лафонтена – событие беспрецедентное! Впервые коммунисты вошли в парламент Западной Германии, не просто европейской страны, а именно ФРГ. Причем коммунисты, занимающие настоящую, коммунистическую позицию, позицию, какую и положено занимать на родине Карла Маркса. Это не абстрактные коммунисты, которые сегодня как бы коммунисты, но и государя императора готовы почитать на всякий случай, а реальная партия коммунистов. И поражение социал-демократов в Германии, поражение той умеренной силы, которая была во многом инициатором беспрецедентных во времена Шредера соглашений с Россией по газу, Газпрому и т. д.

Вообще, изменение контура европейской политики, усиление тех, кого называют правыми радикалами в Европе, которая на самом деле зачастую солидарна с Россией, как, например, австрийская Партия свободы, которая тоже имеет в Парламенте достаточно серьезные позиции, она поддержала Россию по Грузии и по разным другим позициям занимает жестко антиамериканскую позицию. Позиции чешского премьера, внутренний конфликт в Европе. На фоне этого продолжающиеся попытки России, части российских элитных групп курса на тесное сближение с Европой. Основано, прежде всего, на прагматическом интересе газового единого консорциума. Второй момент – впервые этот газовый консорциум открыто поддерживается устами Юргенса заявлениями о необходимости российско-европейского союза. Все это очень важные вещи.

Итак, США, Китай, Европа. Я предлагаю вам темы в неслучайной последовательности приоритетов. Понятно, что отношения с США – это номер один по важности, отношения с Китаем – номер два, и затем с Европой. И как вы в контексте этого оцениваете ситуации на постсоветском пространстве, в СНГ? Меня интересуют две вещи: Украина и Кавказ. На Кавказе тоже происходят процессы, которые невозможно не заметить: армяно-турецкие соглашения решительно меняют, на мой взгляд, мозаику международной политики. В мир возвращаются региональные форматы. Турция выступает не как инструмент США, хотя на этот счет могут быть разные мнения, кто-то говорит, что выступает, кто-то, – что не выступает, и не как инструмент политики европейской державы, просто нет политики европейской державы. А Турция заявляет о своем желании вернуться в статус региональной державы и определять региональный формат. Плюс к этому все это происходит на фоне отсутствия каких-либо ирано-турецких противоречий, наоборот, согласие по курдскому вопросу между Турцией и Ираном. И есть очень внятное желание сотрудничества со стороны Турции с Россией. Насколько это сотрудничество искреннее, неискреннее, что там вообще происходит? Как вы оцениваете последствия армяно-турецкого сближения? И возможно ли, я пока еще в это не очень верю, открытие границ, Карабахское урегулирование на этом фоне?

Вот такая увертюра, которую я произнес, мне кажется, зажгла ваши мозги. Мне очень хочется, чтобы сейчас мы поговорили о том, о чем я попросил вас поговорить, и достаточно внятно и четко ответили на эти вопросы. Времени на выступление у нас сегодня достаточно, подчеркну, я специально ограничивал безумное число участников, чтобы можно было поговорить внятно, четко, откровенно. Я хотел бы попросить начать Алексея Константиновича Пушкиова, выстраивая выступление по поводу того, что я сказал.

АЛЕКСЕЙ ПУШКОВ,

ведущий телепередачи «Постскриптум» (ТВЦ)

— Я думаю, что повестка дня чрезвычайно обширная, и если выступать по всем этим позициям, это займет не меньше часа. Поэтому я лично сосредоточусь на российско-американских отношениях.

Отношения с Соединенными Штатами – сейчас, конечно, тема гораздо более интересная, чем год назад, когда



все было абсолютно ясно, когда Буш был умирающим лидером (в политическом смысле, естественно), Кондолиза Райс делала какие-то конвульсивные движения, чтобы разменять свою позицию госсекретаря на какую-то значительную роль в негосударственном секторе. Сейчас в Америке новое руководство. Оно новое не только внешне (отличие Обамы от Буша видно невооруженным глазом), но новое и с точки зрения целого ряда содержательных моментов, нельзя это отрицать. Я против той позиции, которая гласит, что Америка в любом случае, всегда и во всех отношениях, враждебна России, и что – какой бы там ни был президент – мы должны в любом случае быть обороняющейся крепостью, ничего общего не иметь и считать, что нас всегда обманут. Я думаю, что все гораздо сложнее.

С другой стороны, нельзя впадать в другую крайность. То есть одна крайность – это попытка самоизоляции от США, а другая крайность – это разговоры, которые сейчас пошли (в частности, некоторые члены Совета Федерации выступают с такими идеями), что нам нужен стратегический союз с Соединенными Штатами. Я, как только слышу о стратегическом союзе с США, сразу начинаю серьезно опасаться этого. Потому что стратегический союз с Соединенными Штатами у нас возможен только в одном случае – при наличии общего, желательного военного, противника. Вот такой стратегический союз возможен, и это показала Вторая мировая война. Он был не долг, как мы знаем, он был крайне сложен, как нам известно. Америка при этом всячески старалась использовать этот союз в своих собственных интересах, не открывала. Второй фронт до 1944 года – то есть этот союз не был союзом искреннего типа. Этот союз был геополитический, циничный достаточно, но, по крайней мере, сцементированный общей враждебностью к Гитлеру. Пока не будет такого общего врага – стратегический союз между нами и США невозможен. Потому что на евразийском пространстве, где сосредоточены основные мировые ресурсы, где сосредоточены основные мировые кризисы, и где, собственно, и идет борьба за те пути, по которым будет развиваться мир, Россия занимает центральное положение. И в 1992 году в стратегии национальной безопасности, принятой Соединенными Штатами (никто ее еще не опровергал до сих пор), было сказано, что цели США на евразийском пространстве состоят в недопущении повеления там держав, которые могут бросить вызов стратегическим интересам Соединенных Штатов. Это сказано абсолютно ясно, и это правильно – а что мы должны были ожидать? Что США бу-

дут поддерживать появление стран, которые бросят вызов их стратегическим интересам? Естественно, задача состоит в том, чтобы ослаблять государства, которые могут бросить вызов стратегическим интересам.

Поэтому идея стратегического союза, как мне кажется, вредна, она создает ненужную иллюзию относительно возможности сочетания большой суммы национальных интересов России и большой суммы национальных интересов Америки. Эти интересы разные. Они не всегда конфронтационные, но они разные. По очень большому кругу вопросов. У Бисмарка было в свое время очень хорошее высказывание: он говорил, что в каждом союзе есть всадник и есть лошадь. Вот давайте посмотрим, как Соединенные Штаты могут смотреть на союз с Россией. Ясно, что себя американцы в роли лошади не видят, они всегда видят себя в роли всадника. Это отвечает американской политической культуре, это отвечает образу ковбоя в красивой шляпе — а лошадь должна выполнять за Америку какую-то работу. Поэтому понятно, что Америка никогда не согласится быть лошадью под российским всадником. Значит, они видят себя всадником на российской лошади. Но нам эта роль, как мне кажется, противопоказана, да и не нужна совершенно.

Это из области теории. А вот из области практики — у нас уже была попытка стратегического союза с США, сторонником такого союза выступал, как вы знаете, Андрей Козырев в начале 1990-х годов; с этой идеей очень серьезно заигрывал Ельцин, и это выразилось в его попытке установить какой-то особый тип отношений с Клинтоном, попытке, которая абсолютно провалилась. Достаточно прочитать книгу Тэлбота «Билл и Борис», в которой описывается, как Клинтон спаивал Ельцина для того, чтобы получить от него уступки по тем вопросам, по которым другими путями они получить не могли. То есть у нас уже есть историческая практика попытки стратегического союза в 1990-е годы, она не сработала. Не работает она и сейчас. И я постараюсь объяснить, по каким причинам.

Вместе с тем мне бы не хотелось впадать в пессимизм. Максим в своем вступительном слове спросил, что есть в наших отношениях с Соединенными Штатами, кроме болтовни? Постановка вопроса достаточно резкая, но я постараюсь ответить. Я считаю, что есть что-то кроме болтовни, хотя и болтовни тоже очень много. Что есть? Первое — это серьезное изменение стиля отношений. Вообще, во внешней политике, в дипломатии, стиль имеет очень большое значение. Да, содержание важно — но стиль тоже имеет большое значение. Мы же с вами понимаем, что если стороны встречаются в настроении взаимного неприятия — это одна ситуация, а когда стороны встречаются в попытке найти какие-то общие позиции — это все-таки немножко другая ситуация. Вот это изменение стиля — оно прослеживается, и я должен сказать, что изменение стиля заметили не только мы. Уго Чавес, человек поразительного ума, на самом деле, все прекрасно понимает, — он Обаму совершенно по-другому оценивает, чем Джорджа Буша. То есть он тоже понимает, что стилистика изменилась, и этому надо отдать должное. Это первое.

Второе. Произошел сдвиг в американских приоритетах. Мне кажется, это очень важный момент. Я не говорю о том, что американцы пересмотрели свои стратегические

цели — нет, цели не пересмотрены. Стратегия национальной безопасности 1992 года продолжает действовать. Но приоритеты в рамках этой стратегии расставляются иначе. Например. Для администрации Буша было абсолютно принципиально разместить систему ПРО в Восточной Европе. Я не думаю, что это было связано с Ираном. Я думаю, это было связано с тем, что администрация Буша делала ставку на Восточную Европу как на своего главного партнера на европейском континенте. То есть Старая Европа — Франция, Германия, Италия — предала Америку во время войны в Ираке, и осталась опора в виде новой, молодой Европы, которой очень нравился Буш — это Польша, Прибалтика, Венгрия, Чехия и так далее. Они стали основным партнером Соединенных Штатов на европейском континенте, они стали опорной основой США в НАТО, и за это их нужно было отблагодарить. И вот эта идея с размещением ПРО и так далее — она была во многом замешена на изменениях в политическом плане. То есть раньше Америка опиралась на Западную Европу, а Восточную присоединяла к Западной, то при Буше она стала опираться на Восточную Европу, а Западную — ну, поддерживать те контакты, которые были, но в целом взаимоотношения с Бушем у западноевропейцев были неважные, как вы знаете. Так вот, этого приоритета больше нет. Для Обамы, мне кажется, Восточная Европа — это вообще нечто не очень интересное. Он не совсем понимает, почему ей придавалось такое большое значение в прошлые годы. И отсюда — вот этот отказ от системы ПРО, это одна из причин.

Второе изменение приоритета — это перенос на неопределенную перспективу возможности приема в НАТО Украины и Грузии. Администрация Буша до последнего момента пыталась это обеспечить. Кондолиза Райс на заседании министров иностранных дел стран НАТО, которое прошло в начале декабря, всего за 40 дней до ухода Буша из Белого дома — казалось бы, можно было уже успокоиться и заниматься чем-то более приятным, да? — нет, она едет в Европу и пытается продать идею скорейшего приема Грузии и Украины в НАТО. Нынешняя администрация такой задачи не ставит. Да, она официально заявляет, что ворота в НАТО для Украины и Грузии открыты, и когда-то они присоединятся, от этого Америка не отказывается. Но согласитесь, есть разница: одно дело, когда вы это объявляете какой-то общей стратегической задачей, и совсем другое — когда вы это делаете непосредственной задачей своей внешней политики. Значит, здесь тоже есть серьезный сдвиг в приоритетах.

Третий сдвиг в приоритетах — гораздо более спокойное отношение к так называемым «странам-изгоям» (за исключением Ирана и Северной Кореи из-за их ядерных программ). Смягчение по отношению к Венесуэле — это совершенно характерный момент. Америка не перестала считать Венесуэлу враждебной, но она считает, что можно попытаться сделать ее менее враждебной, попытаться найти общий язык. Отказ от формулы «кто не с нами, тот против нас», характерной для администрации Буша. Попытка другого начала работы с мусульманским миром, если не по сути, то, во всяком случае, по форме. Мне представляется, что это вещи, которых мы не можем не замечать, потому что мы попадем в такое непонимание того, что происходит.

Третий момент, который есть у нас с Соединенными Штатами, кроме болтовни – это попытка переформатировать отношения, найти новые точки соприкосновения. Конечно, можно сказать, что США это переформатирование делают для того, чтобы Россия помогала им в важных для них задачах – ну а что мы должны ожидать от Соединенных Штатов? Естественно, они хотят, чтобы мы их поддерживали. Но если при этом они готовы идти на некоторые шаги нам на встречу, то тогда это переформатирование может нас устроить. Поэтому когда спрашивают, а не обманывает ли нас Обама – понимаете, обманывают тех, кто обманывается. Мы должны видеть, где мы можем получить выигрыш, а где мы выигрыша получить не можем, вот и все, собственно. Но уклоняться от диалога, отказываться от этого переформатирования – это будет выглядеть очень странно, и на мировой арене, где, в принципе, все страны сейчас переформируют в известной степени свои отношения с Америкой, переходят от бушевского периода к новому периоду, и в наших двусторонних отношениях тоже.

Когда нам предлагают какие-то возможности – мы должны определить, соответствуют они нашим интересам или нет. Я очень кратко пройду по основным позициям здесь. Безъядерный мир, который предлагает Обама, на мой взгляд – абсолютная фикция. От ядерного оружия никогда не откажутся. Взять хотя бы Израиль – все, на этом безъядерный мир заканчивается. Более того, безъядерный мир для нас крайне вреден. Потому что если сейчас мы обеспечиваем свою безопасность за счет ядерного потенциала, это всем прекрасно понятно, то если будет безъядерный мир – пока вы последние 20 лет занимались внутренними разборками, Чечней и так далее, США создавали высокотехнологичные виды вооружения и очень опередили нас в этой области, мы с ними здесь не конкурентоспособны. Поэтому здесь, мне кажется, на словах мы должны поддерживать, конечно, соблюдая политкорректность, но не более того. Самая большая опасность, мне кажется – что мы опять впадём в иллюзии 1990-х, что вот обязательно нужно выдать 5 декабря хороший результат, просто потому, что Медведев и Обама договорились об этом когда-то в Лондоне. Я считаю, что даже если они договорились об этом, но договор не соответствует нашим интересам – не надо выдавать хорошего результата. Еще полгода можно посидеть побеседовать. Потому что американцы сейчас нас будут поджимать. Они это постоянно делают, говорят, что мы должны показать позитивную динамику. Ради позитивной динамики мы не должны идти на соглашения, подрывающие нашу безопасность. Я считаю, это абсолютно не правильно, эта позитивная динамика будет для нас негативной.

Третий момент – система ПРО. Да, надо вести переговоры с США. Но обратите внимание: Хиллари Клинтон приехала в Москву – никаких новых ответов нет. Что будет вместо ПРО? Обратите внимание, что Бжезинский поддержал решение Обамы по ПРО. Почему? Потому что он считает, что в порядке компенсации Польша получит гораздо больше от Соединенных Штатов и в военном плане, с точки зрения создания военных баз, и так далее. То есть он считает, что размен возможен. Отказ от ПРО – но зато Польша включается в си-

стему американского передового базирования, и это еще лучше. Вот эти вопросы надо задавать американцам. Они действительно собираются это делать? Тогда этот отказ от ПРО – фикция. Или не собираются этого делать? Тогда мы воспримем это как серьезный шаг нам навстречу.

И последнее – об Иране. Я не думаю, что мы должны обязательно сейчас идти навстречу США по Ирану. Меня, честно говоря, Иран смущает – странноватое такое государство, со своими странноватыми заходами – но, тем не менее, у нас нет сейчас моральных обязательств, при полной неясности относительно того, что будет вместо прежнего плана по ПРО, идти навстречу Соединенным Штатам. Я думаю, что нам надо выждать паузу. Ничего страшного здесь не происходит, нам не надо торопиться спешно поддерживать Америку. Поэтому я думаю, что мы должны танцевать с американцами – но для того, чтобы танцевать танго, танец сложенный, близкий, танец тесного общения – для этого надо пройти еще очень долгий путь. Сейчас мы должны очень внимательно присматриваться к тому, что означает изменения в стилистике внешней американской политики для нас и наших интересов. Не хотелось бы так всерьез воспринимать мысли о женской природе России.



МАКСИМ ШЕВЧЕНКО

— Спасибо Вам за такое первое, очень четкое, жесткое, внятное вступление в нашу дискуссию. Я еще раз подчеркну, что я озвучил круг тем. Не хотелось бы, чтобы сейчас все концентрировалось только на США, вы свободны в том дискурсе, в той осознанной необходимости, которую я сегодня вам предложил на обсуждение. Я хотел бы только вот что еще подчеркнуть, меня на это навели слова Алексея Константиновича относительно американской позиции. Ведь фактически госпожа Клинтон и господин Макфолл, будучи в России, косвенно, так или иначе повторили слова, высказанные президентом Обамой. Смысл их в том, что нет такой единой модели демократии, что страны имеют право на какую-то такую демократию, которая сама вытекает из их органического строя жизни. Я сейчас не дословно цитирую. Де-факто это значит, что американцы солидаризуются с концепцией суверенной демократии, вокруг которой велись такие дискуссии и такие серьезные споры в России, которая высмеивалась на самых разных уровнях самыми разными интеллектуалами из либерального лагеря, но которые, как выясняется, оказываются идеологией, публично озвучиваемой, политического класса ведущей страны мира.

Может быть, об этом тоже поговорить? Каково видение со стороны американской администрации возможностей сотрудничества суверенных демократий, демократии, основанных на принципах, на истории, на традициях народа? Хорошо читают статьи и материалы, которые пишутся в России? Или это на самом деле попытка изменений отношений к миру, нового видения? Может быть, это как раз та база для сотрудничества американского некоего политического клуба, который рвется к власти из-под наследия республиканцев, воинственного, имперского, и российской элиты, которая демонстративно давно уже озвучивает в рамках жесткой полемики эти концептуальные позиции? Леонид Владимирович Поляков, я хотел бы попросить сейчас Вас выступить.



Леонид Поляков,

заведующий кафедрой общей политологии ВШЭ

— Спасибо. Господа, за отсутствием дам только этим ограничусь, господа, я бы ответить на вопрос нашей секции Форума-2020 относительно наших амбиций и разобраться в том, какие у нас имеются возможности, потому что амбиции — это всегда претензии на какую-то роль. Если мы сразу погрузимся в обсуждение конкретных стран-вызовов — Китай, США, Евросоюз, еще кто-то, я боюсь, что мы упустим очень важный логический шаг в нашем обсуждении темы: собственно, а что нам предложено, какие возможности у нас есть? Мне кажется, что современный глобальный мир наделяет каждую страну-участника пятью опциями, не более, может, я что-то упустил и в дальнейшей дискуссии меня поправят, но я вижу пять возможных вариантов позиционирования в глобальном мире сегодня для любой страны, но для России в первую очередь.

Первое. Страна-лидер, которая оказывает глобальное влияние и которая формирует мир, задает повестку дня и создает условия реализации пунктов, которые обозначены в данной повестке. Второе. Страна, выражаясь языком рынка, что-то вроде страны, которая хеджирует свои риски, играя на противоречиях, на курсах вверх-вниз основных игроков *blue chips*, страна, которая не претендует на первый ряд, но извлекает серьезные выгоды для себя, страхуется и все время получает некую прибыль. Третья позиция — смешанная. Это конгломерат стран либо уже существующий, либо существующий в проекте, который претендует на одну из первых двух ролей. Я имею в виду, в частности, Евросоюз, как некий

амбициозный проект. Это новая интересная амбиция в глобальном мире — создание коллективного субъекта глобального мира. Четвертая позиция — это сателлит, не важно чей, то есть страна, четко и ясно идущая в курсе политики других стран. И пятое — уже упоминавшиеся сегодня Алексеем страны-изгои, страны, которые сознательно выбирают позицию изоляции, относительной независимости от всего остального мира, что невозможно. Это может быть Южная Корея, Куба, Иран и т.д.

Эти пять опций, очевидно, нужно иметь в виду, рассчитывая наши глобальные амбиции. Причем заметьте, позиция России такова, что мы еще совсем недавно рисковали оказаться в позиции любой из пяти опций, включая и последнюю, потому что до тех пор, пока не наступила стилевая климатическая перезагрузка, нас четко и сознательно запикивали именно в эту лунку. Страна авторитарная, страна, бросающая вызов всем канонам глобальной демократии и т.д. Нам предлагали совершенно верный анализ Пушкина здесь: стать неким сателлитом, лошадью в союзе. Проблема СНГ, в конечном счете, сводится к тому, готовы ли мы поиграть в «позицию три», то есть создать конгломерат стран в качестве самостоятельного субъекта глобальной политики. Что более привлекательно для нас — это выбор из первых двух опций, конечно: страна-лидер, формирующая глобальный мир, либо мы страна — умелый хеджер, страна, которая не лидирует очевидно, но все время выигрывает. Мне кажется, что, размышляя о том, что нам доступно, следует иметь в виду эту развилку. С одной стороны, нужно четко просчитать варианты и ресурсы нашего возможного лидерства, а с другой стороны, оценить преимущества страны, которая не светится на авансцене, но зато постоянно реализует свои четко осознаваемые национальные интересы.

Мне кажется, что осознание именно такой развилки, такой дороги при невозможности последних трех, нежелательности последних трех должно задавать тон и тонус обсуждению тех основных позиций, которые Максим обозначил в своей преамбуле. Если мы будем погружаться в такой двусторонний анализ США, России, Китая и так далее, мы просто потеряем глобальный контекст и ту глобальную перспективу, в которой нам предстоит действовать, а потом совмещать эти отдельные аналитические линии в некую прочную ленточку, я не знаю, удастся ли. По-моему, лучше подход, который сразу ответил бы на этот вопрос: кто мы или кем мы желаем быть?

Мне кажется, что пока, начиная от высшего руководства и заканчивая, как принято выражаться, рядовым россиянином, амбиция такова, что мы должны быть страной-лидером, с одной стороны. С другой стороны, начиная с президента и заканчивая опять-таки рядовым россиянином, все понимают, что количество обременений, количество вызовов и проблем, с которыми сталкивается Россия, президент Медведев перечислил недавно в своей статье, обращенной к нации через Интернет, таково, что с такой ношей претендовать на глобальное лидерство, по крайней мере, рискованно. В этом смысле мне представляется, что нам как независимым экспертам было бы полезно самим себе и всей остальной нации немножко начать прочищать мозги в этом направлении, то есть попытаться соотнести амби-

ционость с реальностью и вычислить некую среднюю линию, что в результате мы можем получить. Такая работа может оказаться полезной еще и в том смысле, что мы можем переосмыслить само понятие «страна-лидер» глобальный.

Пока из того, что говорил Алексей Пушков, наше лидерство может базироваться на двух элементах: на ядерном оружии, от которого мы никогда не откажемся, и на ресурсной базе, с помощью которой мы осуществляем более-менее глобальное, уже европейское, а в будущем и восточно-китайское проникновение, таким образом, как бы щупальцами захватываем тот мир, в котором мы начинаем продвигать свои интересы. Это, конечно, вопрос, который очень ясно ставит саму эту дилемму в качестве нашей основной экзистенциальной дилеммы. Среди нас здесь присутствуют люди, которые давно и очень ярко, убежденно пропагандируют Россию как носительницу некоего откровения. Я думаю, они сегодня выступят и об этом скажут. Россию, которая что-то открывает миру, Россию, которая бросает мир в новый прорыв, Россию духовную, Россию смыслов. Такой трезвый анализ и признание того, что ничего, кроме этих двух мощных столпов, двух ног нашего величия, как ядерное оружие и нефтегазовая экономика, в принципе, пока нет. В то же время искушение создать некую третью оставляющую, духовную, проективную, трансцендентную линию, которая бросает все человечество в новое измерение, — мне кажется, что эта основная линия аналитического напряжения четко просматривается. Тогда вопрос может стоять о том, что действительно, прагматично рассчитывая возможности нашего лидерства, мы можем согласиться на позицию номер два — опытного игрока, умело хеджирующего глобальные риски, не тужащегося превратиться в фишки первого ряда, но в то же время всегда выигрывающего на падениях или на взлетах. Мне кажется, что если такой просчет включить в возможные варианты нашего будущего, то выстраивается какое-то реалистическое и реализуемое направление относительно того, как нужно понимать амбиции суверенной России. Спасибо.

АЛЕКСЕЙ ПУШКОВ

— У меня короткое соображение. Мне кажется, что в этом есть что-то гегельянское, в вашем подходе: сначала мы должны определить идею, потом создать под нее реальности. Реальность нам диктует наши возможности, наше положение. По последним данным МВФ, Россия занимает восьмое место в мире по объему ВВП. Мы все время говорим, что мы чуть ли не экономический карлик и ядерный гигант — это неправда! Мы входим в десятку ведущих держав мира, мы опережаем по ВВП такие крупные и серьезные страны, как Мексика, Бразилия, Индия, Южная Корея. Поэтому есть с одной стороны основа, с другой стороны замахиваться на первую роль абсолютно нереально. Мне кажется, что само наше бытие накладывает ограничение на эти амбиции. Но вместе с тем, если мы скажем себе, что амбиций не должно быть, в духе «синдрома 90-х», и мы должны согласиться с какой-то заведомо подчиненной ролью, это для нации очень вредная постановка вопроса, естественная, снижающая потенциал страны.

МАКСИМ ШЕВЧЕНКО

— Пожалуйста, Игорь Николаевич Панарин.



ИГОРЬ ПАНАРИН,

политолог

— Я уложусь. Мне легче — я бы поддержал Леонида Полякова в его оценке, только, может быть, добавил бы, что мы пока к лидерству в полной мере не готовы. Ну а обращаюсь я к Максиму, к его началу. С моей точки зрения, он абсолютно точно определил тему нашего обсуждения: что сегодня переломный момент, и ситуация напоминает конец 1980-х годов, только впереди у нас не распад Советского Союза, а распад Соединенных Штатов Америки. С моей точки зрения, все, что говорил Алексей Пушков об изменении стиля администрации США, объясняется только одним — их резким ослаблением. А по сути — продолжаются те же их попытки использовать Россию в качестве лошади и так далее, на что мы никогда не пойдем. Наоборот, мы должны четко понимать, что Соединенные Штаты Америки движутся к распаду, если не к окончательному — то, по крайней мере, к колоссальному ослаблению. Я бы предложил изменить те приоритеты, которые поставлены Максимом: на первом месте США, на втором — Китай, на третьем — ЕЭС. Я бы на первое место все-таки поставил Китай, затем Европейский Союз, и затем — Соединенные Штаты. США пытались реализовать так называемую «новую двойку», Соединенные Штаты и Китай, с моей точки зрения, благодаря взвешенной и целеустремленной политике, которая, как Максим подтвердил, в результате визита Путина в Пекин укрепились, складывается стратегический союз между Россией и Китаем. Это для нас гораздо более выгодно. С моей точки зрения, в США существуют две группы сил, я бы их назвал глобалисты и государственники. Двое лидера глобалистов ушли, Кондолиза Райс и Дик Чейни, а лидерами государственников, с моей точки зрения, являются министр обороны Гейтс и зам. госсекретаря Уильям Бернс, бывший посол в России. Между ними идет жесточайшая борьба, которая разыгралась в двух последних событиях — самоубийство 15 сентября управляющего финансовыми фондами Рокфеллера, и затем знаменитая статья 6 октября в «Индепендент», которая имела развитие в заявлении господина Дворковича о том, что Россия так же готова продавать нефть за рубли. И в этом смысле, мне кажется, наш статус страны-лидера может заключаться в том, что мы должны формировать Евразийский союз — это, скажем так, не СССР, а Европейский союз, базовые принципы,

ну и предлагаю во главе его государя Путина, и завершить эту модель к 2012-ому. Первый шаг — это создание таможенного союза к 1 января 2010 года, а затем уже позиционирование рубля как региональной валюты. Второй важнейший аспект, который я хотел осветить. Алексей говорил о том, что США якобы сменили приоритеты, что есть что-то в наших отношениях — ничего нет. Мы, к сожалению, давно платим Соединенным Штатам огромные дивиденды, храня наши резервы в американских банках. И за это они вообще должны кардинально изменить свою политику. С моей точки зрения, Обама все больше превращается в Горбачева, особенно после вручения Нобелевской премии, которая абсолютно незаслуженна, и никаких результатов внешнеполитической деятельности нет. Особенно характерно, что эта премия была вручена на фоне колоссальных террористических актов в Пакистане, Афганистане, Ираке, поэтому говорить о какой-то миротворческой деятельности — смешно. Соединенные Штаты идут к упадку, если не к распаду, и Россия должна этим воспользоваться. Причем совершить рывок в Латинскую Америку, где нас ждут — ждут в Бразилии, в Аргентине, а не только на Кубе и в Венесуэле. И в этом смысле мне нравится модель Леонида Полякова, в том плане, что мы должны амбициозность и реальность взвесить, мы (здесь я согласен с Пушкиным) категорически не должны идти на соглашения с США по ядерным вооружениям на невыгодных для нас условиях, и в этом смысле нам действительно необходимо выстраивать некую новую модель России инновационной, духовной. Мы должны идти на стратегический союз с Китаем, и я бы выделил в Европе три ключевые страны, которые для нас очень важны: это Германия, на втором месте Италия и на третьем — Испания. К сожалению, Франция Саркози — это не Франция де Голля, и в этом смысле французский внешнеполитический курс кардинально меняется. И последнее. Мне кажется, что в российской политике произошел коренной перелом в августе 2008 года: Россия стала субъектом международной геополитики, затем признала Южную Осетию и Абхазию в качестве независимых государств. Поэтому важнейший компонент, касаясь Ирана — нужно понимать, что попытка американских глобалистов во главе с Кондолизой Райс и Диком Чейни превратить первый этап операции на Кавказе в войну против Ирана — не удалась. Но она не удалась во многом по той причине, что американские государственники, по сути, стали союзниками России. И в этом смысле надо видеть, что в США есть силы, которые заинтересованы в сильной России, и с этими силами нам нужно идти на контакт. Завершаю я на оптимистичной ноте — мне кажется, Россия должна использовать представившиеся ей возможности, учесть опыт распада Советского Союза, и использовать, с моей точки зрения — глобальное, ослабление Соединенных Штатов Америки. Напомню, что прогнозируют в конце ноября крах доллара, а в июле 2010 года — возможность распада США на 6 частей. Мы должны использовать это для усиления своего влияния и постепенно стремиться к стране-лидеру, но пока находиться на 2 уровне по классификации Леонида Полякова.

МАКСИМ ШЕВЧЕНКО

— На самом деле, во всех выступлениях мы касаемся изменения внятного — в американской ли политике, или какой-то группы, которая борется за лидерство в американской политике относительно концепции глобально мира. На протяжении десятилетий мы слышали, что демократия существует только одного типа — та, которая зафиксирована отцами-основателями, которая зафиксирована в Конституции США, которая на протяжении всего этого времени поддерживалась надписью на долларе «In God We Trust» и прочее. И никто в этом не сомневал-



ся — все остальные демократии казались какими-то девиациями или какими-то недоразвитыми демократиями, несмотря на их хартии вольности, несмотря на их собственные Бастилии и так далее.

Но вот из уст первых лиц США (я подчеркиваю это) звучат слова, которые повергают в шок — я просто представляю себе, какая истерика происходит в Техасе и в фундаменталистских американских кругах — что, оказывается, есть не только демократия, сформулированная Адамсом, Франклином, Джексоном и другими прекрасными людьми (говорю это без тени иронии), которые хотели счастья стране, которую они когда-то привели в мир. Оказывается, есть еще какие-то другие демократии — я представляю, как держится за сердце при этих словах МакКейн или Бьюкенен, у которого, кстати, позиция более диалектическая в этом вопросе. Оказывается, есть демократия, которая выстраивается из каких-то таких традиционных исторических путей развития разных народов, что есть разные демократии — об этом говорит Обама, об этом говорит Хиллари, об этом заявляют те, борются сегодня, на мой взгляд, за право формировать американскую политику. И эта борьба очень тяжелая, мы видим, какую ненависть это вызывает в самой Америке. В Техасе, напомню, летом один из кандидатов на выборах подчеркнул (он не сказал, потому что это государственное преступление в США — заявить, что какой-то штат может выйти из состава Соединенных Штатов Америки, это преступление карается смертью по федеральным законам — попытка развалить Соединенные Штаты): что «некоторые полагают (!), что если эта политика будет продолжаться, то Техас может выйти». Мы, конечно, осуждаем этих людей, но вот «некоторые полагают». Это была беспрецедентная вещь, которую отметили многие. Я не знаю, как это комментировалось внутри США — чуть позже, возможно, нам об этом расскажет Майкл Бом, который здесь присутствует. Но вот этот переход американ-

цев к видению суверенных демократий, по крайней мере, какой-то части – что это, проявление слабости? Или новая попытка нахождения точек силы, партнерских отношений? Понятно, что это какой-то формат борьбы внутри американской элиты, глубокого идеологического кризиса. Суверенная демократия здесь и сейчас в отношении с Россией; речь Обамы в Каире, которая была не просто новая, а революционная, которая нанесла удар по всему предыдущему миру, выстраиваемому Генри Киссинджером и его последователями на Ближнем Востоке – удар просто наотмашь, разбивающий вдребезги.



Андрей Юрьевич Воробьев, один из руководителей партии «Единая Россия». Андрей Юрьевич, у меня к Вам вопрос. Вы являетесь представителем партии большинства, которая контролирует законодательные собрания не только на федеральном уровне, но и на региональном, и даже на местном, как мы теперь увидели – то есть контролирует практически все, что так или иначе связано с законодательной деятельностью в стране, с публичной дискуссией на уровне принятия решений. Ваше виденье как одного из политических руководителей партии тех проблем и угроз, которые мы обсуждаем? И в частности, если можно – так как у вас есть большие дискуссии и с политическими коллегами из США, и с другими представителями политических партий Европы и мира, я думаю – вот это американское виденье того, что в мире есть что-то, кроме американской демократии, насколько это реально, насколько значимо, и что это значит для партии и для вас?

АНДРЕЙ ВОРОБЬЕВ,

руководитель ЦИК партии «Единая Россия»

— Спасибо, Максим. Спасибо за поздравления, которые, как я понимаю, косвенно прозвучали по итогам осенних выборов. Это действительно крайне важно – мы считаем, что от муниципального уровня и до федерального политическая сила должна активно бороться за формирование власти.

Разговор, однако, сегодня на более глобальные и не менее важные темы – о месте России в глобальном мире. Хочу сказать очевидную вещь – как известно, уставная деятельность политических организаций на территории других стран запрещена. Вместе с тем мы имеем право и активно участвуем в налаживании диалога со странами, которые здесь сегодня активно обсуждаются, о чьей роли здесь сегодня активно говорится. Если, как Вы, Максим, попросили, расставлять

приоритеты в части интенсивности нашего сотрудничества, то, конечно, на первом месте у нас сегодня сотрудничество с Китаем, европейскими политическими партиями. Но есть и четвертый, очень важный пункт – это страны СНГ. Надо очень ценить наши добрососедские отношения, и здесь наше сотрудничество так же крайне востребовано.

Конечно, наши парламентарии, участвуя в различных форумах и конференциях, продвигают и озвучивают нашу идеологию. Часть идеологии партии большинства – это идеология суверенной демократии, которая еще несколько лет назад жестко отторгалась и вызывала резкую и бурную критику. Однако нам приятно заметить, что и во время визита Барака Обамы, и визита, который проходит сейчас, госсекретаря, – по сути, признание многополярного мира, признание национального пути с учетом традиций и ценностей, сегодня является очевидным. Может быть, это признание как раз и послужило вручению премии Мира Бараку Обаме. Ведь сегодня, я согласен с Игорем Николаевичем, больше риторики, нежели действий. Разве американские войска уже ушли из Ирака или Афганистана? Действия заключаются в одном – то, что Америка отказалась от размещения ракет у наших границ. Это, безусловно, заслуживает оценки. Так вот, хочу еще раз заметить, что та существенная, ключевая часть нашей идеологии, программы, которая базируется на концепциях суверенной демократии, сегодня востребована и воспринимается. В этой связи есть все основания полагать, что у нас есть хорошие перспективы для будущего диалога со всеми теми странами, о которых здесь сегодня идет речь. Спасибо.



МАКСИМ ШЕВЧЕНКО

— Спасибо, Андрей Юрьевич. Я просил бы сегодня всех участников, несмотря на то, что все люди занятые и у всех есть дела, не уходить по возможности до конца, чтобы стол не оставался пустым, и чтобы, поверьте, нет у меня людей, которым я бы хотел дать слово в начале, а другим – в конце. Я хочу, чтобы все выступили, потому что я, как ведущий, веду некий контрапункт. Мы же не впервые ведь с вами встретились, и я примерно представляю вашу позицию – по мере возможности, еще раз прошу, чтобы мы все обменялись мнениями, чтобы это было сочетание войн, энергий и интеллекта, которое сложилось бы за этим столом. Борис Вадимович Межуев, прошу. Заместитель главного редактора научного журнала «Политические исследования».



БОРИС МЕЖУЕВ

заместитель главного редактора научного журнала
«Политические исследования»

— Спасибо. Я действительно попросил слова в начале, потому что существует необходимость по рабочим делам отлучиться... Я хотел бы начать с того, чем завершил свое выступление Алексей Константинович – о том, что администрация Обамы действительно представляет собой некое радикальное стилистическое отличие от того, что представляла администрация Буша. И это действительно во многом стимулирует Россию развивать совершенно иные отношения с этой администрацией, чем те, которые были в последние годы правления Буша-младшего.

Вместе с тем существует и другая сторона проблемы.

Она заключается в том, что, рано или поздно, эта администрация будет сменена другой. Более того, существует некоторая (а может, даже и большая) вероятность того, что конец правления Обамы не будет триумфальным. Несмотря на то, что сегодня почти все американские агентства передали сообщения о том, что кризис отступает, что рецессия в Америке кончилась (по сведениям 80% американских экономических экспертов) – и эти сведения о конце кризиса, естественно, будут работать на Обаму. Но, я думаю, все люди, которые интересуются американской политикой, видят, что на протяжении этих девяти месяцев правления Обамы у него все больше увеличивается количество врагов, и все более уменьшается число друзей. Причем не только в Америке, но и во всем мире. Это совершенно парадоксальная ситуация: при том, что главный посыл Обамы заключался в том, чтобы привлечь к Америке больше друзей, использовать по-максимуму американскую мягкую силу, одним из результатов его деятельности является все большее усиление враждебности – именно к Обаме, не к Соединенным Штатам, как таковым, а конкретно к этому человеку со стороны все большего числа мировых игроков. Можно даже их перечислить.

Начнем с внутриамериканской ситуации: резкая, невиданная мобилизация консервативного республиканского элемента. Причем не только в элитарных, но и в массовых кругах, Обама воспринимается чуть ли не как социалист, как человек, решившийся на полусоциалистические меры, прежде всего – в области реформы медицинского страхования. С другой стороны, демократический лагерь явно расколот. Можно долго обсуждать структуру этого раскола, но видно одно: существуют нео-либералы, которые более-менее ассоциируются с

кланом Клинтона, и существуют некие старо-либералы. И те, и другие одинаково раздражены Обамой, что он не полностью с ними. Поскольку у нео-либералов есть свои лидеры, и Обама таковым не является (Хиллари Клинтон, в частности), а старо-либералы чувствуют, что не получили достаточно места в администрации США с приходом Обамы, и, соответственно, все больше публицистов этого лагеря испытывают явное раздражение по поводу его политики. Левые и в Америке, и во всем мире все больше раздражаются против Обамы, в первую очередь за то, что Обама перехватил их лозунги и тем самым фактически обнулил их политические возможности. За пределами Соединенных Штатов – Восточная Европа, которая на самом деле просто озлоблена на Обаму. Я был в Польше несколько месяцев назад, и, честно говоря, фамилия Путин вызывает там гораздо меньше раздражения, чем фамилия Обама. Обама – это просто исчадие ада, в отличие от Путина. И то же самое практически мы видим во всей Восточной Европе, в наибольшей степени, может быть, в тех странах, которые еще не являются членами Европейского союза, но претендуют ими стать.

Чем США значительно отличалось от того же Советского Союза? В США огромно влияние тех сил, которые взаимодействуют с друзьями Америки, вот эти восточно-европейское лобби, израильское лобби... Друзья Америки имеют большой политический вес во внутренней политике Соединенных Штатов. В СССР, к сожалению, было наоборот, больший вес имели те, кто взаимодействовал с врагами Советского Союза, отсюда многие интересные события, касающиеся эволюции политического режима. Эти друзья Америки, которые, естественно, чувствуют себя отвергнутыми – они, конечно, имеют большое влияние на события в США. И многие силы, которые по отношению к Обаме негативно настроены, точно так же себя ведут.

Что делать в этой ситуации России? С одной стороны, я абсолютно согласен с тем, что Обама – это серьезно, это максимально то хорошее, что мы можем ожидать от Соединенных Штатов в ближайшее столетие. С другой стороны, какая-то печать обреченности действительно присутствует над его правлением. И в этой ситуации Россия должна максимально использовать весь символический потенциал для поддержки Обамы, максимально символически поддерживать его и его политику и, с другой стороны, делать минимальное количество реальных политических уступок, понимая, что этими уступками воспользуется не Обама, а тот человек, который придет ему на смену и который будет для России, конечно, гораздо хуже, чем Обама.

МАКСИМ ШЕВЧЕНКО

— Спасибо, Борис Вадимович. Мы так сужаем американскую проблематику. Это не случайно, что даже те темы, которые я задал, тот дискуссионный ряд, является и формальным выражением неких приоритетов в политике. Китай или Америка, или Европа? Европу мы даже не обсуждаем, потому что она, судя по всему, настолько неинтересна, даже не вторична, а третична в своих политических аспектах по сравнению с США и Китаем, что я недаром поставил ее на третье место. С этим мало кто спорил. Хотя, на мой взгляд, это не так, в Европе происхо-

дят очень глубокие и серьезные процессы, но, наверное, это будет темой другого круглого стола. А сейчас я бы попросил Александра Гельевича Дугина поднять несколько градус нашей дискуссии. А то у нас академизм американистики, поэтому вернемся в глобальный мир, и еще раз попросил бы Вас дать оценку праву на суверенную демократию, которым американцы сейчас надеются мир, которым наделяют Россию. Это фундаментальная вещь!



АЛЕКСАНДР ДУГИН

лидер Международного Евразийского движения

— Благодарю Вас. Первое, что я хотел бы сказать: на мой взгляд, для того чтобы говорить об амбициях суверенной России, нам надо провести очень важную операцию, которая сама идет естественным образом, но я хотел бы обратить на это внимание. Это академическая институализация внешнеполитических исследований, у нас слишком часто все сводится к сиюминутной прагматике, надо мыслить Россию в историческом контексте в связи с гуманитарными, философскими, филологическими моментами. У нас это придаток экономики — внешняя политика, а на самом деле внешняя политика — это квинтэссенция именно духовного мировоззрения, в первую очередь, ресурсы в этом отношении вторичны, нежели амбиции. Это надо помнить. Ресурсы важны, но амбиции первичны. Всегда любое даже предпринимательство основано на том, что у кого-то есть амбиции и он подтягивает под это ресурсы, кто-то удачно, кто-то — нет, но амбиции первичны. Теперь второй момент, я хотел бы обратить внимание, что у нас в этом отношении существует еще один неприятный штамп — это вера в прогресс.

На самом деле, прогресс — это социологическая гипотеза, которая доминировала в научном подходе в XVIII–XIX веках, у нас она задержалась еще почти на столетие, но большинство социологов XX века в прогресс не верят, большинство ученых-гуманитариев (обращаю внимание на прекрасную работу польского социолога Петра Штомпка) перешли от концепции прогресса к концепции кризиса. Я думаю, что надо заканчивать с мультипликационным сознанием прогресса, надо воспринимать мир как очень агрессивное поле борьбы. Борьбы жесткой, борьбы, возможно, ни к чему позитивному не направленной, но именно борьбы. Это конфликтологическое сознание мне кажется очень полезным, чтобы воспринимать те процессы, которые происходят в современном мире, в том числе и тот кризис, как некую нор-

му. В кризисе мы живем, по крайней мере, сто лет, а последние десятилетия мы мыслим в кризисе. Теперь еще один очень важный момент — это понятие «горизонта», которое ввел Гусар в терминологию. Для того, чтобы утвердить амбиции суверенной России в глобальном мире, нам надо очертить горизонты.

Я бы хотел два слова об этих горизонтах сказать. Во-первых, я думаю, в отличие от многих, слишком поспешно сделавших выводы экспертов, не снята проблема «однополярный мир против многополярного мира». Америка даже при Обаме не отказалась от мирового лидерства, а после Обамы она, скорее всего, и вернется к своей стратегии. В этом отношении проблема однополярности сохраняется. Для того чтобы она была снята с повестки дня и мы бы перешли к многополярному миру, надо по-настоящему, качественно, фундаментально ослабить США. Либо по внутренним причинам это произойдет, либо по внешним, но пока этого не произошло, нельзя принимать желаемое за действительное. Следовательно, многополярность является нашим горизонтом, многополярность — не данность, но задание. Хорошо, если она наступит сама по себе, как наступает осень или весна, но мне что-то подсказывает, что этого не произойдет, поскольку историю делают люди. У Америки есть свои амбиции, в которых суверенной России существовать по большому счету не должно. И не смотря на то, что это все труднее и труднее Америке осуществить, с повестки дня этой идеи однополярного мира никто не снимал. В этом отношении я считаю, что предостережение у Пушкина очень своевременное.

Это не значит, что не надо использовать все открывающиеся возможности, но нужно помнить, что многополярный мир нам не подарят, за многополярный мир надо биться, его надо строить, это не данность, а задание. Второе. Если рассматривать ситуацию в России, в международной политике ориентированную на многополярный мир, вторым надо не забывать, причем не путать, что мы его уже достигли — мы его не достигли. Америка — до сих пор глобальный лидер, а мы, в лучшем случае, страна второго эшелона, и никто не снимал, как правильно сказал господин Пушкин, стратегических проблем доктрины Вулфовица 1992 года, подтвержденных в доктрине Клинтона 1996 года. Обама ее, естественно, пересматривать не может. А для нас она неприемлемо: мы должны распоряжаться своей собственной судьбой как великая страна. В этом смысле мы обречены на битву за лидерство, обречены! Хитро, может, где-то отступив, против этого я не возражаю, от практических и прагматических рекомендаций Полякова, но лидерство должно быть нашей главной, фундаментальной целью. Но это возможно в рамках многополярного мира. Что уж точно — мы не способны быть единственным лидером, соответственно нам остается только одна многополярность.

Следующая тема. Нам необходимо очертить реальные границы того, на что мы претендуем, границы нашей цивилизации. Явно, что границы РФ слишком малы для той зоны влияния, которая сделает Россию по-настоящему полюсом многополярного мира. Мы должны в качестве горизонта точно очертить и показать теоретические границы нашей цивилизации. Мы, безусловно, претендуем, что в зоне этой цивилизации, не обязательно в

качестве вступления в наше государство, была южная и восточная часть Украины, мы, безусловно, должны обеспечить себе контроль над Южным Кавказом, а не только Северным. Безусловно, мы должны присутствовать в Центральной Азии и контролировать Дальний Восток до Монголии. На мой взгляд, это как раз очень хорошие амбиции, которые являются ключом для тех граничных условий, в рамках которых следует суверенной России осуществлять свои отношения с Америкой. Из этого вытекает несколько логических выводов, совсем простых. В основном я согласен с теми экспертами, кто выступал уже до меня. Конечно, на Джордже Буше ездить невозможно, но мне кажется, что на Обаме тоже, поэтому это ставит ограничение. Я согласен, что его надо поддерживать, если он пойдет по пути Горбачева — это замечательно, надо подталкивать его, всяческим образом поощрять в этом отношении.

Это нам на руку, но я что-то сомневаюсь, что даже на Обаме ездить можно, потому что Обама, во-первых, сын белой американки, а во-вторых, его папа — кениец, свободный человек, то есть он сын свободных людей, боюсь, что мы на нем далеко не уедем. Тем не менее, надо его полностью поддерживать и всячески идти ему навстречу. Что касается Европы, она и в нашей дискуссии, и в общей политике действительно отходит на второй план, она не способна проводить консолидированную политику. Между новой и старой Европой складывается все больше и больше противоречий. Восточная, новая, проамериканская Европа растеряна в связи с Обамой, но нам надо тоже что-то ей предложить, нужен какой-то европейский проект, соответствующий нашим амбициям. Что касается Китая, об этом мало сегодня говорили, я считаю, что это прорывный визит Путина, это очень серьезная перспектива, потому что в интересах построения однополярного мира Америкой необходимо наше столкновение, конфликт с Китаем. Если мы вывернемся из этого конфликта, если мы, наоборот, выстроим с Китаем в наших интересах геополитическое партнерство, то создадим очень серьезные предпосылки для создания полноценной многополярности и защитим наши национальные интересы.

Последнее — армяно-турецкие отношения. Я не согласен, что открыть границу между Турцией и Арменией — это в наших интересах, я считаю, что это чисто американская стратегия. Я слежу очень внимательно за политикой в Турции и вижу, что сами турки, сами национальные силы, которые действительно хотят играть региональную роль, в этом Максим совершенно прав, на самом деле выступают против этого. Само национальное турецкое мнение рассматривает перспективу открытия границ как удар по национальным интересам Турции. Многие армянские патриоты рассматривают это тоже как предательство своих позиций. В этом отношении мне представляется, что задача этой операции — отнюдь не абстрактное миротворчество, а стремление выдавить Россию из Армении и подорвать нашу стратегическую ситуацию, которая сегодня нас более-менее устраивает, статус-кво на всем Южном Кавказе, в том числе приступить к размораживанию Карабахского конфликта уже по американскому сценарию. В этом отношении я бы рассматривал это как частное антироссийское направление в этой зоне.

И наконец, хочу еще раз призвать всех нас работать в сфере фундаментальных философских, исторических, культурных ценностей, привлекая их для международного анализа. Все больше и больше обращаю внимание на то, что без этой составляющей наше ядерное оружие и наш энергетический потенциал будет ничто. В России главная миссия, вокруг нее мы должны концентрироваться.

МАКСИМ ШЕВЧЕНКО

— Спасибо. Пожалуйста, Дмитрий Олегович Бабич.



ДМИТРИЙ БАБИЧ

обозреватель журнала «Russian Profile»

— Я хотел бы продолжить ту линию, которую затронули Леонид Поляков и Игорь Панарин в своих выступлениях, в какой-то степени Александр Гельевич. Место России и возможность ее в этом мире действовать. Я думаю, что мы все согласны в том, что в одиночку действовать невозможно, нужно действовать вместе, в каком-то конгломерате. Здесь я согласен с Александром Гельевичем, тут необходима идеологическая составляющая. Если говорить о главном дефиците российской внешней политики — это отсутствие идеологии. Хорошо, что есть понятие «суверенная демократия». Суверенная демократия, так же как и свобода вероисповедания, не является религией сама по себе, это свобода для всех, свобода быть другими, свобода быть такими, какими вы хотите, но это еще пока не ценность. Другими — какими? Как мы видим будущее СНГ, как мы видим будущее Европы, как мы видим будущее мира?

Это пока не сформулировано. Сформулировать это в своем выступлении я, конечно, не берусь. Игорь Панарин говорит: «Государь Путин, рубль как общая валюта». Я думаю, что эта идеология должна базироваться не на личностях, даже самых авторитетных, а на каких-то ценностях, на каких-то идеях. В этом плане можно брать пример с США, у которых во все времена во внешней политике были не только интересы, но и идеология. Обязательно! Это дорогая вещь, она обходится в определенные средства, но это та роскошь, без которой нельзя проводить существенную внешнюю политику. Поэтому нам необходимо срочно сформулировать какую-то идеологию. Правая она будет или левая — я пока не знаю. Продолжая эту мысль, хотел бы сказать о нескольких мифах, которые мешают нам действительно развивать отношения и формировать те сообщества, которые у нас могут быть.

Первое. Тут мало говорилось о Китае, первый миф – это китайская миграция и вообще китайский захват Сибири. Когда в прессе возникают эти цифры – два миллиона китайских мигрантов, я рекомендую просто посмотреть статистику, у нас в Сибири в азиатской части России живет десять миллионов человек. Если бы у нас было два миллиона китайских мигрантов, то каждый третий человек, которого бы вы встретили на улицах Владивостока или Хабаровска, был бы китайцем. Этого нет, поэтому это вранье, подкидываемое, как все прекрасно знают, из США, которые очень много делают, чтобы Россия не сближалась с Китаем. В то же время нужно признать, что китайцы покупают бизнес на Дальнем Востоке, китайцы действительно хотят использовать Россию как сырьевую базу. К этому надо относиться без истерик, надо бороться с коррупцией, которая является основной причиной такого неэквивалентного обмена между Россией и Китаем. Но абсолютно утопична мысль, что мы в Китай как в 1950-е годы, будем ввозить готовые товары.

Это даже не связано с качеством. Китаю сейчас готовые товары не нужны, Китаю необходимо трудоустраивать каждый год 20-30 миллионов человек, ему нужны технологии, средства производства, а не готовые товары. Из этого надо исходить, на этом строить нашу политику с Китаем. Второй миф – это наследие козыревского периода, который почему-то сохраняется: НАТО – это опасность, а Евросоюз – это прекрасно, чем больше стран в него вступят, тем лучше, нам от этого будет только лучше. На самом деле, если мы посмотрим на наши отношения с Европой, особенно в последние годы, с НАТО у нас отношения лучше, чем с более молодыми европейскими странами, особенно с Европарламентом и с другими. Сейчас руководители НАТО хоть что-то говорят о сотрудничестве с Россией, я не могу представить себе, чтобы кто-то из Европарламента это заявлял. Мне кажется, это объясняется тем, что Россия с середины XX века – главный консерватор в Европе, мы в Европе пытались сохранить статус-кво, те завоевания, которые мы получили в 45-м году. А европейские структуры, которые постарше, – консерваторы, а которые помоложе – революционеры, и с ними у нас, я думаю, хороших отношений не будет. В этом плане должна быть абсолютно другая, более активная политика на европейском направлении, мы должны препятствовать этой европейской конституции, бороться с этим Лиссабонским договором всеми возможными силами. Если сейчас новый Европейский совет возглавит Тони Блэр, легко себе представить, как будут складываться отношения России с этой самой новой Европой.

Третий миф, мне кажется, что он касается СНГ. Мы в течение уже многих лет проводим в СНГ следующую политику: не поддерживаем оппозицию в разных странах, мы поддерживаем те власти, которые есть, если они к нам хорошо настроены, и мы их ругаем, если они к нам плохо настроены. Это абсолютно проигрышная политика, которая свидетельствует как раз об отсутствии у нас идеологии, потому что США в той же Грузии финансируют и власть, и оппозицию. Это позволяет надеяться на более гибкое развитие событий, позволяет строить отношения. Почему это происходит? Я думаю, это связано еще и с некоторой негибкостью нашей политической си-

стемы. Мы считаем, что если мы будем поддерживать оппозицию в странах СНГ, в какой-то момент кто-то будет поддерживать оппозицию и у нас. Но мне кажется, что этого бояться не надо. Если Ющенко поддержит в России Немцова, я боюсь, что Немцову от этого будет только хуже. Это немножко перекидывает нас к вопросу о том, как поддерживать Обаму. Я думаю, что Обаму, может, и стоит поддерживать, но не в коем случае не на словах. Если наше руководство будет хвалить Обаму, это принесет ему только вред, а не пользу, к сожалению, учитывая ту репутацию, которая у нас есть в западном мире. Для Максима тут подошла бы такая аналогия: я думаю, те поздравления, которые наш патриарх получил из Ватикана в связи с его избранием, не усилили его позиции, а наоборот, ему помешали. Таким же образом наши похвалы в адрес Обамы должны быть именно такими, как сейчас, – сдержанными, а поддержка его должна быть в реальной политике.

МАКСИМ ШЕВЧЕНКО

— Мы должны его ласково журить? Это имеется в виду?

ДМИТРИЙ БАБИЧ

— Быстренько скажу только, что мне кажется, основная проблема, я возвращаю себя к началу своего выступления, – это все-таки формулировка идеологии. Это как бы та скрепа, которая скрепляет внешнюю политику. Без идеологии, на одних только интересах, мы далеко не уедем. То, что было в последние годы правления Буша, – это парадоксальная ситуация. Впервые в нашей истории, американцы были как бы идеологами, и Пэт Бьюкенен правильно сравнивал Буша с коминтерновскими большевиками 1920-х годов, а с нашей стороны были чистые деньги, чистые интересы. Ситуация достаточно абсурдная и не очень выигрышная для нас, потому что тот, у кого есть идеология, рано или поздно всегда выигрывает. Спасибо.

МАКСИМ ШЕВЧЕНКО

— Спасибо, Дмитрий Олегович. Андрей Станиславович Добров, пожалуйста.

АНДРЕЙ ДОБРОВ

заместитель руководителя Политического департамента ЦИК партии «Единая Россия»

— Я, с вашего разрешения, буду говорить о непопулярном, скучном, гадком и т.д. Мы сейчас здесь рассуждаем о будущем, о том, какое место мы должны занимать – это все правильно, это все важно, но мы забываем об одном тревожном факте. У меня ощущение, что мы стоим на дороге, которая уходит в совершенно плотный туман, будущее от нас скрыто и то количество комментаторов, которые трактуют то так, то сяк, то Америка распадется к декабрю, нет – она будет продолжать жить и т.д. Вам это ничего не напоминает из последней нашей практики из жизни? Мне это напоминает рассуждения экономистов про кризис. Мы все рассуждаем про кризис, и никто не знает, чем это закончится, никому не известно, что там происходит. Люди всю жизнь занимаются финансами, продают деньги, знают много слов, имеют ученые степени – и по большому счету находятся в не-известности. У меня ощущение, что мы стоим перед та-



ким же международным кризисом, пока аккуратно скажу, не буду уточнять, я не люблю произносить слово на букву «в», но уже пахнет, есть такое ощущение.

Максим Шевченко

— А что за слово на букву «в»? Тут все сразу заинтересовались.

Андрей Добров

— Я слово «война» не люблю, все говорят, что такого не бывает никогда, не хочу его произносить, конечно. Тем не менее, нужно всегда думать о том, что, не дай Бог, не приведет ли нынешняя ситуация к чему-то более острому, чем мы сейчас имеем. Если мы не могли предсказать финансовый кризис, то когда мы говорим, что ничего такого не будет, меня это тоже не убеждает. Да, Обама — это прекрасно, но почему Обама был так хорошо принят? Он немножко расслабил эту напряженную ситуацию, но вопросы-то все остались. Остались вопросы причин — последствий кризиса, вопрос стран-изгоев — распространения ядерного оружия, вопросы территориальные — Абхазии, Южной Осетии и т.д. Энергетический вопрос остался, никуда это не ушло, поэтому Обама является скорее психотерапией. Второе — мы стоим на дороге, которая ведет в абсолютный туман, мы понимаем, что даже гиганты тоже совершают ошибки и могут пойти не туда.

Мы видим, как такая огромная страна, как США, постоянно совершает ошибки, причем ошибки элементарные, в Ираке, в Афганистане и т.д. Мы пытаемся объяснить это хитрыми ходами, а я думаю, причина в том, что у них, как и у нас — у них меньше, у нас больше — нарушена связь между наукой и политикой, о чем говорил Александр Гельевич, между серьезными учеными и людьми, которые принимают решения. Иногда политика даже не обращает внимание на выводы ученых. У нас вообще в этом отношении огромная проблема. Она заключается в том, что наша наука была разрушена в 1990-е годы, это общие слова, но, к сожалению, это правда. Мы говорим о том, что нам нужна умная политика, мы говорим о том, что продвигать идеи, вырабатывать новые критерии (мы помним выступление президента в Ярославле) оценки государств, а кто будет эти критерии

вырабатывать? Мы с вами поможем. Конечно, чем можем, но для реальной выработки критериев, которые будут отвечать условиям постоянно изменяющегося мира, мира, который пока не видим, все-таки должна помогать большая система. По большому счету, нам надо было бы срочно восстановить нашу научную систему, систему институтов, занимающихся страноведением, восстановить ее связь с политикой. Нужно, чтобы была не только Общественная палата, которая действует с точки зрения общественности, но чтобы была и научная экспертиза шагов нашей международной политики. Чтобы были люди, которые собирались, но не 20, не 30 человек, а тысячи. И пусть из них 150 специалистов говорили: «Не ходи туда, потому что если ты туда пойдешь — кранты, через 10 лет там все взорвется!»

Максим, Вы спрашиваете насчет суверенной демократии, почему вдруг Обама начал говорить про суверенную демократию. Я думаю, что он одного только Фукуяму читает. Кого читает Фукуяма — это другой вопрос. А потом Фукуяма сам пишет: «Да нет, облажался я с концом истории, оказывается, что у каждого народа есть своя культура. И демократии развиваются еще благодаря и внутренним культурам». Обама выходит на трибуну и говорит, что у каждой страны своя культура, демократии бывают разные, не только американская. С кем ведет диалог Фукуяма — это, конечно, другой вопрос, этого мы не знаем. Я заканчиваю свое выступление таким довольно непопулярным лозунгом: давайте восстановим науку, хотя бы дадим ей знак, что мы ее восстановим. Скажем так: «Да, ребята, сейчас у нас денег нет в бюджете для вас, но через два года мы обязательно будем развивать международную науку и обязательно будем ею пользоваться, как инструментом». Иначе — ошибки, иначе через 10 лет мир взорвется. Спасибо.

Майкл Бом

обозреватель газеты «Moscow Times»

— Спасибо за предложение выступить. Данный вопрос меня очень интересует и волнует, особенно распад США, моей родины, на шесть частей — привет, Игорь, рад Вас видеть. Хотя я знаю, что у Вас благие намерения — но тем не менее.

Когда речь идет об умной российской внешней политике, о доктрине Медведева — есть один вопрос, который меня беспокоит больше всего. Это некая демонизация США и НАТО, которая все еще пропагандируется сегодня. Хотя появился новый президент и новый подход к российско-американским отношениям, но старые привычки остаются. Очень интересно, что Майк МакФост объявил о том, что США больше не будут трогать суверенную российскую демократию, и я думаю, что он правильно сделал, уже хватит читать России мораль, сколько можно? Я думаю, что это как раз одна из составляющих доктрины Обамы. Может быть, доктрина Обамы послужит хорошим примером для доктрины Медведева и поводом для улучшения российско-американских отношений.

Что касается НАТО и США, я бы употребил одну хорошую поговорку — не так страшен черт, как его малюют. И здесь, в России, создают такую страшную и коварную страшилку — мы все слышим, что НАТО приближается к российским границам, чуть ли не сжимает Россию в тис-

ках... Мы все помним высказывания очень высокопоставленных политиков и российских чиновников, вы помните образы: «товарищ, волк знает, кого кушает», «враг у ворот, который хочет оторвать кусок от России пожирнее». И самое неадекватное, самое возмутительное – это сравнение, пусть и завуалированное, с Третьим рейхом. Разумеется, вы не услышите такой провокационной лексики в адрес России. Но это было несколько лет тому назад – надеемся, мы закроем эту главу.

Но есть еще один свежий пример от политика, а именно от президента Медведева. Он сказал это в интервью CNN: что ракеты НАТО сейчас нацелены на Россию. Это абсолютно неправда, и мы все тут знаем, что неправда. Зачем лгать людям, я не понимаю, на пустом месте.

МАКСИМ ШЕВЧЕНКО

— Майкл, а мы знаем, что это не правда? Вы точно знаете, что они не нацелены на Россию?

Майкл Бом

— А где они нацелены на Россию? Я думаю, может быть, Дмитрий Анатольевич оговорился. В 1987 году ему было 20 лет, когда СССР и США подписали договор СНВ, да? Их нет. Я имею в виду ракеты средней и дальней дальности наземного базирования – их нет. Я надеюсь, такое искаженное восприятие Медведевым НАТО не является составляющим элементом доктрины Медведева, которую мы сегодня обсуждаем.

И еще один момент мне очень понравился, это просто перл. Это уже не из политической среды, это фраза одного известного журналиста, которая прозвучала несколько недель назад, про НАТО: «Железный левиафан, который давит все человечество». Вопрос напрашивается, неужели речь шла о НАТО? В каком веке мы живем?! И это только один, самый свежий пример. И такая риторика имеет прямое влияние на общественное мнение, и все опросы общественного мнения подтверждают, что есть рост антиамериканизма в стране, и это вопреки Обаме и его подходу.

С другой стороны, я прекрасно понимаю тяжелое советское наследие, когда сам звук «НАТО» действовал на граждан, как красная тряпка на быка. Я вообще считаю, что надо было поменять само название НАТО, чтобы, во-первых, отчужденность от НАТО изменилась в военном смысле по отношению к России, я подчеркиваю, и во-вторых, чтобы чуть легче было россиянам этот момент воспринимать.

Кстати, мне очень понравилась реплика Максима Маркелова на «Судите сами» неделю тому назад. Он сказал: «Что вы все ругаете НАТО? Они защищают южные границы России». Я не адвокат НАТО, я не работаю в госдепе, я журналист. Но когда я слышу, что вчера НАТО разнесло Югославию на куски, а завтра может напасть на Россию – это уж совсем запредельно! Сравнить маленькую Югославию с мощной и к тому же ядерной Россией, которая и так прекрасно сдерживает НАТО и США от какого-либо нападения...

И последнее, что я хотел сказать – это о концепции национальной безопасности России до 2020 года, которая вышла весной, и, предполагаю, тоже входит в доктрину Медведева. Видно из этого немаловажного документа, что Россия почему-то еще придерживается устаревшего

принципа взаимного ядерного сдерживания, такого ужасного динозавра холодной войны. Якобы США реально могут нанести внезапный ядерный удар первыми по России. Этот динозавр почему-то все еще остается важной составляющей российской политики, если не основой – я думаю, что уже пора это изменить.

У меня еще один тезис есть. Ты, Максим, навел меня на эту мысль, когда недавно сказал на «Эхо», что союзников у России – раз, два и обчелся. Я считаю, что надо создать такую модель лидерства, чтобы другие страны сами пришли в Москву с желанием присоединиться к российским моделям – экономическим, политическим, и к структурам безопасности. Однако пока, как известно, модель, которую Россия предлагает миру, мало привлекательна. Многие страны, которые Россия стремится привлечь, все равно смотрят в другую сторону, на Запад. И этот поворот в сторону Запада происходит вопреки всему, что мы слышим, особенно в России, о глубоком кризисе и даже гибели западной модели. В этой связи есть еще одна подходящая поговорка – насильно мил не будешь. На мой взгляд, внешняя политика России не может быть построена на концепции, озвученной Медведевым – может быть, конечно, просто неудачно озвученной. Я имею в виду сферу привилегированных интересов. Я заметил, что он эту фразу произнес один раз, и потом перестал ее произносить. Это, конечно, немного подходит XIX веку, или, в лучшем случае, шахматной доске времен холодной войны. И в заключении доклада Евросоюза, между прочим, прямо об этом говорится. Хотя многие могут сказать, что этот доклад русофобский – раз критикует Россию, значит, априори русофобский, но я не очень согласен. Многие могут сказать, что это опять пресловутое западное лицемерие, двойной стандарт. США постоянно укрепляют и расширяют сферу своих интересов, Ирак – тому самый яркий и самый ужасный пример. И вместе с тем Запад заявляет России, что вы не имеете права создавать свою сферу привилегированных интересов. Но совершенно ясно, что Обама понимает, что с Россией надо работать тесно, надо учитывать интересы России по максимуму, и без России действовать невозможно.

Мне очень нравятся франко-американские отношения, как образец для российско-американских отношений. Франция – это уважаемая держава, ядерная держава, также бывшая империя. Французы более-менее независимы во внешней политике от США, и хотя они очень часто соглашаются с нами сейчас, но когда не соглашаются – делают это без пафоса, без провокации. Франция удачно работает на взаимовыгодных основах с США, с НАТО, и я думаю, что это достойный пример для будущих российско-американских отношений.

МАКСИМ ШЕВЧЕНКО

— Спасибо. Я хотел бы сразу пояснить, что вот тут Игорь Николаевич сказал про шесть частей. Мы слышим с детства, как американские политологи разного уровня сначала открыто обсуждали распад СССР, потом распад Российской Федерации. Причем не на маргинальном уровне, а на уровне достаточно высоком – советников, сотрудников Госдепа. Все это обсуждалось с привлечением «экспертов» из России. Если это нормально – почему является табу обсуждение возможного гипотетического разрушения политического пространства Соеди-

ненных Штатов Америки? Это тоже федеративное государство, может быть, испытывающее меньшие проблемы, но тем не менее испытывающее. Мне кажется, в этом нет никакой обиды, это нормально – предлагать разного рода гипотетические сценарии.

Майкл Бом

— Я не говорю, что невозможно – для забавы можно, ради бога...

Максим Шевченко

— Ну, раз Бжезинскому можно для забавы делить Россию в своей книге на 5 частей – значит, и нам можно. Так и будем забавляться. А такая русская забава – иногда становится реальностью, как мы знаем. Как и американская, собственно говоря.

Кирилл Танаев

генеральный директор «Фонда эффективной политики»

— Мне очень близка тема, которая звучит в последних выступлениях Александра Гельевича, Дмитрия Бабица, Дмитрия Доброва, которая выводит в качестве ключевой темы российской внешней и внутренней политики проблему роли науки, и я бы даже сказал проблему роли образования. И я свое выступление построю, так или иначе возвращаясь к теме умной политики, к роли идеологии и роли знания в российской внешней политике. Если пользоваться принципом, который предложил Леонид Поляков, а именно вот этих пяти вопросов «А кто мы?», то на вопрос «А кем мы хотим быть?» позиция опытного игрока, позиция лидера означает, что этот лидер умный. И этот лидер знает, что он делает, а опытный игрок – тем более. Вопросы, заданные Максимом о взаимоотношениях с США, показывают, что мы на первый план их выставляем, но все разговоры с Соединенными Штатами идут в рамках американской повестки дня. Американцы задают повестку дня и ставят вопросы о наших отношениях, в то время как у России своей повестки дня в отношении с Америкой, в сущности, нет. И в этом смысле очень характерны отношения с Китаем, прорыв в которых, безусловно, можно и нужно приветствовать. Но, с другой стороны, заметьте, об этом говорил Борис Межуев, который блестяще разобрал особенности дискуссий, которые идут в американском истеблишменте – за этим столом нет человека, который готов так же рассказать о дискуссиях, которые идут в современном Китае, мы не знаем Китай. Согласитесь, число людей, которые способны квалифицированно оценивать ситуацию в Китае, на порядок меньше чем тех, которые так же квалифицированно готовы говорить о ситуации в Америке или Европе. На сегодняшний день наши отношения с Китаем – это отношения слепого с могучим соседом, про которого мы очень мало что понимаем. В отличие от того, что Китай знает о нас – Китай нас изучает, Китай очень внимательно следит за нами. И вот это несоответствие в знаниях друг о друге, с моей точки зрения, в новой ситуации может иметь серьезное значение как экономического характера, так и геополитического.

Здесь я хочу высказать несколько тезисов в отношении постсоветского пространства, они с этим связаны. Первое. На сегодняшний день постсоветское пространство



перестало быть замкнутым и обращенным внутрь, на Россию. На сегодняшний день мы имеем постсоветское пространство, разомкнутое вовне, и сегодня это зона игры значительного количества игроков и реальной многополярности. В первую очередь, это Китай, Турция, Иран, на Западе это Польша, Румыния. И эта ситуация будет только развиваться.

Тезис второй. Проблемы постсоветского пространства, с моей точки зрения, только начинаются. Смена политических поколений, которая случилась на Украине и в Грузии, и результат этой смены, наша неготовность к ней, заставляет с тревогой смотреть на то, как ситуация будет развиваться дальше – прежде всего в Средней Азии. Мы не знаем того, что происходит в Центральной Азии, нам неизвестно, что происходит у наших соседей, мы ими вообще не интересуемся. С моей точки зрения, если пользоваться образным рядом, то мы живем рядом с большой Саяно-Шушенской ГЭС, и когда она рванет, что мы будем делать – мы плохо себе представляем. Это связано с моим третьим тезисом о том, что необходимо изучение и особое внимание к постсоветскому пространству. Мы их настолько не знаем, что, по-моему, следует посылать в Центральную Азию новую миссию Пржевальского. Мы, к сожалению, ограничили себя: вот этот тезис, что мы работаем только с властью и не работаем с оппозицией, привел к тому, что мы и представление об этих странах имеем только то, которое нам навязывают представители власти. Это касается и Закавказья, и Молдавии, и центрально-азиатских стран. Четвертый тезис. Мы можем не ставить постсоветские страны в качестве приоритета внешней политики, но нам придется этим заниматься, хотим мы этого или нет. Здесь, отвечая американскому коллеге по вопросу неудачного, как он считает, тезиса Дмитрия Медведева о зоне привилегированных интересов России, хочу сказать, что эта зона является фактом объективным. Будут проблемы при смене политического режима в Узбекистане или Казахстане, не дай бог – это будут наши проблемы, а не ваши. Вас там не будет, это будет российская проблема, и нам придется ее решать. У нас нет границы с Казахстаном, между Казахстаном и Узбекистаном тоже толком нет границы, начнется неконтролируемая миграция, возникнет масса других проблем, и нам придется их решать. Точно так же, как политика США и Европы в отношении Украины только подстегивала конфронтационную позицию украинских властей, а когда разразился газовый кризис – ни Европа, ни Америка не предоставили Украине кредитов на закупку газа, пред-

ложив решать этот вопрос российской стороне. Про грузинскую историю уж умолчу. Так и получается, что хотим мы или не хотим – нам придется заниматься постсоветским пространством. Как в 60-е годы XIX века не хотели российский МИД и чиновники заниматься Туркестаном, а Кауфман взял Ташкент – и пришлось заниматься. Я думаю, что здесь аналогии вряд ли уместны, но вопрос будет примерно такого же типа.

Тезис пятый. Для активной и позитивной политики на постсоветском пространстве нужна идеология. Безусловно, сегодня мы не являемся привлекательными партнерами и образцом для подражания ни с точки зрения идеи, ни экономики, ни социального устройства. То, что наши бывшие сограждане, которые сейчас живут в других странах, больше смотрят на Запад, скорее свидетельствует о потребительском характере поведения, а не каких-то иных вопросах. Так вот, сегодня умная политика – это, безусловно, политика идеологичная. Коллеги в Киеве недавно говорили мне: «Нужна какая-то общая идея. Ну придумайте полет на Марс! Нам этого не хватает!». Я думаю, что сегодня вопрос ценностей встает во главу угла, и Россия – это та страна, которая может и должна предложить ценности своим соседям. И последний тезис. О научной экспертизе, о роли научного сообщества и о шагах государства в эту сторону. Боюсь, что еще немного – и обращение к науке будет обращением в пустоту. Если вы пойдете по всем крупнейшим институтам, по исследовательским центрам – попробуйте найти там специалистов моложе 40 лет. К сожалению, мы за 20 лет потеряли целое поколение ученых, и сегодня, с моей точки зрения, ситуация является критической, потому что таким образом мы можем потерять те традиции и связи, те мощные школы, которые существовали. Отсюда тезис о том, что принципиальным является взгляд не только на науку, но и на образование. Приоритетной задачей на сегодняшний день является не только и не столько дать слово науке, сколько готовить новые кадры для новой науки.

МАКСИМ ШЕВЧЕНКО

— Полет на Марс – это чисто украинский подход и могу, как Шевченко, сказать ясно – это объединяющая идея, с украинской точки зрения. Пожалуйста, Сергей Ервандович Кургинян.

СЕРГЕЙ КУРГИНЯН

президент международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр»

— Нам тут говорят о том, кем мы тут должны быть: главными, второстепенными, поддерживать баланс или делать еще что-нибудь. Я просто хочу напомнить, что можно быть либо фигурой в чужой игре, либо игроком, ибо создателем правил. Когда вы отказываетесь быть создателем правил, вы соглашаетесь играть по чужим правилам. Когда вы отказываетесь быть игроком – вы становитесь фигурой, вы можете быть большой фигурой или малой фигурой, но фигурой. Вот, выбирайте. Это первое. Второе. Когда говорят об идеологии – это уже пройденный этап. Как говорила бабушка, которую впахивали в автобус: «Интеллигентов, интеллигентов мало», а ей отвечали: «Интеллигентов до фи́га, автобусов мало». Вот идеологии до фи́га – проектов нет, нет русского слова,



логоса нет. И это, между прочим, впервые. Теперь я хочу сказать – у нас есть такие друзья в Америке. И они хотят быть более американскими, чем сами американцы, правовернее, чем Папа Римский. И эти друзья все наезжали на суверенную демократию, мне уже было больно слушать «демократия – мерзость» и т. д. А у американцев есть такое свойство, они ножом в спину ударяют точно своим друзьям, это у них фирменный стиль – передайте знакомым, если они есть. Значит, приехала госпожа Клинтон и Макфолл и они точно этим ревнителям американских интересов здесь ножом в спину и ударили, сказав, что суверенная демократия – это то, что они поддерживают. И так будет всегда, потому что американцы хотят быть не со своими холоуями, а с сильными. Поэтому быть американским холоумом – вредно. Это должны все помнить, кому хочется. Все, кому хочется, должны понять что это вредно, на примере суверенной демократии.

Далее. Возникает ощущение, что есть простые тупые проблемы, которые все боятся обсуждать. Если послезавтра Индия, Китай выйдут на западные стандарты и нужно будет предоставить американские стандарты двум миллиардам китайцев и миллиарду индийцев, так, чтобы было по две машины, чтобы был залит бензин в баке, чтобы была энергия. Это можно или нет, это нельзя или нет. Поскольку в принципе нельзя, о какой справедливости мы говорим? О каком устройстве мира мы говорим? Но мы же не хотим это обсуждать... Почему? Третья проблема. Недавно Алан Гринспен тут сказал, вот кризисы вообще зависят от природы человека. Я впервые такое слышу. Это говорит представитель школы Адама Смита. Всегда считалось так: природа человека – плохая, скверная, но так устроен мир, что даже при плохой природе человека все будет в шоколаде. Политическая демократия, социальная направленность, рынок, но не будет кризисов... Теперь говорят – кризисы будут. Но как может быть так, чтобы кризисы были, а революций и войн – нет. Чтобы войны были, а ядерных не было? А это может быть так, что после них человечество не рухнет? Значит – либо изменение природы человека, либо конец? Это все проблемы, которые мы можем обсуждать, а мы их не обсуждаем.

Теперь человек должен говорить о том, что он чуть-чуть знает. Вот я знаю, что такое решение по ракетам, по противоракетам. Хочу сказать, что нас в ракетах не устраивает. Почему на не устраивает ЖБИ и устраивает Пэтриот. Потому что ЖБИ летают высоко, и быстро. Вот

эти ракеты, которые ставили в Польшу и Чехословакию. Туда ставили глобальную ПРО с которой нужно было сделать понятную каждому гражданину России, а разницу между ПРО-театра военных действий и глобальным ПРО. Мы были против глобального ПРО, нас не интересует ПРО-театра военных действий. Почему? Потому что, во-первых, эти ЖБИ с тремя ступенями догоняли наши ракеты по направлению к вашей стране на догоняющем курсе, они летели 9 км, а наши 7.

Во-вторых, мы подозревали, что возможно там постановки ядерных зарядов, а нам плевать, ударять по нам килотоннами или тоннам. 100 килотонн для Москвы достаточно.

И третье потому что мы понимали, что вы постепенно разыгрываете европейский театр военных действий, а он у нас не перекрыт. В смысле того после того, как мы их сняли у нас он открыт. значит, то, что Обама сняли эти ракеты, противоракеты – спасибо ему, это серьезно. На счет четвертой позиции, что это усиливало позиции Европы, то есть перекрывало нас от старой Европы. Вы это сняли. теперь как строилось это решение. Надо понимать, что Соединенные Штаты – это такой «обком», в котором есть «райком». Теперь мы сейчас все «райкомы» видим, они как на ладони, можно просто читать прессу. Кто счастлив от этого решения – Израиль и Старая Европа: Польша – это очень сильное лобби, Чехословакия и все прочее. Как они называют Обаму – сатаной. Это сатана хуже Картера. Значит, какое решающее воздействие, какой «райком» определял решение по Чехословакии и Польше – Израильский. Откуда это следует доказательство? Первое – Ольмерт был против и заявил что эти районы надо убрать. Нетаньяху и его челночная дипломатия была связана с этим. Третье – за две недели до объявления решения Обамы я находился на антитеррористической конференции в Израиле там бывший директор МОССАДа говорит: «убрать ракеты к матери, отдать Грузию и Украину русским!». И последнее. Что сказал Обама, какой он бонус хочет за ПРО? Он сказал ясно, а все хотят не услышать! Он сказал ясно и твердо, что может быть русские дадут бонус по Ирану. Он же не просил бонуса на СНВ, а он просил бонус по Ирану. если говорить о том, какой бонус, то это такая бензиновая блокада, которая ничего не даст, но это в конце концов не важно.

Теперь по поводу нашей войны с Соединенными Штатами и всего прочего, что это все якобы сумасшествие. Может. Американцы культурный и спокойный народ, который очень любят свой комфорт, но только не надо печатать по этому поводу статьи в «Foreign Affairs» и не надо считать других за дураков, которые не знают что такое «Foreign Affairs». После того Америка напечатала статью по поводу того, КАК надо нас разгромить с помощью первого удара это было в 60-м году.

Майкл Бом

— Можно вопрос? Вы помните авторов этой статьи? Они работают на государственной службе?

Сергей Кургинян

— Мы же здесь выступаем не как пропагандисты. Может полагается я не говорю как надо выступать. Вы прекрасно понимаете, как мы говорим, в узком кругу. Значит там было сказано, что нанести первый удар, будут уни-

чтожены подводные лодки – этим, этим и этим, на второй волне крылатыми ракетами будут уничтожено – эти, русские начнут отвечать – перекрыть крылатыми ракетами. Значит если бы это было бы напечатано в желтой газетенке, а это было напечатано в «Foreign Affairs». Теперь поэтому мы не будем экзотически сокращать ракеты, не будем. Обсуждайте Иран. Ракеты обсуждать бессмысленно по одной простой причине, потому что если мы рассчитываем, мы уже не концепцию гарантированного массового уничтожения обсуждаем, а мы обсуждаем другую концепцию американского первого ядерного удара, мы должны гарантированно уничтожить вас после первого ядерного удара – тогда войны не будет. Вот тогда войны не будет, будет мир во всем мире, все здесь сидящие здесь молодые люди будут наслаждаться миром. Как только мы перейдем барьер после которого американцы смогут уничтожить нас первым ядерным ударом – они уничтожат. А вот представьте себе сценарий – политическая нестабильность в России. Появляется какой-нибудь диктатор, русский, полуфашистский. Этот диктатор объявляет о ядерном ударе. Американцы в ситуационной комнате идет совещание – если мы ударим первыми, русские не дернутся, а если мы ударим первыми – русские нас уничтожат. Что примет президент США? Мы хотим подвергать президента США такому искусу? Мы хотим твердо знать что мы защищены и это главная позиция по СНВ.

Дальше. Мы говорим о стратегическом союзе. Скажите, стратегическим можем быть союз, когда говорится, кто именно стоит «на одной ноге», а кто «на двух ногах» в будущем, и что у русских может быть уменьшится паранойя. Интонация, культура речи важна в стратегическом союзе? Это первое. Теперь второе. Лидеры приходят и уходят, а отношения остаются, и ... остаются. Где стратегический союз, хоть один признак стратегического союза. Я что не знаю как строили стратегический союз с Японией? Американцы хотят стратегического союза – они не делают ничего.

Следующее. Я хочу ошибиться, но когда я смотрю на Обаму, я понимаю только одно – там содержание строго равно нулю. Буш мог пить и иметь простое содержание. Здесь – содержания нет, здесь абсолютная свобода говорить о чем угодно и сколько угодно. Радость говорения. Это вызывает вопросы, потому что рейтинг уже упал и восточно-европейские лобби никогда не простят, что сейчас было сделано. А вы знаете, что сбывало с Фордом, после того, как его не простило польское лобби. За отдельные высказывания. так что мы очень точно знаем куда это идет. Теперь следующее. Вот здесь говорили, что у нас есть только ядерное оружие, ресурсы и еще территория, обычно говорят. Вообразите себе картину поскольку энергоресурсы и территории очень легко отобрать. Кто-то вам сказал, что эта нефть наша – а завтра она китайская... или территория, то получается в результате, что есть только ядерное оружие, которое когда-то было создано Советским союзом. скажите это не скучно так жить, имея только ядерное оружие.. Значит, у нас есть что-то другое и сколько бы я не ездил по миру от Индии до Дальнего востока, я всюду чувствую, что от русских все еще ждут нового слова. И скажу простую вещь, вот если русские имеют право на существование как страна в XXI веке, то только потому что от нее ждут

русского слова. Я не блефую и это не вопрос амбиций. Это вопрос жизни и смерти. Но русские не хотят говорить нового слова. А вопрос этот звучит так – что будет с человеком? И это есть нечто важнее всего, что будет с ядерным оружием, что будет с человеком. Мы подошли к черте – после которой мир не разруливается. Русским есть, что сказать о человеке но они стесняются, потому что 20 лет назад они от этого отказались, потому что неловко откуда пауза.

В чем цель стратегического союза? Стратегический союз, который описывал ушедший коллега, был союз Рузвельта и Сталина. Это не правда, что это был чисто ситуационный союз – но все знают, что это было не так. С Черчиллем – ситуационный, с Рузвельтом – нет. С Рузвельтом, учителем которого был Томас Манн – нет. Это первое. И второе. Это был союз Советского Союза с Соединенными Штатами. Наша территория это наши проблемы. Мы хотим за стратегический союз получить империю, но будем строить ее демократически как Европа, орден Карла Великого, но мы назовем тоже какой-нибудь орден. Но она будет такая же демократическая как Европа, но мы хотим империю, но тогда будем обсуждать что вы нам предлагаете за стратегический союз? Ракеты снять? А вы слышите? что говорит Гейтс. И второе. Я долго живу в мире. Я много видел. Но я никогда не видел американской администрации, а Обама пересматривает все, что делал Буш и просто камня на камне не оставляет, но Гейтс сидит министром обороны! Вообще нечто! Кто такой Обама? Я знаю, кто такая Хиллари Клинтон и что такое клан Саммерса и что такое Гейтс, а что такое Обама? С кем мы разговариваем и о чем? И значит, главное возникает вопрос об СНВ, которым я хочу закончить. Объясните тем, кому сможете – задача стоит такая – после первого американского ядерного удара мы должны уничтожить США – тогда войны не будет. Значит мы не можем снизить количество боеголовок ниже уровня, когда первый ядерный удар может пройти. Мы не можем, мы открываем путь к войне. Значит, все параметры ядерных сокращений определяются этим и только этим. Мы не будем снижать количество ядерных боеголовок. Кроме того, у нас такие сейчас гении, что концепции сухопутной войны с НАТО говорят, что мы не можем воевать с НАТО дольше, чем 17 минут. Значит когда-то было так, что за 32 часа мы доходим до Лиссабона, тогда мы могли демонтировать ядерное оружие. Сегодня, когда у нас нет ничего, кроме ядерного оружия, главное, если вы хотите кроме стратегического союза построить диалог элит – объясните с кем мы говорим и о чем. И признайте, что Советский Союз в его новом варианте восстанавливается. Вот тогда мы поговорим о новом стратегическом союзе.

МАКСИМ ШЕВЧЕНКО

— Спасибо. У нас осталось еще три человека для выступления. Прошу.

АДАЛЬБИ ШХАГОШЕВ

депутат Государственной Думы РФ

— Спасибо большое. Максим, если бы тема нашего сегодняшнего круглого стола звалась «Нужен ли нам стратегический союз с США или нет», было бы тоже неплохо, потому что сегодня в большинстве случаев мы говорили



о взаимоотношениях между США и Россией. Безусловно, это не случайно. Может быть, это в некой степени подтверждает тот тезис, что Россия уже выступает как мощный игрок на внешнеэкономической арене. Очень хочется говорить о том, о чем мы до сих пор не вели речи, потому что круглый стол движется к концу, а найти тему, о чем мы еще не говорили, тоже тяжело. Но я не могу не отреагировать на то, о чем сейчас было сказано касательно ПРО.

Была дана великолепная оценка, какую не часто услышишь. Оценка была сделана с точки зрения того, почему они являются опасными – в первую очередь. Во-вторых, почему Америка сейчас приняла такое решение. И единственный тезис, с чем я не соглашусь в этой части, что истерия в Польше или Чехии по этим вопросам не настолько категорична. Я несколько раз за последний год выезжал в страны Восточной Европы, находился и в Польше, и на уровне экспертов, политологов могу сказать о том, что не большинство сегодня поддерживает это решение, как изначально не поддерживалось, так и сейчас, когда они отказались от такого решения. Я имею в виду США, Польша истерит временно в этой части, все будет зависеть от того, какая будет компенсация. А сегодня абсолютно неопределенно, что последует дальше. Когда мы говорим о том, что нет повестки дня, тут тоже прозвучал такой тезис, что если мы хотим Обаму поддерживать, то ни в коем случае не делать этого на словах, чтобы никак не навредить, но мы не знаем, чем сейчас практически поддержать Обаму, потому что тоже ничего не предложено. Вчера и сегодня идут переговоры на самом высоком уровне, и здесь мы не видим никаких предложений. Министр иностранных дел откровенно спрашивал несколько раз за эти дни: «Что дальше последует?» Что за разговоры о компенсации, что за разговоры о мобильных установках? И мы не слышим ответа. И отрицать нельзя, что Обаму нам придется поддерживать. Не обсуждали сейчас – почему он удостоен Нобелевской премии, не важно – заслуженно или не заслуженно, тем не менее, факт, что он повернулся лицом. Он говорит о том, что хватит читать морали, об этом коллега сегодня тоже говорил. Он говорит о том, что давайте строить диалог, он говорит, что безопасность в глобальном мире сегодня строить без России нельзя.

Мне кажется, уже на этом этапе неплохо, но для того, чтобы достичь тех желаний, о которых мы сегодня говорили, тех амбиций, о которых очень часто заявляет руководство страны, на мой взгляд, уже достаточно внятно, в от-

личие от того, что мы делали 5-10-15 лет назад, мы возвращаемся на международную арену, и мы заново строим свою внешнюю политику. Все-таки мы более умно и острожно стали декларировать свои потребности внешней политики, сегодня мы начали проявлять инициативу, отказались от некой категоричности. Когда США только заявили о размещении ПРО, мы не стали истерить, а предлагали им другие варианты решения. Когда весь мир истерил, особенно США, касательно Ирана, мы начали говорить о ядерных центрах по обогащению урана. Мне кажется, что сегодня Россия имеет точно право говорить о том, что она умеет находить общий язык с трудными партнерами — это и Иран, это и Китай, с которым мы сейчас очень активно возобновили отношения. Поэтому, когда США последние несколько лет говорят о России как о партнере, с которым надо считаться, даже если бы они не хотели этого, даже если они не хотят видеть суверенную Россию, отдельную суверенную территорию и страну, они видят, что обойти Россию невозможно.

Мы выигрываем некоторое временное пространство 5-10 лет, что хватит конфронтации, давайте каким-то образом искать консенсус. Есть, конечно, другие вызовы, они касаются и проблем, связанных с Кавказом, с Южным и Северным. Я согласен с теми, кто говорил, что мы там должны усиливать свои позиции. Мы должны усиливать позиции и со странами СНГ, где проблемы только начинаются. Некоторые выигрыши, которые мы имеем и по размещению ПРО, речь идет о заявлении 17 сентября, и позицию, которую мы заняли по Осетии и Абхазии, все это говорит о том, что легче будет решать уже и такие вопросы. Есть ряд второстепенных вещей, очень реалистичных, на которые мы не обращаем внимания, но они могут стать сегодня первостепенными. Увлекаясь глобализацией, понятно, что глобализация не имеет границ, мы сегодня говорим о миграции, как о легальной, так и о нелегальной. Мы очень мало сегодня говорим об экологических проблемах. Хочу заметить, что в Восточной Европе, когда мы это обсуждали с европейскими экспертами, мы хотели их убедить в том, что мы будем этим серьезно заниматься.

Медведев выступал с такой позиции. Они сами нам говорили, что в России уже замечают эти проблемы и что мы являемся заслоном для нелегальной миграции в европейские страны. Они понимают, что, когда у нас будут исчерпаны ресурсы, они пойдут в Европу, они обратно не вернутся. Речь идет о потоках со стороны Азии. Поэтому мне кажется, что Россия встает на ноги, Россия ведет достаточно осторожную игру сейчас. Но мне очень хочется, чтобы было понимание, а тенденции уже намечены, что пока мы не наметим тенденции по борьбе с самым серьезным злом в России — коррупцией, это не внутренняя проблема, если мы на самом деле не сможем в ближайшие 1-2-3 года определить, что мы все-таки не сырьевая страна, а станем на инновационные рельсы, пусть это и высокие слова, просто-напросто будем использовать новые технологии. Здесь очень полезны разговоры о том, что надо уже обращаться к фундаментальным институтам, возрождать, создавать заново, в таком случае у нас есть все шансы стать на правильный путь.

Максим Шевченко

— Спасибо. Виталий Юрьевич Волчков.

Виталий Волчков

член клуба ВИИЯ

— Я тоже хочу поддержать логику более фундаментального подхода к нынешней ситуации, к международным отношениям, потому что рефлексивное отношение к каждой дерготне, которая происходит в международных отношениях, без какого-то устойчивого, достаточно долгоиграющего критерия, обедняет арсенал принимаемых решений. Здесь в тематике звучало слово «стратегия». Я хочу сказать, что сейчас человечество стоит перед многими вызовами, каждый из которых чреват серьезной катастрофичностью. В принципе, нужно подходить с позиций целостного мира, чтобы определять выбор даже каждого конкретного случая, каждой конкретной ситуации, каждого конкретного проекта. Воссоздание взаимоотношений национального устройства, национальных государств и этого целостного мира — это проблема, которая должна быть решена. Я понимаю, что конфликты никуда не деваются, но их урегулирование нужно искать в позициях преодоления конфронтационности сознания, потому что взаимные страхи подозрения существуют реально и материализуются, от них никуда не деться. Поиск их преодоления все равно должен быть с позиций активного созидания, с позиций активного взаимодействия. С этой точки зрения отношения с Китаем дают определенные резервы, определенные шансы.

Здесь говорилось на счет зон влияния, на счет необходимости воссоздания каких-то империй и т.д. Хочу сказать, что традиционализм возрождения в условиях, когда целостность мира подчеркивается тем же самым кризисом, ставит перед нами большие совместные задачи. К большому сожалению, действительно в нашей элите понимание Китая чрезвычайно ограничено, возможность донести и реализовать какую-то информацию, касающуюся китайских способов решения проблем, китайских подходов в общественном сознании тоже ограничено. Китайцы в своей массе настроены иногда более радикально, чем китайские руководители. То, что у нас решены некоторые вопросы, связанные с урегулированием пограничных проблем и т.д., это то, чем надо воспользоваться, чтобы закрепить как можно скорее в реальности нашего мира. Объективные процессы будут развиваться независимо от договоренностей, независимо от желаний высшего руководства. Так же, как говорили, что необходимы какие-то условия, чтобы быть гарантированным от конфликта с США, точно так же необходимы условия, чтобы быть гарантированными от той опасности, не субъективной, а объективной, которую создает нависающий Китай. У нас потребность в развитии Дальневосточного региона настолько острая и настолько актуальная, что, может быть, развитие кризисных явлений в западном мире дает нам шанс как раз переориентировать свои усилия на развитие этих регионов. Может быть, если не полет на Марс, но какие-то крупные созидательные проекты станут тем способом, который позволит перейти к общему делу, который даст выход из кризиса и выход из политических конфронтаций. Я считаю, что отношения должны обсуждаться в самой откровенной манере. Не нужно бояться острых углов, нужно и с китайцами по вопросам Центральной Азии говорить совер-

шенно откровенно, потому что это сейчас узел противоречий, чреватый большой опасностью большого конфликта и для нас, и для Китая. Спасибо.

МАКСИМ ШЕВЧЕНКО

— Спасибо. Коновалов Иван Павлович.

ИВАН КОНОВАЛОВ

обозреватель газеты «Коммерсант»

— Я начну с ремарки по поводу ПРО. Прекрасный был дан анализ Сергеем Ивановичем и другими экспертами по поводу того, почему нам это ПРО не нужно и почему американцы хотели его разместить – и все же я добавлю, что они не сделали этого, потому что, собственно говоря, это был большой блеф. Противоракетная оборона – это большой блеф, и это знали американские эксперты, потому что эта система не доказала свою состоятельность в ходе испытаний, а в случае реальной опасности она вообще бы не сработала.

Но это так. Поскольку здесь уже много было сказано, почти все темы разобраны, я вот что хочу добавить: как-то мы не говорили сегодня о военно-политических аспектах амбиций суверенной России. Военно-политическая составляющая – это инструмент реализации того, что мы сегодня здесь обсуждаем. Мне кажется, сейчас создалась довольно странная ситуация, когда идет реформа в армии, но при этом нет военной доктрины, и мы не можем понять, какая армия создается. Хотя эта армия предназначена и для того, чтобы решать какие-то геополитические проблемы и работать как-то на постсоветском пространстве. Существуют понятия «глобальный конфликт», «региональный конфликт», «локальный конфликт». К какой войне готовится Россия? Я слышал, здесь было сказано, что слово «война» лучше не употреблять, но я все-таки употреблю его. Пока мы не можем понять, но этот вопрос необходимо решать. Армия перевооружается, как нам говорят, это очень большие сейчас поставки.

И, касаясь вопроса Китая, я считаю, почему-то мы обходим очень этот момент. Я считаю, что на самом деле, действительно, Китай – потенциальный противник. Почему этого нельзя сказать? Можно сказать. И при этом мы его вооружаем. В Китае, например, комплексов С-300 больше, чем в российской армии. И теперь Китай ставит вопрос уже по-другому. Он не хочет больше нашего железа, он хочет наши военные технологии. И индийский, и китайский оружейные рынки насыщены железом, сейчас ставится вопрос технологий. Если мы хотим и дальше как-то развивать наш военно-промышленный комплекс, мы должны каким-то образом этот вопрос с Китаем решить. Мы готовы уже отдавать ему технологии, а не вооружение?

И еще касательно военно-политических амбиций России. Существует в этой связи очень большой перекося в сторону экспорта. Я понимаю, что надо поддерживать, это реальные деньги, мы продаем оружие, куда можем, ищем новые рынки – но при этом, как показал кризис, оборонка чуть не упала. И в итоге она была поддержана гособоронзаказом. Произошел интересный казус: по сути, кризис – это очень плохо, но при этом государство наконец-то дало реальные деньги в оборонный комплекс, кризис заставил. Вот положительный аспект кризиса.

Если мы говорим об амбициях России, то постоянно США – Россия, США – Россия. И сейчас в приоритетах мы видим, что среди вызовов, которые в военном плане стоят перед Россией, что НАТО всегда на первом плане. Второе – это постсоветское пространство, региональные конфликты. И третье – об этом говорят как о вызовах со стороны Китая.

Да, трудно говорить, что стратегическое партнерство между США и Россией возможно. Вряд ли. Но создавать новые вооруженные силы, опять затачивая их под советский формат противостояния?.. Такого противостояния нет, но армия должна иметь четкую цель, кто противник. Пока получается, что противник – НАТО. Правильно ли это? И в этой связи – я, конечно, тоже за, Сергей Ервандович, что ядерный щит – это важно, безусловно, но посмотрите, что происходит: 20% наших оборонных денег идет опять в ядерный щит, лодки и ракеты. Но ведь боец тоже должен быть обеспечен! Это должна быть отдельная боевая машина, у которой должно быть все. А что у него есть? Ничего у него нет. Война с Грузией показала очень многое: действовали вслепую, модернизированные танки Т-72 у грузин лучше, больше оснащены различными приборами, и так далее, и тому подобное... Победил, конечно, как всегда, русский солдат, русский солдат непобедим. Российский.

Поэтому мне кажется, как правильно говорил господин Добров в контексте нашей темы, что надо поднимать науку, я уверен, что надо уделять пристальное внимание и армии, об этом нужно говорить, рассуждать, это надо анализировать. Потому что армия у нас, Вооруженные силы – они как бы в своем соку варятся, и мы как бы отдельно от них. Нужно сближать позиции и искать консенсус. Спасибо.

МАКСИМ ШЕВЧЕНКО

— Можно вопрос? У меня их три коротких, я их сразу задам. Первое. Есть ли ПРО – блеф, как Вы говорите, то зачем была нужна Мюнхенская речь Путина? Второе. Если она была не нужна, а так бывает – то что стоит на Аляске и в Калифорнии?

ИВАН КОНОВАЛОВ

— Ну как? Там тоже самое стоит. То же самое, в количестве до 100 штук. Нет, это просто не так. И третье...

МАКСИМ ШЕВЧЕНКО

— Сейчас запомните вопрос пока. Нет, Иван Павлович. Пожалуйста, Павел Вячеславович.

ПАВЕЛ СВЯТЕНКОВ

эксперт Института национальной стратегии

— Я хотел бы заострить внимание на европейском направлении. Дело в том, что сейчас мир вступил в эпоху нестабильности, связанную с тем, что Америка сохраняет единоличное политическое лидерство, единоличное военное лидерство с одной стороны, а с другой стороны на экономическом фронте мы видим как минимум 3 крупных центра, влияние которых распространяется на весь мир: это соединенные Штаты, это Европейский Союз, и это Китайская республика. И поэтому многом становится возможна такая экономическая многополярность, когда региональные державы могут, играя на про-

тиворечиях между этими крупными лидерами, проводить свою политику. Однако надо учитывать, что Россия в этой ситуации может играть роль только регионально-го центра. У нас недостаточно экономической мощи для того, чтобы стать вровень с этими сверхцентрами.

На что в этой ситуации Россия может претендовать? Мы можем претендовать либо на какую-то отдельную роль, когда мы сталкиваем между собой два крупных центра, например, Европу и Китай, с которыми мы граничим, и тогда мы получим некую автономию, либо мы должны присоединиться к какому-то крупному центру. На данный момент Европа выглядит подобным центром, с которым могут возникнуть отношения по модели отношений США с Мексикой. Как известно, Мексика слишком далека от бога и слишком близка к Соединенным Штатам, и тоже самое может возникнуть и с Россией.

Все-таки, несмотря на важность наших отношений с Китаем — слишком невелико население нашего Дальнего Востока. А здесь, на Восточно-Европейской равнине, все-таки живет 120 млн. человек. И если Лиссабонский договор все-таки будет ратифицирован, если Вацлав Клаус все-таки подпишет это соглашение, то мы окажемся в ситуации, когда рядом с нами возникнет 500-миллионная сверхдержава, которая сможет оказывать очень существенное влияние и на Россию, и на российскую политику, и на российскую экономику. Потому что пока наша экономика очень сильно завязана на Европу. Европейцы пока просто не могли давить на Россию, потому что у них существовал всегда внутренний разброд, и им было очень трудно достигать консолидированной позиции по отношению к России. Теперь, если Лиссабонское соглашение будет ратифицировано, Европа сможет говорить с Россией единым голосом, и это довольно опасно. По опасности, наверное, это сопоставимо с первым американским ядерным ударом — просто потому, что слишком сильно мы завязаны на Европу, и слишком много рычагов воздействия на Россию находится сейчас в руках европейцев.

Как выбрать из этой ситуации? Я вижу тут два решения. Первый сценарий — это попытка претендовать на роль, грубо говоря, Японии, в современном мире. Япония по уровню экономического развития не является тотальным мировым центром, она является, грубо говоря, половинкой. Она слабее значительно вот этой большой тройки, с одной стороны, а с другой стороны она сильнее, чем другие крупные региональные державы, как, например, Бразилия, Россия или Турция. Но этот сценарий связан либо с очень интенсивным развитием экономики, потому что тогда надо удваивать ВВП в очень короткий срок, перевооружать армию и так далее — неизвестно, сможем ли мы это сделать.

Второй вариант — идти по французской модели, которая мне кажется более рациональной, во всяком случае — более реализуемой. Она связана с тем, что во Франции удалось выстроить всю инфраструктуру, необходимую для того, чтобы быть великой державой, несмотря на сравнительно небольшое население и сравнительно небольшие объемы экономики. Французам удалось создать собственные ядерные силы, собственные зоны влияния (они до сих пор сохраняют влияние на свои колонии в Африке и играют большую роль в их политических и экономических делах), и удалось очень выгодно



вступить в Евросоюз, став там одной из самых влиятельных стран. Мне кажется, что именно этот сценарий и является наиболее рациональным.

Соответственно, если России удастся создать хоть сколько-нибудь приличную экономику, не только сырьевую — потому что с сырьевой экономикой мы неизбежно превращаемся в сырьевой придаток либо Китая, либо Европы, либо тех и других. Если удастся перевооружить армию, то сесть сделать из нее нечто, способное сделать что-нибудь не в рамках обмена ядерными ударами, как говорил Сергей Ервандович; и если все-таки удастся заключить договор с Европой, чтобы Европа и Запад нас слушали, а не только диктовали свою волю — то тогда Россия имеет шанс воспользоваться вот этой сложившейся в мировых отношениях нестабильностью.

МАКСИМ ШЕВЧЕНКО

— Сравнение с Францией интересно еще и тем, что Французский национальный легион просто днюет и ночует в Северной Африке, свергая режимы, ставя режимы, и так далее — пусть никто не сочтет это за аналогии с августом прошлого года. Руслан Вячеславович, Вы завершаете.

РУСЛАН КУРБАНОВ

редактор отдела политики журнала «Смысл»

— Спасибо за приглашение и предоставленное слово.

Поскольку все эксперты здесь говорили о взаимоотношениях России и Запада, России и Китая, то я, как востоковед, должен внести свою лепту и сказать о взаимоотношениях России с ее южными соседями, то есть с исламским миром.

На этом направлении внешнеполитических отношений России сказываются все те проблемы, о которых говорили предыдущие эксперты: это и отрыв российской политики и политической элиты от науки, это абсолютная невостребованность прежнего потенциала, козырьевская наследственность, и так далее, и так далее. Если мы сегодня проследим, как развивались отношения России с исламским миром, да и внутренняя политика России, то мы поймем, что происходит постепенная ползучая исламизация и внешней политики, и внутренней политики России и в идеологическом, и в практическом плане. То есть риторика, направленная на внутреннее потребление, исходящая от первых лиц государства, от региональных лидеров, и направленная на внешнее пользование — она постепенно исламизируется. Взять хотя бы последние инициативы президента, озвученные в Сочи, в которых он го-



ворил о том, что Россия должна усиливать свое влияние, контакты с исламским миром, на внутреннем поле нужно больше сближаться с внутренним исламским сообществом, открывать каналы, ресурсы, и так далее.

Или взять, например, политику Рамзана Кадырова, как во внутренней сфере, так и во внешней – не секрет, что он сегодня является одной из самых влиятельных фигур, определяющих внешнюю составляющую российской политики именно на исламском направлении. Это фактически второй министр иностранных дел, заточенный именно под нормализацию отношений с исламским миром.

Все равно эта исламизация происходит. Ну, не исламизация – будем так говорить, поворот в России к нуждам, запросам исламского мира, как внешнего, так и внутри своих границ. Но, к сожалению, это происходит вслед тем вызовам, с которыми сталкивается Россия. Не в качестве перехватывания инициативы, не в качестве игры на опережение, а именно вслед. Даже озвученные президентом Медведевым инициативы по сближению с исламским миром и по углублению отношений с внутрироссийским мусульманским сообществом свидетельствуют, к сожалению, не о силе российского государства, а о вынужденной реакции на уже возникшие проблемы на Северном Кавказе и на исламском направлении. Если бы эти инициативы были озвучены 20 лет назад и претворялись в жизнь – это бы свидетельствовало о силе России, и тогда бы мы сегодня имели совершенно другую ситуацию и на Кавказе, и на внешнеполитической арене.

К сожалению, внешнеполитическая составляющая отношений России с исламским миром характеризуется, во-первых, тем, что она ограничивается словами, дел очень мало. Очень много слов, и очень мало практически реализованного. Второе – это отсутствие игры на опережение, это только реакция по след происходящим событиям и вызовам. И это опора на старые схемы взаимодействия с исламским миром. Если сегодня США, Британия, активно формируют новое лицо исламского мира – это может вызывать раздражение или находить понимание, но они формируют новую повестку дня, новое лицо ислама, новые отношения. Россия же опирается на старые схемы, предпочитает возрождать традиционный ислам дореволюционный, более понятный для властной элиты. Но даже на примере того же Рамзана Кадырова, который опирается на традиционные основы в чеченском обществе, эти основы сегодня просто безостановочно вымываются из-под ног самого Рамзана.

Вымываются под влиянием Запада и массовой культуры, вымываются под влиянием обновляющего ислама, и уже сегодня Рамзан не справляется фактически с ситуацией и теряет контроль над ней.

Но говоря о том, что сегодня ислам превращается во все более мощный инструмент, роль которого возрастает как внутри страны, так и за ее пределами, мы должны понимать, что исламский мир фактически является тем единственным полем, на мой взгляд, на котором Россия еще имеет шанс в ближайшей перспективе обыграть своих конкурентов. Поскольку Россию ждут в исламском мире. Яркий пример: если еще несколько лет назад на улицах арабских городов нельзя было признаться, что ты из России, поскольку была еще жесткая реакция на действия в Чечне, то сегодня, благодаря действиям Владимира Путина по нормализации отношений, благодаря вояжам Рамзана Кадырова в Саудию, в страны залива, благодаря мощной политике во внутренней сфере и во внешней, сегодня ситуация изменилась кардинально, и Россию действительно ждут на том направлении. Но, опять же, Россия не владеет инициативой. Потому что озвученные Шуваловым, Сеченовым, Медведевым инициативы по развитию политики на исламском направлении – они сегодня идут вслед тем шагам, которые предпринимаются странами Запада, Британией, США. Даже речь Медведева в Каире была, фактически, произнесена вслед речи Обамы.

И еще хочу напомнить немаловажный факт, что, фактически, возвращение России в статус мировой державы состоялось в первую очередь благодаря признанию со стороны исламского мира. И этот факт нельзя забывать, мы должны его делать козырем в своей дальнейшей активности на внешней арене. Спасибо.

МАКСИМ ШЕВЧЕНКО

— Спасибо за эту важную ноту, которая была внесена в общий голос. Спасибо всем участникам дискуссии – мне кажется, она была глубокая, содержательная. И вот мне какая пришла идея по ее ходу – всякая дискуссия хороша, если она претворяется не только в стенограммах. Я думаю, что участники секции «Амбиции суверенной России» Форума 2020 – нам вполне по силам предложить некое виденье концепции внешней политики России, которую я предлагаю оформить в виде документа или доклада, подготовку которого я бы взял на себя, допустим, и просил бы всех участников круглого стола считать чем-то вроде неформальной свободной рабочей группы, которая не несет, конечно, никаких политических обязательств, но некое виденье нашего форума, на верное, готова будет предложить для тех, кто этим интересуется. Такая фиксация экспертного мнения, мне кажется, будет полезна, у нас тут есть люди самых разных взглядов, и это позволит нам критически, и одновременно прагматически сконцентрировать эти взгляды в рамках текста, который можно будет считать документом. Нет у вас принципиальных возражений? Хорошо. Тогда, я думаю, мы, организаторы Форума-2020, возьмемся за эту работу, технологически какие-то тезисы будут написаны мной и разосланы вам для какой-то рефлексии с последующей компиляцией в единый документ. Спасибо всем огромное за ваше терпение, за работу, было очень интересно.



- Реакционер он, конечно, закоренелый?
- Еще бы!
- И ничего более оголтелого нет?
- Нет ничего более оголтелого.
- Более махрового, более одиозного – тоже нет?
- Махровее и одиознее некуда.
- Прелесть какая. Мракобес?
- «От мозга до костей», – как говорят девочки.
- И сгубил свою жизнь во имя религиозных химер?
- Сгубил. Царствие ему небесное.
- Душка. Черносопственством, конечно, баловался, погромы и все такое?..
- В какой-то степени – да.
- Волшебный человек! Как только у него хватило желчи, и нервов, и досуга?
- И ни одной мысли за всю жизнь?
- Одни измышления. И то лишь исключительно злопыхательского толка.
- И всю жизнь, и после жизни – никакой известности?
- Никакой известности. Одна небызвестность.

ВЕНЕДИКТ ЕРОФЕЕВ
«Василий Розанов глазами эксцентрика»

Ч Е С Т Н А Я Ф А Р Ш И Р О В А Н Н А Я Щ У К А , И Л И

Василий Розанов глазами консерватора

Михаил Тюренок

заместитель руководителя
Центра консервативных исследований
социологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

Вот уж кто бы согласился с меткой и едкой веничкиной характеристикой Розанова, так это он сам. Как ни пытался скрупулёзный Петр Бернгардович уличить Василия Васильевича в алогичности мышления и противоречивости высказываний, с последнего – как с гуся вода:

- «— Сколько может быть мнений, мыслей о предмете?
- Сколько угодно... Сколько есть «мыслей» в самом предмете: ибо нет предмета без мысли, и иногда – без множества в себе мыслей...
- Где же тогда истина?
- В полноте всех мыслей. Разом. Со страхом выбрать одну. В колебании.
- Неужели же колебание – принцип?
- Первый в жизни. Единственный, который твёрд. Тот, которым цветёт всё, и всё – живёт. Наступи-ка устойчивость – и мир закаменел бы, заледенел»...

— РЕАКЦИОНЕР? — ЕЩЁ БЫ!

Несомненно, «реакционер»! Реакционер леонтьевского типа («Рачинский, Страхов, Толстой, Победоносцев, Соловьев, Мережковский, – не были сильнее меня... сильнее себя я чувствовал Константина Леонтьева...»)

в той проповеди принципа «цветущей сложности», которую единственно стоило бы подморозить. В остальном же, согласно Розанову, необходимо оставить всё как есть, в жаре того непрерывного движения, которое заповедал Сам Творец в Своем благословении «плодиться и размножаться». И никакой аскезы, вплоть до мыслей о принципиальной вредности монашества, вплоть до прямых укоров Православной Церкви, кощунственных высказываний относительно Нового Завета, обожествлении стихии пола и т.д., и т.п. И вот уже Церковь ставит вопрос об отлучении Розанова от своего лоно, предании богохульника церковной ана-

феме. Именно в этом контексте другой «крайний реакционер» и «фанатичный черносотенец» епископ Гермоген Саратовский в одном из обращений к Синоду о «Людях лунного света», одной из наиболее антихристианских книг Розанова, написал следующее:

«Воспевая гимны «священным блудницам», [Розанов] проповедует разврат, превозносит культ Молоха и Астарты, осмеивает евангельское учение о высоте девства, восхваляет язычество с его культом фаллоса... извращает смысл монашества и клеветает на него и издевается над духовенством».

Однако дело с отлучением затянулось до 1917 года, а там пришла революция, и Церкви стало уже не до Розанова. Сам же Василий Васильевич, походя, после февральской трагедии, обратился к откровенному язычеству: в 1918-м вместо Христа им утверждался даже не пол, а Солнце. И, наконец, умирая от голода и холода в Сергиевом Посаде суровой зимой 1919-го, мыслитель примирился с Церковью. В последние месяцы жизни Розанов достаточно тесно общался с отцом Павлом Флоренским, однако когда этот философ и богослов в рясе захотел исповедовать умирающего «коллегу», тот отказался вполне по-розановски:

«Нет, где же Вам меня исповедовать. Вы подойдете ко мне с «психологией», как к «Розанову», а этого нельзя. Приведите ко мне простого батюшку, приведите «попика», который и не слыхал о Розанове и который будет исповедовать «грешного раба Василия». Так лучше...»

Просьба мыслителя была выполнена, и, подобно другому (не менее неоднозначному) философу-современнику – Владимиру Соловьёву, «раб Божий Василий» скончался в единстве со Святой Соборной и Апостольской Церковью...

— **ЧЕРНОСОТЕНСТВОМ, КОНЕЧНО, БАЛОВАЛСЯ, ПОГРОМЫ И ВСЕ ТАКОЕ?..**

— **В КАКОЙ-ТО СТЕПЕНИ – ДА...**

Ну, погромы, не погромы, а из либерального «Религиозно-философского общества» Василий Васильевич был изгнан за вполне определённые «злодеяния». «Корифеи» религиозной философии Мережковский, Гиппиус и Философов инкриминировали Розанову два чудовищных в глазах Совета этого «Общества» преступления:

1. Розанов в статье, размещённой в «Богословском вестнике», органе Московской духовной академии (*sic!* – Михаил Тюренок) «Не надо амнистии» выступает против возвращения в Россию из эмиграции революционеров Плеханова, Кропоткина и народовольца Морозова: «Блудного сына надо простить, но только раскаявшегося, а нераскаявшегося: Христос не указал».
2. Второе обвинение с пафосом бросает лично Дмитрий Философов: «Розанов не останавливается на своем призыве к последней жестокости. Он пошел дальше. Я говорю о его выступлении по делу Бейлиса. Розанову, этой душе Религиозно-философского общества, пришлось перекочевать в татарскую орду «Земщины» (газета Союза Русского Народа – М.Т.). 5 декабря 1913 года в «Земщине» появилась статья Розанова «Андрюша Ющинский». Но Розанову и этого мало. В той же газете он помещает обширную статью: «Наша кошерная печать...»

Надо отметить, что в последней статье мыслитель мастерски разделал «под орех» Мережковского с Философовым, чем и вызвал их «праведный гнев». Между тем, многие были против исключения Розанова из «Общества». Так, один из его участников С. А. Алексеев выразился весьма недвусмысленно:

«Мы все прекрасно знаем Розанова. Разве он когда-нибудь был осторожен в своих словах, разве было время, когда он не был ядовит и зол? Мы это прекрасно знали, и когда ядовитость Розанова распространялась на Церковь, ядовитость иногда злобная, мы только благодушно говорили: «Василий Васильевич, по обыкновению, нам сегодня наврал», – и больше ничего. Теперь мы вознегодовали, когда злое слово Розанова направилось в ту сторону, которая, по убеждению Совета нашего Общества, является противоположной Розанову...»

Тем не менее, 19 января 1914 года на заседании Совета не хватило кворума для принятия решения. Развязка наступила лишь после заседания 26 января 1914 года. Тогда, узнав о баллотировке вопроса о принятии в члены «Общества» брата адвоката Менделя Бейлиса О.О. Грузенберга – философа С.О. Грузенберга, Розанов специальным письмом уведомил общество о своем выходе из него, правда, сознательно и «со смыслом», спутав двух Грузенбергов.

Но что же в итоге? Разве мог тонкий знаток иудаики, восхищавшийся ветхозаветным отношением к вопросам брака и пола, умереть, не примирившись с еврейством. Напротив! В своём афористичном завещании, написанном на адрес большевицкого правительства, голодающий Василий Васильевич написал прямо, хотя и не без своеобразного трагического юмора:

«Веря в торжество Израиля, радуясь ему, вот что я придумал. Пусть еврейская община в лице Московской возьмет половину права на издание всех моих сочинений и в обмен обеспечит в вечное пользование моему роду-племени Розановых честную ферму в пять десятин хорошей земли, пять коров, десять кур, петуха, собаку, лошадь и чтобы я, несчастный, ел вечную сметану, яйца, творог и всякие сладости, и честную фаршированную щуку...»

Наверное, за «честную фаршированную щуку» Василий Васильевичу многое простилось, а потому даже в советское время с неизбежными оговорками по поводу розановских «шовинизма», «пессимизма» и «экзистенциального субъективного идеализма» о нём «окончательно» не забывали:

**«НИКАКОЙ ИЗВЕСТНОСТИ.
ОДНА НЕБЕЗЫЗВЕСТНОСТЬ...»**

Сегодня же – многочисленные биографии, многотомное собрание сочинений (не считая бесчисленные тиражи «Уединённого» и «Опавших листьев») и несколько скромных памятников, один из которых (в виде кукиша, направленного в небеса) «остроумно» установлен в сейфе кафедры культурологии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Хотя, как помнится, сам Василий Васильевич некогда писал:

«Не ставьте памятника Розанову, ставьте памятник носу Розанова...»

Ну и, разве что, «честной фаршированной щуке»...

Из «Листвы» Василия Розанова

«ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ. КОРОБ ВТОРОЙ И ПОСЛЕДНИЙ» (1912)

Я понял, что в России «быть в оппозиции» – значит любить и уважать Государя, что «быть бунтовщиком» в России – значит пойти и отстоять обедню...

(15 сентября 1912 г.).

Понимаете ли вы..., что Спенсеришку надо было драть за уши, а «Николаю Григорьевичу» (так В.В. Розанов иронично именовал Николая Гавриловича Чернышевского – Ред.) дать по морде, как навонявшему в комнате конюху. Что никаких с ним разговоров нельзя было водить. Что их просто следовало вывести за руку, как из-за стола выводят господ, которые вместо того, чтобы кушать, начинают вонять. Догадываетесь ли вы, наконец, что цивилизация XIX века, которая в значительной степени есть антихристианская, была вовсе не «цивилизация», а скандал в ней, и не «прогресс», а «наследили на полу» и надо это подтереть. Пришли свиньи и изрыли мордами огород: это не значит, что огороду не надо быть и надо к осени остаться без овощей, а значит, что свиней надо прогнать или заколоть, а гряды поправить, вырытое вновь всадить в землю и по осени собирать плоды...

(устал. Ночью в кровати 21 ноября).

«ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ. КОРОБ ПЕРВЫЙ» (1912)

Много есть прекрасного в России, 17-ое октября, конституция, как спит Иван Павлыч. Но лучше всего в чистый понедельник забирать соленья у Зайцева (угол Садовой и Невск.). Рыжики, грузди, какие-то вроде яблочков, брусника – разложена на тарелках (для пробы). И испанские громадные луковицы. И образцы капусты. И нити белых грибов на косяке двери.

И над дверью большой образ Спаса, с горящею лампадой. Полное православие.

И лавка небольшая. Все дерево. По-русски, И покупатель – серьезный и озабоченный, – в благородном подъеме к труду и воздержанию...

В чистый понедельник грибные и рыбные лавки первые в торговле, первые в смысле и даже в истории. Грибная лавка в чистый понедельник равняется лучшей странице Ключевского.

(первый день Великого Поста).

«МИМОЛЕТНОЕ. 1914 ГОД»

ЗУБОДЕРЫ

— так хочется мне назвать социальных реформаторов. Этих Фохта и Лафаргов, Спенсера и Шпильгагена, Лассалья и Маркса.

Дайте ему старика или мальчика в руки, и он непременно начнет ему дергать зубы. Если у одного только корешки зубов, а у другого только молочные зубы – все равно он введет щипцы ему в рот и «выдерет» что можно. Не заиграет же с мальчиком Спенсер, не расскажет же ему сказку Фохт. Суть дела в стальных щипцах, которые «реформатор социального строя» должны привести в движение. Никакого отношения к «человеку» он иметь не может, ибо это в сущности отношение не с «человеком», а с «предполагаемой и желаемой реформой», которая у него «мыслится».

Ему «мыслится», а человечество «страдай». Потому что не лежать же на столе стальным щипцам... «Сей род окаянный не избывается и молитвой». И отгородиться от реформаторов можно только палкой.

Их нужно непременно и постоянно бить, чтобы сколько-нибудь привести в разум. Но, кажется, это уже и происходит. Их всюду начинают поколачивать, и кутузки переполнены «реформаторами».

Если бы их выпустить, началась бы немедленная всеобщая операция. Они начнут резать ноги, «потому что они не всегда бывают прямы, а должны быть прямы». Начнут сдирать кожу с людей, «потому что она с веснушками». И наконец, просто «убьют человека», потому что он не сделан в реторте Парацельса «по всем правилам науки».

Эти господа, врожденно слабоумные, всегда возятся с наукою. И как наука «доказала», то они себя считают «доказанными» и немедленно берутся за щипцы...

**«РАССЫПАВШИЕСЯ ЧИЧИКОВЫ»
(1918)**

В 14 лет «Государственная» Дума промотала все, что князья Киевские, Цари Московские и Императоры Петербургские, а также сослуживцы их доблестные накапливали и скопили в тысячу лет.

Ах, так вот где закопаны были «Мертвые души» Гоголя... А их все искали вовсе не там... Искали "вокруг", а вокруг были Пушкин, Лермонтов, Жуковский, два Филарета, Московский и Киевский...

Зрелище Руси окончено. – «Пора надевать шубы и возвращаться домой».

Но когда публика оглянулась, то и вешалки оказались пусты; а когда вернулись «домой», то дома оказались сожженными, а имущество разграбленным.

Россия пуста.

Боже, Россия пуста.

Продали, продали, продали. Государственная Дума продала народность, продала веру, продала земли, продала работу. Продала, как бы Россия была ее крепостною рабою. Она вообще продала все, что у нее торговали и поку-

пали. И что поразительно: она ни сколько не считает виновною и «кающегося дворянина в ней нет». Она и до сих пор считает себя правою и вполне невинною.

Единственный в мире парламент.

Как эти Чичиковы ездили тогда в Лондон. Да и вообще они много ездили и много говорили. «Нашей паве хочется везде показаться». И... «как нас принимали!»

Оказались правы одни славянофилы.

Один Катков.

Один Конст. Леонтьев.

Поразительно, что во все время революции эти течения (славянофильско-катковское) нашей умственной жизни не были даже вспомнены. Как будто их никогда даже не существовало. Социалисты и инородцы единственно действовали.

— А что же русские?

Досыпали «сон Обломова», сидели «на дне» Максима Горького и, кажется, еще в «яме» Куприна... Мечтая о «золотой рыбке» будущности и исторического величия.

АЛЕКСЕЙ ЕФИМОВИЧ
ВАНДАМ

РУССКИЙ
ГЕОПОЛИТИК

Александр Репников



АЛЕКСАНДР РЕПНИКОВ –
доктор исторических наук,
главный специалист
Российского
государственного архива
социально-политической
истории.

Полная биография этого человека, скорее всего, никогда не будет написана. В посвященных ему очерках И. Образцова, Н. Рутыча, Р. Абисогомяна, А. Репникова немало белых пятен.¹

Однако благодаря работе исследователей из забвения постепенно возвращается его имя и его труды,² и мы открываем для себя еще одного из основателей русской военно-геополитической школы.³ В данной статье мы попробуем обобщить и сопоставить имеющуюся информацию об этом человеке, используя как опубликованные источники, так и труды самого Вандама.

А.Е. Вандам (настоящая фамилия – Едрыхин) родился 17 марта 1867 года в Минской губернии в многодетной солдатской семье. 24 декабря 1884⁴ года поступил вольноопределяющимся 3-го разряда в 120-й пехотный Серпуховский полк. В 1886 году – в Виленское пехотное юнкерское училище, которое окончил 7 августа 1888 года по второму разряду. Выпущен подпрапорщиком, так как не смог сдать экзамен на офицерский чин, и направлен в 117-й пехотный Ярославский полк. Производится в подпоручики (30 апреля 1892; ст. 7 мая 1890). 30 апреля 1892 года награжден медалью «За спасение погибающих» для ношения на груди на Владимирской ленте. Причина награждения неизвестна. Поручик (ст. 7 мая 1894). В 1897 поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. Окончил по 1-му разряду два класса академии в 1899 году с исполнением письменной работы за дополнительный курс, но продолжать учебу не стал и вернулся в полк. 9 октября 1899 года обращается с рапортом: «Желаю отправиться в Южную Африку, чтобы лично следить за ходом англо-трансваальской войны, и прошу ходатайства вашего превосходительства о скорейшем зачислении меня в запас армии с предоставлением права по возвращении с театра военных действий быть зачисленным снова в свой полк с зачетом в службу времени, проведенного в отсуствии, и в отпуске за это время содержания».⁵

11 ноября 1899 года, в связи с отъездом в Трансвааль, зачислен в запас по армейской пехоте. 14 декабря 1899 года прибыл в Южную Африку. Участвовал добровольцем в Англо-бурской войне на стороне буров. Сотрудничал в качестве внештатного корреспондента в газете А.С. Суворина «Новое время», публикуя осенью 1899 – летом 1900 гг. под псевдонимом А. Вандам очерки с театра боевых действий. Одно из первых сообщений датировано 22 октября 1899, послано из Амстердама и опубликовано 7 ноября 1899; корреспонденция от 2 ноября 1899 отправлена из Парижа, далее два сообщения от 14 декабря прибыли из Южной Африки. Большая часть

очерков опубликована с 4 мая по 5 июня 1900 года, уже после возвращения. В июле – августе газета помещает комментарии Вандама к чужим сообщениям с театра боевых действий.⁶ По некоторым данным, выполнял в ходе войны разведывательные функции. Исследователь И.В. Образцов полагает, что Вандам, получивший на свою поездку средства от великого князя Александра Михайловича, выполнял во время Англо-бурского конфликта миссию «тайного военного агента России».⁷

В конце марта 1900 года отбыл в Россию. Вернувшись на родину, Вандам был вновь принят на службу 13 июня 1900 года. Штабс-капитан (ст. 6 мая 1900). 17 августа 1900 года прикомандирован к Главному интендантскому управлению. С 13 апреля 1901 года зачислен в запас армейской пехоты по Санкт-Петербургскому уезду. Капитан (ст. 7 мая 1902). 18 ноября 1903 года определен на службу и назначен помощником военного агента (атташе) в Китае. Подготовил аналитическую записку «Сведения о переустройстве вооруженных сил Китая» (4 января – 23 июня 1906 года). 7 ноября 1906 года причислен к Генеральному штабу.

В 1907 году подал прошение на Высочайшее имя о смене фамилии Едрыхин на Вандам. «Прошение было утверждено приказом по Генеральному штабу № 46 от 29 мая 1907 года: «Всемилоостивейшее именовать впредь Вандам»».⁸ Причины перемены фамилии неизвестны. По мнению И. В. Образцова новая фамилия могла быть связана с героем англо-бурской войны Ван Даммом, который командовал отрядом, храбро сражавшимся с англичанами.

11 января 1908 года прикомандирован к лейб-гвардии Гренадерскому полку для цензового командования ротой (27 января 1908 – 2 февраля 1909 гг.). 22 февраля 1909 года переведен в Генеральный штаб. Старший адъютант штаба 1-й кавалерийской дивизии (22 февраля – 7 марта 1909 гг.). С 7 марта 1909 года по 26 июля 1910 года исполнял должность штаб-офицера для особых поручений при штабе 13-го армейского корпуса (г. Смоленск). Подполковник (29 марта 1909; ст. 2 сентября 1912).

26 июля 1910 года по личной просьбе вновь уволен со службы с зачислением в пешее ополчение Санкт-Петербургской губернии. 9 декабря 1913 года определен на службу с назначением в Киевский военный округ штаб-офицером для поручений при штабе 10-го армейского корпуса, с которым встретил Первую мировую войну. Исполняющий должность начальника штаба 32-й пехотной дивизии. Полковник (13 ноября 1914; ст. 15 июня 1915). С 3 ноября (по данным Н.Н. Рутыча – с 16 августа) 1915 года назначен командиром 92-го пехотного Печорского полка. С 24 (по данным Н.Н. Рутыча – с 14) ноября 1916 года назначен начальником штаба 23-й пехотной дивизии. Генерал-майор (пр. 22 июня 1917). С конца сентября 1917 года состоял в распоряжении начальника Генерального штаба. На этом служба Вандама в действующей армии закончилась.

11 апреля 1915 года награжден Георгиевским оружием за то, что, будучи старшим адъютантом штаба армии, во время боев на реке Сане, под сильным ружейным и артиллерийским огнем, произвел разведку в районе села Рудник, а добытые им сведения существенно способствовали достижению успеха при овладении этой укрепленной позицией. Также награжден орденами Св. Анны 3-й степени и 4-й степени с мечами и бантом,

Св. Станислава 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Св. Георгия 4-й степени.

В период разложения армии уехал в Эстляндскую губернию и с осени 1917 года проживал под Ревелем в имении своего друга и единомышленника по «германофильским настроениям» генерала и графа П.М. Стенбока, где оставался и при занятии Эстонии германскими войсками до осени 1918 года. После оккупации Эстонии немцами оказалось, что Вандам известен офицерам германского Генерального штаба «как автор военно-литературных трудов, в которых выступал непримиримым противником Англии еще со времен Англо-бурской войны и постоянно высказывался за тесный союз России с Германией». ⁹ (Есть упоминание о том, что брошюра Вандама «Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии» в 1916 г. «была частично переведена в Германии во время войны»). ¹⁰ На совещаниях между представителями германского Генерального штаба и белыми офицерами возник вопрос о командующем будущей Северной русской добровольческой армии. «10 октября (ст. ст.) 1918 года в Пскове состоялось первое совместное заседание русских и немецких представителей по выработке условий формирования русских противобольшевицких сил. По итогам совещания в тот же день было открыто «Бюро по приему добровольцев» для формирования Псковского Добровольческого корпуса (Отдельного корпуса Северной Армии; ОКСА)...». ¹¹

В начале октября 1918 года в имение Стенбока прибыл делегат, полковник Н.Е. Вольф, пригласивший Вандама возглавить добровольческий корпус, который со временем должен развернуться в Северную армию. 12 октября прибыл из Ревеля в Псков и отдал приказ по Псковскому корпусу, в котором объявил, что «временно принимает командование корпусом по просьбе представителей Псковской и Витебской губерний с целью борьбы с советской властью». ¹²

Генерал-лейтенант Б.С. Пермикин вспоминал: «Псковичам нужен был генерал. Взяв представителей из города Пскова, я их повез в будущую Эстонию в имение моего двоюродного брата – генерала, графа Петра Стенбока, майорат “Кольк” (Kolga, эст. – провинция, захолустье – А.Р.), с желанием, чтобы этот боевой офицер возглавил наши формирования. У него жил генерального штаба генерал Вандам, женатый на его сестре. К сожалению, Стенбок решил, что Вандам, занимавшийся до Первой мировой войны политикой и написавший книгу о союзе России с Германией (за что он ушел в отставку), будет лучше него. Долгие колебания генерала Вандама заставили меня вернуться в Псков без него, но представители Пскова все же его уговорили и привезли. В Пскове он нашел бурные и восторженные желания общей активности и бюро “Южной Армии”. Это было начало нашей Северо-Западной Армии в октябре 1918 года и в ближайшем расстоянии от красной столицы». ¹³ «Первое военное совещание состоялось 21 октября 1918 года, на котором генерал Вандам объявил, что вступает во временное командование армией, которую наменовали Северной, до приезда генерала графа Келлера». ¹⁴ Убитый 21 декабря 1918 года в Киеве петлюровцами Ф.А. Келлер в Северную армию так и не прибыл. Командир артиллерийского дивизиона подполковник К.К. Смирнов вспоминал о совещании 21 октября: «Председательствовал генерал-майор Вандам, человек до-

вольно крупного роста, спокойный, сдержанный, производил впечатление всегда чем-то недовольного... Генерал явился на совещание без погон в весьма потертом кителе. Общий вид у него был весьма демократический». ¹⁵

С 12 октября по 16 ноября 1918 года Вандам – командир Отдельного Псковского добровольческого корпуса (предтечи Северо-Западной армии), до 22 ноября 1918 командующий там же корпусом.

2 ноября 1918 года, когда Псков был все еще под немецкой оккупацией, Псковское областное казначейство выпустило 50-рублевые кредитные билеты, на которых стоит подпись командира Северной армии генерал-майора Вандама (эти деньги были прозваны населением Пскова и окрестностей «вандамками»). «Большевики не изъяли из обращения кредитные билеты Вандама по той простой причине, что Экспедиция заготовления государственных бумаг в Петрограде не справлялась с выпуском новых кредитных билетов, не советских, а «романовских», «керенок» и «думок»... Северная армия генерал-майора Вандама была переименована в ОКСА – Особый корпус Северной армии. Командующим ОКСА стал генерал-майор А. П. Родзянко». ¹⁶

После капитуляции Германии положение Вандама, известного своими прогерманскими взглядами, пошатнулось. Начальники частей начали оказывать на Вандама давление с целью принудить его к проведению мобилизации. Усиливались обвинения Вандама в нерешительности и бездействии. Возможно, что были и другие причины для недовольства. 22 июля 1919 года К.И. Дыдоров писал князю А.П. Ливену из Нарвы о Вандаме: «Кто и что здесь генерал Вандам, я пока еще не знаю, но впечатление он производит вообще отталкивающее, а на меня сегодня – самое безотрадное. Если такое старье начнет играть роль в создании новой России, то я не знаю, будет ли от этого толк. Мне кажется, что такие люди будут далеки от жизни, а потому испортят то, что стараются сделать верующие и энергичные». ¹⁷ Б.С. Пермикин полагал, что «генерал Вандам оказался нерешительным человеком и не понимающим самого главного: психологии Гражданской войны. Он не шел на очень многие меры, которые были совершенно необходимы в нашем положении. Все же его формирования в Пскове быстро росли. В день и час ухода немцев из Пскова красные перешли в наступление. <...> Генерал Вандам оставил Псков (после чего мы не видели его почти 9 месяцев)». ¹⁸ Плохо вооруженная Северная армия генерал-майора Вандама не выдержала натиска большевиков. 9 ноября 1919 года М.С. Маргулиес записывал в дневнике: «Генералы... побросали Лужский и Гдовский фронт, где большевики продвинулись с ничтожными силами; не имея разведки, отступали перед горстью неприятеля. Все возмущены начальником штаба Вандамом (настоящая фамилия его Едришкин [автор ошибается, фамилия Едрыхин – А.Р.], сотрудник “Нового времени”). Недовольство Юденичем тоже очень велико». ¹⁹

16 ноября 1918 года Вандам издал приказ о своем уходе с занимаемого поста «по болезни», назначив с 17 ноября временно командовать корпусом полковника Г.Г. фон Нефа. Затем некоторое время Вандам находился в Риге, в период занятия города Красной армией – в Германии. Прибыл в июне 1919 года в Нарву, где 21 июня 1919 года назначен генералом А.П. Родзянко исполняющим обязанности начальника штаба Северо-Западной

армии (утвержден в ней 28 августа). Во время наступления Н.Н. Юденича на Петроград Вандам исполнял эту должность. Принимал участие в разработке операции «Белый Меч» и ее исполнении осенью 1919 года. 25 ноября 1919 года Вандам приказом нового командующего Северо-Западной армией генерала П.В. Глазенапа «убыл в командировку», что стало своего рода «почетной» отставкой.

С 1920 года в эмиграции в Эстонии; жил в Ревеле (Таллинне). Состоял в Объединении георгиевских кавалеров в Эстонии, почетным членом таллиннского отдела Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, членом правления Общества помощи бывшим русским военным служащим в Эстонии и членом суда чести при нем. Состоял в РОВСе, занимая должность начальника штаба эстонского отдела союза. Как пишет Н. Рутыч, А.Е. Вандам скончался в Таллинне 16 сентября 1933 года и был похоронен на русском кладбище при церкви Св. Александра Невского.²⁰ Исследователь И.В. Образцов приводит текст сообщения парижской газеты «Возрождение» от 1 ноября 1933 года о смерти Вандама «в Ревеле 6 сентября 1933 года внезапно от болезни сердца... о чем извещает с глубокой скорбью вдова».²¹ Возможно, что могила генерала сохранилась, а значит можно уточнить вопрос о точной дате его смерти.

Работы А.Е. Вандама только недавно стали доступны читателям, а сделанные им переводы все еще ждут своего часа. Владея иностранными языками (где и когда он их изучил, неизвестно), Вандам перевел с французского и английского книги, в которых затрагивалась геополитическая и военная тематика: Демолен Эдмонд «Аристократическая раса». (СПб., 1906); Рейх (Райх) Эмиль «Современная Германия». (СПб., 1908); Эбергардт Изабелла «Тень Ислама (Записки погибшей от наводнения в Сахаре молодой русской путешественницы)». (СПб., 1913); [Чарльз Репингтон] «Будущая война на суше и на море. Из «Essays and Criticisms» военного сотрудника «The Times» извлек А. Вандам». (СПб., 1913).

В «Письмах о Трансваале» Вандам, анализируя Англо-бурскую войну, как с позиции непосредственного участника, и с точки зрения геополитика, бросает упрек Европе, «своей уступчивостью взрастившей английское нахальство».²²

В книгах «Наше положение» (СПб., 1912) и «Величайшее из искусств. Опыт современного международного положения при свете высшей стратегии» (СПб., 1913) Вандам дает общий геополитический очерк истории России и анализирует внешнеполитическую ситуацию. Циркуляром Морского учебного комитета № 112 от 20 апреля 1913 года книга «Наше положение» была «рекомендована для приобретения в офицерские библиотеки».²³

Вандам полагал, что экспансия, в какие бы формы она ни выливалась (военные, политические, экономические и т. д.), свойственна для любого государства и для любого народа, но «несмотря на большие размеры своей территории, русский народ по сравнению с другими народами белой расы, находится в наименее благоприятных для жизни условиях... Своим географическим положением русский народ обречен на замкнутое, бедное и вследствие этого и неудовлетворенное существование».²⁴ Геополитическое стремление России «к солнцу и теплой воде» определяет и



южный вектор его направления: «Наше движение к югу должно было идти не по всей линии фронта... наступая ... через Черное море и Кавказ к Средиземному морю и через Среднюю Азию к Персидскому заливу, мы, в случае успеха, сразу же выходили бы на величайший из мировых торговых трактов – так называемый Суэцкий путь».²⁵ Однако подобная экспансия России противоречит интересам Англии. Продвижение России на Восток, начатое походом Ермака и продолженное экспедициями промышленников, продолжалось до Тихого океана, но и здесь русские в итоге «должны были отступить перед англосаксами».²⁶ В результате за Россией осталась только Аляска, которая тоже потом была потеряна, и русским пришлось «отходить на ту базу, откуда Беринг начал свои исследования Тихого океана, то есть на Камчатку».²⁷ Если русские власти предпочитали действия, то англосаксы «в искусстве борьбы за жизнь» развили умение мыслить аналитически, и «испещренная океанами, материками и островами земная поверхность является для них своего рода шахматной доской, а тщательно изученные в своих основных свойствах и в духовных качествах своих правителей народы – живыми фигурами и пешками, которыми они двигают с такой рассчитанностью, что их противник, видящий в каждой стоящей перед ним пешке самостоятельного врага, в конце концов теряется в недоумении каким же образом и когда сделан им роковой ход, приведший к проигрышу партии».²⁸



Пока Россия продолжала смотреть на Азию «глазами... московских приказов» и пугать себя «желтой опасностью», Англия овладела Индией и начала успешное проникновение в Китай. На Дальнем Востоке при поддержке Америки против России был подготовлен «англосаксонский авангард» в лице Японии. В результате, в конце XIX века, когда началась постройка Великого сибирского пути, время было упущено и Россию «вытолкнули из Тихого океана».²⁹ Америка взяла в качестве примера для себя Англию, создавшую империю, держащуюся на трех принципах: 1) огромного производства необходимых человечеству предметов; 2) облегающих земной шар морских путей с мощным торговым флотом 3) внешних рынков, представляющих «залог материального благополучия, внутреннего мира и высокого умственного развития».³⁰ Геополитическая борьба англосаксов против России, по мнению ее противников «к середине двадцатого столетия должна будет закончиться торжеством англосаксонской расы на всем земном шаре».³¹ Вандам допускал, что «турецкое и персидское правительства... обнаружили свою неспособность к обновлению управляемых ими народов» и под давлением извне, при сохранении формальной независимости, на месте «турецкого хаоса» при поддержке англосаксов может быть создано новое государство, которое закрыло бы для России выход к Индийскому океану.³²

Вандам полагал, что помимо использования англосаксами в борьбе с Россией третьих стран активную роль в геополитическом противостоянии играет английское масонство. «Если мы присмотримся к тем событиям, которые происходят в подвергнутой наибольшим атакам масонства Франции... тогда нам, может быть, несколько более станет ясным и то, почему наши солдаты получали одновременно в Москве, Иркутске, осажденном Артуре и

японском плену прокламации, напечатанные одним и тем же шрифтом и на одной и той же бумаге, почему эскадра адмирала Рождественского весь свой гигантский марш совершила точно в фанаре, светившем на весь мир, тогда как о японской не знали ровно ничего даже в портах Китая».³³ Как и многие русские правые, Вандам связывал масонство с евреями и революционерами.³⁴ Таким образом, вытеснив Россию с американского берега и северной части Тихого океана, англосаксы перенесли свои действия на азиатский материк, столкнули Россию и Японию и систематически разжигали антироссийскую вражду южно-азиатских народов. При этом они подготовили внутри России группы влияния.

В Европе Англия удалось столкнуть Россию и Францию. «Невольно сделавшись громоотводом Англии и приняв на себя удары ополчившейся против нее Западной Европы, Россия... по мнению Кутузова... должна была ограничиться изгнанием врагов и “сохранить Наполеона для Англии”»,³⁵ однако этого не произошло. Англия не только с выгодой для своей экономики «снабжала сражавшиеся за нее континентальные армии», но и «закладывала прочный фундамент своего материального благосостояния и своей нынешней грандиозной Империи» оставшись в итоге единственной морской державой в Европе.³⁶ За разгром наполеоновской Франции Россию «отблагодарили» Крымской войной и «помогая Англии валить Францию, мы упустили время, когда... смело могли пробить себе путь к южным морям».³⁷ В перспективе Англия собирается направить против России «последнего из ее серьезных соперников» – Германию и готовится сделать из Балканского кризиса «завязку общеевропейской войны, которая, еще больше чем в начале прошлого столетия [то есть XIX в.; имеются в виду наполеоновские войны – А.Р.] опустошив и обессилив континент, явилась бы выгодной для одной только Англии».³⁸ Вандам считал, что в сложившейся ситуации, «пора бы задыхающимся в своем концентрационном лагере белым народам понять, что единственным разумным выходом balance of power in Europe³⁹ была бы коалиция сухопутных держав против утонченного, но более опасного, чем наполеоновский, деспотизма Англии и... присваивая себе исключительное право на пользование всеми благами мира, англичанам следует и защищать его одними собственными силами».⁴⁰ В качестве возможных союзников России по коалиции Вандам видел Германию и Францию.

В книге «Величайшее из искусств» Вандам также резко критиковал политику Англии, цель которой «уничто-

жив морские силы своих соперников и заперев последних на материке, – удерживать их на нем подвижными стенами своего могущественного флота».⁴¹ Поскольку потерявшие бывшее влияние Испания и Франция не представляют для Англичан опасности, их внимание сосредоточено на Германии, которая «сделавшись морской Державой, Германия до дерзости смело выступила против могущественной и не терпящей никаких посягательств на ее жизненные интересы Океанской Империи и этим положила начало целому урагану событий...».⁴² Англичане использовали в борьбе с усиливающейся Германией не столько военные, сколько дипломатические средства, поскольку «как бы обдумана и тщательно ни была подготовка англичан к войне... как ни велики были бы шансы их на успешный исход этой войны – они не могут вступить в единоборство с германцами...».⁴³ Следовательно, Англия делает все возможное, чтобы столкнуться континентальные державы, и тогда «пожар войны охватит, как и в начале прошлого столетия, всю Европу».⁴⁴ В Германии «при первом же ощущении тесноты... покатился глухой стихийный гул “Drang nach Osten”, то есть “пойдем искать земли на

восток”», но «лучшие германские умы скоро поняли всю невозможность распространения за счет почти столь же густо населенной России и... Германия перестала быть нашим соперником на театре борьбы за существование и превратилась в естественного союзника».⁴⁵ Вандам полагал, что общеевропейская война полезна только Англии, но поскольку вести ее в одиночку (или в союзе с Францией и Испанией) она не сможет, будет сделано все для того, чтобы принудить Россию к столкновению с Германией. Поэтому «нам никоим образом не следует класть голову на подушку соглашений с такими народами, искусство борьбы за жизнь которых много выше нашего, а нужно рассчитывать лишь на самих себя».⁴⁶

В предисловии к работе «Наше положение» Вандам скромно писал, что его «маленький труд» представляет собой «лишь легкую цапину на девственной и безотлагательно требующей разработки почве русской политической мысли»,⁴⁷ но, по мнению современных исследователей, труды Вандама заложили фундамент отечественной геополитической школы, и их переиздания оказываются востребованными в наше время.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- 1 Образцов И.В. Алексей Вандам: «Англия начнет войну лишь в том случае, если ей удастся вовлечь в нее Россию...» // Военно-исторический журнал. 2001. № 7; Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002; Абисогомян Р. Биографический справочник // Приложение к магистерской диссертации Р. Абисогомяна «Роль русских военных деятелей в общественной и культурной жизни Эстонской Республики 1920–1930-х гг. и их литературное наследие». Тарту, 2007; Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.
- 2 Вандам А. Очерк событий на Филиппинах с 1896 по 1901 год // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1904. Вып. LXXVII; Он же. Наше положение. СПб., 1912; Он же. Величайшее из искусств. Опыт современного международного положения при свете высшей стратегии. СПб., 1913; Он же. При недостатке снарядов // Ревельский русский инвалид. 1930. Ноябрь; Он же. Геополитика и геостратегия / Сост., вступ. ст. и комм. И. Образцова; заключит. Ст. И. Даниленко. Жуковский-М., 2002 [на обложке и титульном листе ошибочно указано Е.А. Вандам, в содержании на с. 271 вместо фамилии И. Образцов ошибочно указано И. Обручев]; Неуслышанные пророки грядущих войн: Сборник / А. Вандам, Н. Головин, А. Бубнов; пред., сост. И. Образцов. М., 2004.
- 3 Особенно следует отметить републикации работ Вандама, осуществленные И.В. Образцовым.
- 4 В книге Н.Н. Рутыча написано, что А.Е. Вандам поступил вольноопределяющимся в 120-й пехотный полк 24 декабря 1894 г. // Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 149. Указание на 1894 г. в качестве даты поступления перекочевало из книги Рутыча в другие биографии Вандама. И.В. Образцов в качестве даты поступления указывает 1884 г., что представляется нам правильным // Образцов И. Алексей Ефимович Вандам (Едрыхин) // Неуслышанные пророки грядущих войн. С. 6.
- 5 Цит. по: Образцов И. Алексей Ефимович Вандам (Едрыхин). С. 8–9.
- 6 Там же. С. 9–10
- 7 Там же.
- 8 Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича. С. 149.
- 9 Там же. С. 151.
- 10 Там же. С. 433.
- 11 Страницы Белой Борьбы на Северо-Западе России. 1919 год. Новые документы / Комм., прим., публ. С.Г. Зирина // Михайлов день 1-й. Журнал исторической России. Ямбург, 2005. С. 230.
- 12 Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича. С. 151.
- 13 Генерал-лейтенант Б.С. Пермикин. Из моих записок / Публ. С.Г. Зирина // Белое движение на Северо-Западе России и судьбы его участников. Материалы Третьей международной научно-исторической конференции в г. Пскове. Псков, 2009. С. 8–9.
- 14 Белая борьба на Северо-Западе России / Сост., науч. ред., пред. и комм. С.В. Волкова. М. 2003. С. 181
- 15 Цит. по: Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича. С. 151.
- 16 Полчанинов Р.В. Денежные знаки белых на северо-западе России // Белое движение на северо-западе России. Белая гвардия. Альманах. М., 2003. № 7. С. 55
- 17 Цит. по: Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича. С. 471.
- 18 Генерал-лейтенант Б.С. Пермикин. Из моих записок... С. 11.
- 19 Маргулис М.С. Из дневника // Юденич под Петроградом. Л., 1991. С. 201.
- 20 Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича. С. 153.
- 21 Образцов И. Алексей Ефимович Вандам (Едрыхин). С. 18.
- 22 Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия. С. 196.
- 23 Образцов И. Алексей Ефимович Вандам (Едрыхин). С. 16.
- 24 Вандам А. Наше положение. СПб., 1912. С. 5–6.
- 25 Там же. С. 6–7.
- 26 Там же. С. 18.
- 27 Там же. С. 21.
- 28 Там же. С. 27–28.
- 29 Там же. С. 88.
- 30 Там же. С. 89.
- 31 Там же. С. 98.
- 32 Там же. С. 102–103.
- 33 Новое время. 1906. 26 февраля.
- 34 Вандам А. Наше положение. С. 110–116.
- 35 Там же. С. 173.
- 36 Там же. С. 177. 180.
- 37 Там же. С. 196–197.
- 38 Там же. С. 198. 203.
- 39 Равновесие сил в Европе (пер с англ.).
- 40 Там же. С. 203–204.
- 41 Вандам А. Величайшее из искусств. Опыт современного международного положения при свете высшей стратегии. СПб., 1913. С. 10.
- 42 Там же. С. 12.
- 43 Там же. С. 28–29.
- 44 Там же. С. 23.
- 45 Там же. С. 37–38.
- 46 Там же. С. 52.
- 47 Вандам А. Наше положение. С. 4. В предисловии И.В. Образцов, ссылаясь на данные рассуждения Вандама, ошибочно указывает в качестве источника 3-ю страницу работы Вандама «Величайшее из искусств» // Образцов И. Алексей Ефимович Вандам (Едрыхин). С. 16, сноска 1.

Алексей Вандам

НАШЕ ПОЛОЖЕНИЕ

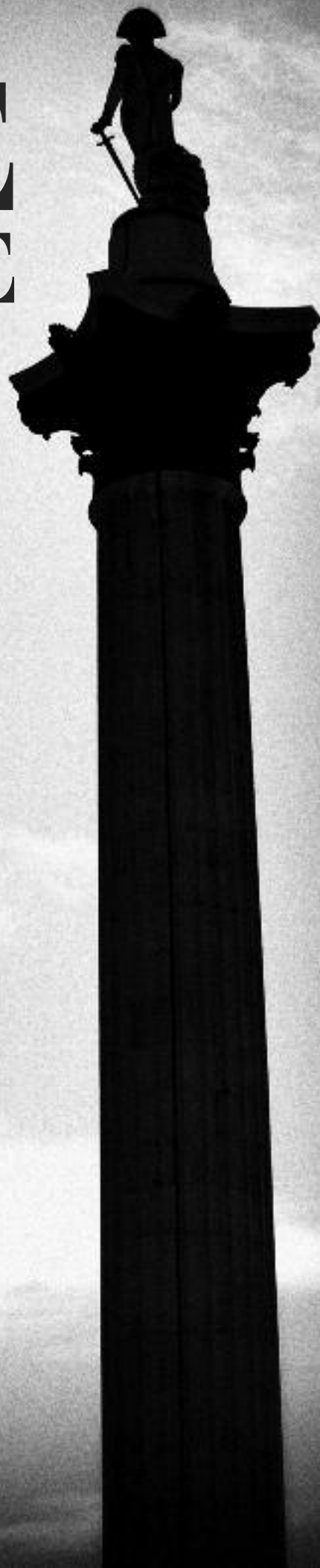
Текст публикуется по изданию: Вандам А. *Наше положение*.
СПб.: Типография А. С. Суворина, 1912. С. 163–180.

XXXI

Возлагая на себя корону Франции, Наполеон лучше, чем кто-либо другой, знал, что в борьбе за жизнь Франция встретилась с Англией на такой узкой дороге, мирное расхождение на которой невозможно, и что до тех пор, пока не будет обезврежен страшный островной враг, – его империя все время будет служить наковальней для приводимых в движение английским искусством континентальных молотов. А поэтому, не ослабляя своей государственной деятельности, Наполеон тщательно начал готовиться к высадке на Великобританские острова. С этой целью в Булонский лагерь стянуты были лучшие полки, отобранные из египетской, итальянской и рейнской армий, и из них образована была превосходно дисциплинированная, вооруженная и самим Наполеоном обученная десантным действиям «Великая армия». Совершенно готовая к посадке на стоявшие у пристани суда, она ждала лишь прихода эскадры адмирала Вильнева, которая должна была прикрыть переправу.

Но в то время как не знавший равных себе в командовании армиями французский Марс собирался опустить свою тяжелую руку над Лондоном, – распоряжавшийся судьбами Европы английский Юпитер заносил уже своему противнику удар на оба его фланга: на левый против находившегося у берегов Испании Вильнева послан был адмирал Нельсон (покончивший с французским флотом у Трафальгара 21 октября 1805 г.), а на правый выходили Россия и Австрия (3-я коалиция 1805 г.).

Узнав о наступлении австрийцев, Наполеон повернул свою «Великую армию» на восток, захватил в плен армию Мака под Ульмом и, выйдя через Вену в Моравию, боем под Аустерлицем заставил русских отойти к своим границам, а Австрию – положить оружие.



XXXII

Хотя после Аустерлицкого сражения непримиримый враг Франции Питт скоро сошел со сцены,¹ но события начинали принимать такой опасный для Англии поворот, что она была обязана продолжать войну, и последняя с каждым годом начала захватывать все больший и больший театр и становиться все более и более кровопролитной.

В образовавшуюся в следующем 1806 г. четвертую коалицию против Франции вошли Россия и Пруссия.

Превыше всего гордясь своею фридриховскою тактикой, весьма почтенные летами прусские генералы охотно верили тому, что только одни они в состоянии проучить молодых маршалов юноши-императора. Этой же мыслью прониклась не пропускавшая ни одного парада королева Луиза, оказавшая сильное влияние на осторожного короля. Не желая делить лавры с русскими, прусский король еще до подхода нашей армии послал Наполеону требование убрать свои войска за Рейн.

Ответ на это требование последовал немедленно. В течение всего лишь одного месяца Пруссия лежала у ног Наполеона.

Но эти вынужденные победы могли вызывать восторг и тешить самолюбие человека менее прозорливого, чем Наполеон, ибо самые сильные удары, наносившиеся им союзникам Англии, слабо отражались на этой последней и лишь осложняли борьбу с ней. Решив поэтому прервать всякую связь Англии с континентом, Наполеон первым делом по вступлении в Берлин объявил «Британские острова в состоянии блокады» и прежде всего, обязал Пруссию не покупать английских товаров, а захваченные сжигать.

Двинувшись затем навстречу русской армии, он после Прейсиш-Эйлау и Фридланда обязал и Россию закрыть свои порты для англичан.

Теперь, для того чтобы распространить эту так называемую «континентальную систему» на всю Европу, нужно было закрыть порты Испании и Португалии. С этой целью Наполеон направился за Пиренеи и 4 декабря 1808 г. вступил в Мадрид, а в это время Англия выдвинула ему в тыл Австрию (5-я коалиция 1809 г.).

С изумительной быстротой повернув назад, Наполеон сначала в пятидневном бою под Экмюлем и Ратисбоном разбросал австрийские армии, затем в Ваграмском бою dokonчил их поражение и по Венскому миру присоединил к Франции все восточное побережье Адриатического моря. Иными словами – фактически распространил континентальную систему и на Австрию.

После войны 1809 г. общая обстановка на театре борьбы за жизнь между Англией и Францией сложилась следующим образом:

В течение восемнадцати лет, не объявив сама ни одной войны (кроме вынужденного похода за Пиренеи), но *активно отражая* методически, точно волны прибой, накатывавшиеся на ее правый фланг коалиционные армии, – Франция распространила свое господство на всю Западную Европу.

Распоряжаясь теперь богатствами последней в людях и деньгах, владея всеми побережьями Северного моря и обладая воплотившейся в лице ее императора творческой энергией, она имела возможность в короткое время создать превосходный парусный флот, переправить под прикрытием его на Британские острова какой угодно силы армию и покончить с неустанно нападавшим на нее врагом в его же собственном доме.

Эта операция являлась тем более осуществимой, что оставшаяся одинокой Англия была накануне оборонительной войны с С.-А. Соединенными Штатами, долженствовавшей отвлечь значительную часть ее морских сил на запад.

Таким образом, для Англии близился уже тот судный день, когда она, нарвавшись на гения Наполеона, должна была опуститься на уровень сваленных ею Голландии и Испании.

Но преемственно даровитый английский кабинет вывел ее и из этого положения.

В то время вполне независимыми и могущественными державами в Европе оставались лишь – сама Англия, деспотически царившая на море, Франция, господствовавшая над западной половиной Европы, и Россия, владевшая восточной половиной этого материка. Так как между двумя последними не было ровно никаких причин для жизненного соперничества, требовавших устранения вооруженной силой, то вся работа английской дипломатии сосредоточилась на создании их искусственным образом и прежде всего на том, чтобы охладить дружественные после тильзитской и эрфуртской встреч отношения между императором Александром I и Наполеоном и довести их до открытого разрыва.

Одним из главных орудий для этой цели явился собственный министр Наполеона Талейран.

Посланный в Петербурге с деликатнейшею миссией, долженствовавшей привести к прочному союзу между Россией и Францией, он поступил так, как диктовали ему его личные интересы. «J'avoue, – пишет он, – que j'étais effrayé d'une alliance de plus entre la France et la Russie. A mon sens, il fallait arriver a ce que l'idée de cette alliance fut assez admise pour satisfaire Napoléon, et a ce qu'il y eut cependant des réserves qui la rendissent difficile».²

Умно посеянные опытным христопродавцем семена взаимного неудовольствия, быстро разрастаясь в личную обиду и непримиримую ненависть, в конце концов запурпуровели кровавым плодом войны.

2 «Должен сознаться, что очередной союз России и Франции привел меня в ужас. Следует, как мне кажется, признать, что идея такого альянса была, с одной стороны, вполне приемлемой, чтобы удовлетворить Наполеона, но с другой, – имела немало препятствий к реализации» (пер. с франц.).

1 Весть об Аустерлицкой победе Наполеона действовала на Питта так сильно, что он потерял сознание и пришел в себя уже полуразбитый параличом. Но и больной, он не переставал думать о шансах войны с Францией. «Сверните ее, – сказал он однажды, указывая глазами на карту Европы, – она не понадобится в течение десяти лет» (то есть до 1815 г., или Ватерлоо!). Вот оно – божественное знание той сложной европейской машины, которую приводил в движение этот гениальный человек. Питт умер в январе 1806 г. Спокойно вынося клевету печати, обвинявшую его в не совсем честном расходовании колоссальных сумм, проходивших через его руки на субсидирование континентальных держав, он оставил после себя 800000 р. долга, который по единогласному постановлению Палаты общин уплачен был народом.

Закончив все приготовления к далекому и трудному походу, Наполеон в мае 1812 г. прибыл в Дрезден и здесь, во всем блеске своего величия, окруженный свитой королеванных вассалов, обнажил меч против России.

И вот, по одному мановению бога войны уже стоявшие под ружьем 680000 французов, пруссаков, австрийцев, саксонцев, баварцев, вюртембергцев, вестфальцев, голландцев, итальянцев, поляков и т.д. трогаются с места, и весь этот бурный поток разноязычных народов с тяжелым громытием орудий, скрипом обозов, топотом и ржанием 176850 лошадей устремляется к востоку...

Никогда еще, как именно в эту минуту, не мог английский гений сказать с большим правом, что «политика есть господство ума над чувствами и материей»; никогда изобретенное им «the balance of power in Europe»³ не получило столь полного и столь внушительного выражения, как теперь, когда на одну чашу весов положена была западная половина Европы, а на другую – восточная, и никогда английский народ не имел больше основания гордиться своим правительством, как теперь, когда «the great Shadow» – «Великая тень», приводившая в уныние и трепет Британские острова, отброшена была наконец в сторону и поползла на зубчатые стены Московского Кремля...

XXXIII

Невольно сделавшись громоотводом Англии и приняв на себя удары ополчившейся против нее Западной Европы, Россия обнаружила все присущее ее народу и армии мужество, но при этом, по мнению Кутузова, она должна была ограничиться изгнанием врагов и «сохранить Наполеона для Англии».

К несчастью, окружавшая государя свита из англичанина Роберта Уилтона, шведа Армфельда, пруссаков Вольцогена и Винценгероде, эльзасца Амштедта, пьемонтца Мишо и корсиканца Поццоди ди Борго, не обращая внимания на разорение страны и усталость войск, напрягала все усилия к тому, чтобы перенести войну за границу для освобождения от ига Наполеона и Западной Европы.

Старания иностранцев увенчались успехом, и 1 января русская армия переправилась за Неман.

Начавшееся, таким образом, обратное течение народов с востока на запад должно было оказать самое решительное влияние на ход англо-французской борьбы, так как по мере приближения к границам Франции число наступавших на нее континентальных держав увеличивалось, силы их росли и дух креп в той же прогрессии, в какой убывала мощь Франции.

Уже в мае 1813 г. под Люценом и Бауценом под знаменами Наполеона сражалась армия, отпущенная ему, так сказать, в кредит, ибо в ее рядах находились взятые до срока контингенты 1813–1814 и 15 гг. Во время Пойшвицкого перемирия, надавив на Францию всей тяжестью своей власти и выжав из нее последние соки, он довел свои силы до 350000 человек, но это были солдаты уже только по имени, и во главе их стояли не львы Аустерлица, Ваграма, Иены и Ауэрштедта. Идеальный начальник

штаба Бертье, перенеся воспаление мозга, страдал забывчивостью, мечтал об охоте в своем недавно приобретенном имении и перепутывал приказания. Перегруженные наградами и славою маршалы вслух думали о прекращении войны и возвращении во Францию.

Наконец, сам Наполеон, надломленный московским походом, заболел старческой апатией. Еще недавно окрылявшая его гений музыка орудий перестала действовать на его душу, и иногда в пылу боя, сидя на барабане, он тщетно старался поднять свои веки, поминутно наливавшиеся свинцом дремоты. А поэтому при образцовой в техническом смысле подготовке операций на Эльбе, – в самом выполнении их уже не было вдохновения. Не доведенная до конца победа его под Дрезденом (август 1813 г.) и целый ряд сражений (Кацбах, Гросбеерн, Денневиц, Кульм), проигранных его маршалами, заставили его отойти к Лейпцигу. Здесь в трехдневной «битве народов» (октябрь 1813 г.) вместе с потерей Германии рухнуло господство Наполеона над Западной Европой, и он вынужден был уже не отступать, а пробиваться сквозь восставшие в тылу народы Рейнского союза.

В январе 1814 г. огромная масса союзных войск общей численностью около 400000 человек тремя потоками начала переливаться через границы Франции.

Оставшийся с несколькими дивизиями гвардии и новобранцами в возрасте наших потешных, всего 60000 человек, Наполеон еще раз проявил былую энергию. С невероятной быстротой и львиной отвагой бросаясь то против одной, то против другой колонны, он одерживает целый ряд побед. Его январские и февральские С. Дизье, Бриен, Шампобер, Монмираль, Вошан и Монтеро заняли весьма почетные места в стратегии и тактике, но в ходе событий это была уже агония. С каждым разом удары его становятся слабее и слабее. За Краоном следует Лаон, за Лаоном – Арсис-сюр-Об, и отброшенный в сторону лев открывает союзникам путь к столице.

С занятием Парижа союзными войсками участь Наполеона как императора и участь Франции как мировой державы были решены окончательно. Вместе с тем определилась до известной степени и судьба всех народов континентальной Европы.

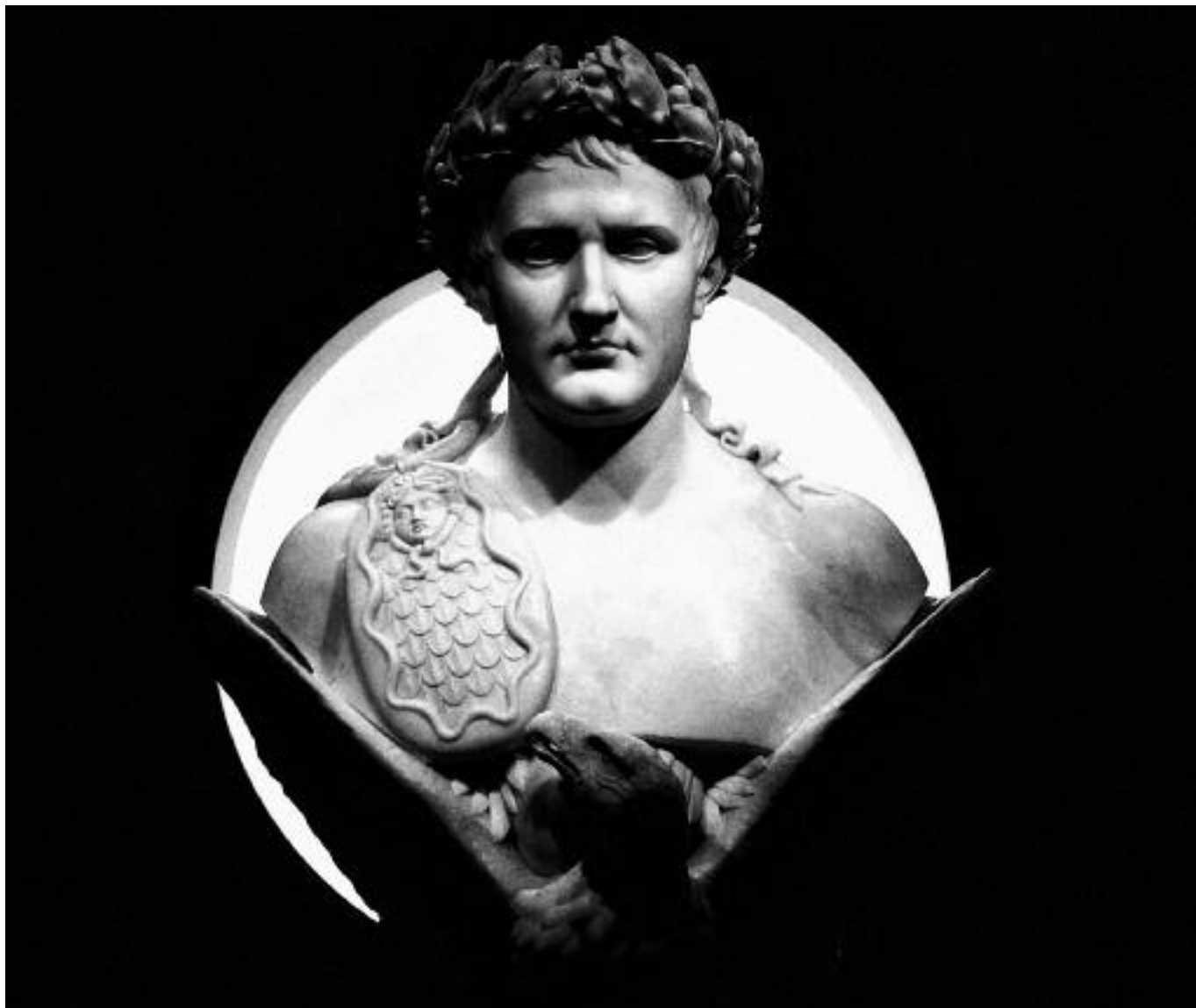
Едва избавясь от грубого по форме диктаторства «Наполеона-человека», Европа сейчас же подпала под утонченное и полное рокового значения иго «Наполеона-народа»...

XXXIV

В течение двадцати трех лет ведя крайне упорную борьбу с Францией, Англия своими собственными войсками почти не участвовала в боях. Вместо того чтобы проливать драгоценную кровь своих подданных, она снабжала сражавшиеся за нее континентальные армии пушками, снарядами, ружьями, одеялами, сапогами, платками, седлами, шанцевым инструментом и т.п.; не участвовавших в бою она одевала в свои ткани, привозила им посуду, стальные изделия, предметы роскоши и, как хозяйка морей, обеспечивала материк всеми колониальными товарами. Иными словами, была поставщиком по горло занятой войнами Европы.

С введением континентальной системы, когда для распространения ее и на Пиренейский полуостров Напо-

3 Равновесие сил в Европе (пер с англ.).



леон двинул свои войска против Испании и Португалии, Англия немедленно послала на помощь последним небольшую армию, а ее корабли направились к берегам Америки, дали толчок к восстанию испанских колоний и, уничтожив торговую монополию испанцев, открыли для английской торговли обширный американский рынок.

Одновременно с этим обладавшие изумительной широтой взгляда, при которой весь земной шар казался им много меньше, чем нам кажется сейчас Россия, государственные люди Англии делали и другое не менее важное дело.

В 1799 г., когда наши войска штыками прокладывали себе путь в теснинах Швейцарии, Англия заняла Мальту и, утвердив свое господство на Средиземном море, закупила нам проливы.

В 1805 г., во время Шенграбенского и Аустерлицкого боев, уже проложив цепь этапов вдоль западного берега Африки, она отняла у голландцев лежавшую на тогдашнем пути в Индию и представлявшую собою превосходную базу для наступления вглубь Африки Капскую колонию, а по восточную сторону этого материка захватила у французов вытянувшиеся по направлению к Индии группы островов Иль-де-Франс и Сейшельские.

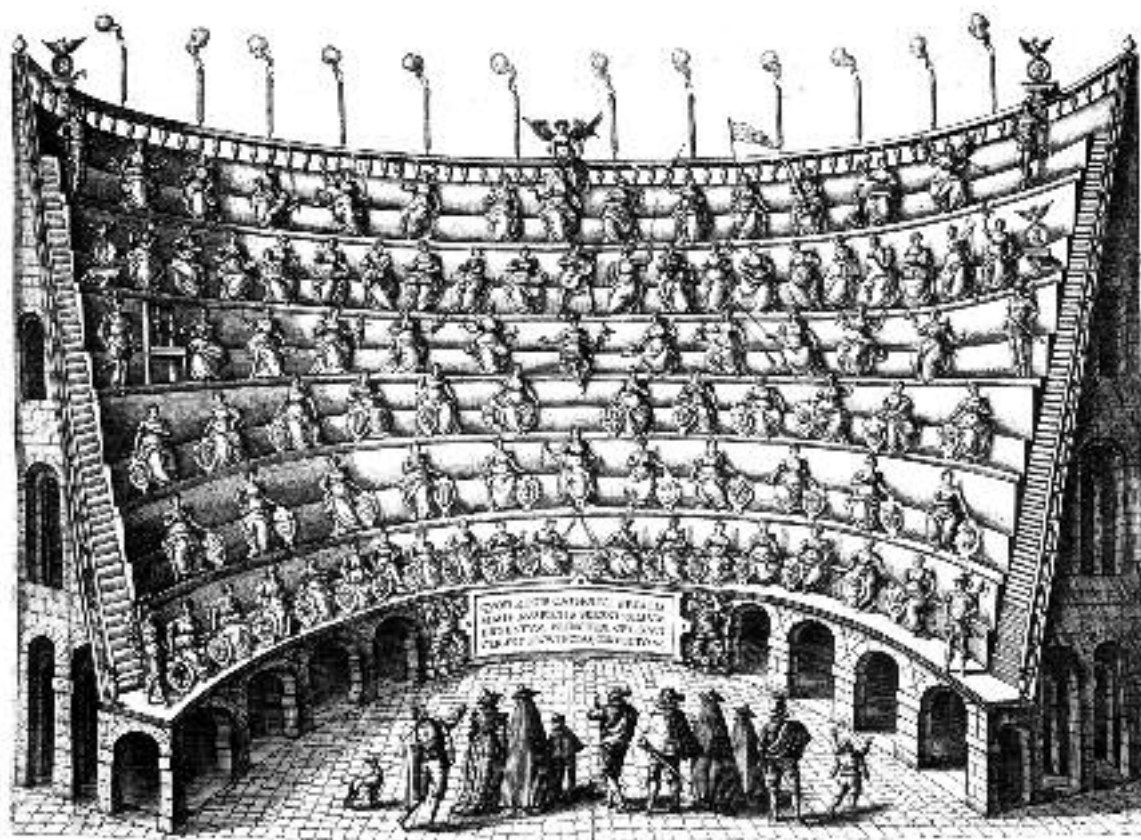
В 1813 г., в то время как наша армия спасала Западную Европу под Дрезденом и Лейпцигом, она заканчивала уже завоевание Индии, чтобы с этой базы распространить свое господство на юг Азии и преградить нам наступление по всему нашему фронту.

Короче говоря, в то время как вся континентальная Европа выжимала из себя все соки в ожесточенных, но представлявших для нее самой одно сплошное недоразумение войнах, Англия закладывала прочный фундамент своего материального благосостояния и своей нынешней грандиозной империи.

Затем, после победы над Францией, оставшись единственной морской державой, она окружила европейский материк своим могущественным флотом и, точно насыщенной электричеством изгородью, размежевала им земной шар следующим образом:

Все, что находилось снаружи этой изгороди, то есть весь безграничный простор морей с разбросанными на них островами, все самые обильные теплом, светом и природными богатствами страны, словом, весь Божий мир она предоставила в пользование англосаксов, а для всех остальных народов белой расы устроила на материке концентрационный лагерь.

Консервативная социология КАРЛА ШМИТТА



Валерий Афанасьев

Политические идеи давно исследуемого мной Освальда Шпенглера очень близки взглядам другого известного немецкого ученого Карла Шмитта (1888–1985). Шмитт внес важный вклад в развитие политической социологии XX века. Его работы «Понятие политического» (1932), «Земля и Море» (1942) и другие стали известны далеко за пределами Германии. Шмитт борется с либерально-пацифистской идеологией и формулирует важные проблемы развития европейской демократии в связи со становлением массового общества.

Ставя политическую борьбу в центр общественной жизни, он полагал, что война является наивысшим выражением большой политики. Стремясь оставаться объективным, он не боится показать политику со всеми ее опасностями и негативными сторонами, в то время как либералы стремятся сделать политику безопасной, безобидной и даже удобной. Не случайно у Шмитта в основе политической деятельности лежит готовность человека к смерти, с чем никогда не согласятся либералы и пацифисты.

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

Карл Шмитт следующим образом представил картину эволюции европейских политических форм: от абсолютного государства XVIII века, которому тогда еще не противостояло «общество», через «нейтральное» государство XIX века, стоявшим над «обществом», к «тотальному» государству XX века, в котором государство и «общество» полностью проникают друг в друга. Шмитт конструирует два противоположных, но зависящих друг от друга исторических движения. С одной стороны, это падение политической общественной жизни благодаря распространению либерализма, с другой стороны, процесс тотализации государства, благодаря развитию в тени либерализма демократии. Базисом его политической теории является историческая конструкция, которую мы постараемся рассмотреть.

Эта конструкция состоит из «неполитического» либерализма и его врага в лице «политической» тотальной демократии. Хотя Шмитт считает либерализм по своей природе аполитическим настроением духа, «денатуратом политики», тем не менее он играет важную роль в политике. Согласно Шмитту не существует либеральных теорий политики, а есть только либеральная критика политики. Теория либерализма является лишь практическим инструментом во внутриполитической борьбе против насилия со стороны государства. Причиной либеральных теорий Шмитт считает индивидуализм, основанный на индивидуальной свободе. Либерализм считает задачей государства и политики лишь создание условий для индивидуальной свободы и устранение всех ее преград.

В качестве альтернативы либерализму, по мнению Шмитта, может выступить лишь коллективизм. Важное значение при этом имеет отношение человека к смерти. Если индивидуализм считает, что каждый человек сам должен распоряжаться своей жизнью, то коллективизм призывает пожертвовать ею ради коллектива. Политический коллективизм выступает не только за самопожертвование, но и готов жертвовать жизнями других людей.

По мнению Шмитта, либерализм не является политической теорией потому, что не считает, что человек зол по своей природе. Либерализм не способен на радикализм, то есть на решительность, которая очень важна в политике. Для либерализма типична двойственность, поляриность мышления (этика и экономика, дух и выгода, образование и собственность). В нем отсутствует сердцевина, а его нерешительность приводит к распространению аполитичности. Либерализм не может выбрать между самостоятельными сферами этики и экономики, постоянно мечется, ставя во главу угла то одно, то другое. Именно поэтому для него характерен как этический пафос, так и экономическая деловитость. Он не хочет видеть сущности политического в постоянной борьбе этики и экономики. В результате этого бегства от политики возникает сфера, лишенная политики, состоящая из дискуссий, а не борьбы, из человечества, а не из государств, из программ, а не из самоутверждения, из экономического контроля, а не из политического господства. Шмитт упрекает либерализм в непоследовательности, в игнорировании политического деления на друзей и врагов, что является сущностью политического.¹

В XIX веке экономика становится врагом государства. Основанная на конкурентной борьбе, она казалось была



Валерий Владимирович Афанасьев — доктор политических наук, доцент социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

способной полностью исключить войну из политики. Кроме того, экономика боролась с остатками абсолютистского государства и феодальной аристократии. Может показаться, что либерализм стоит на позициях экономики, но на самом деле он мечется между этикой и экономикой. Однако, по мнению Шмитта, либерализму не удалось победить политику, ему удалось сделать неполитическими только некоторые понятия. Современный экономический империализм, как раз и являющийся воплощением либерализма, пытается подменить понятия и не называет врага врагом, а «нарушителем мира», а войны ведет под моральными лозунгами «крестовых походов» или «последней войны человечества». Согласно либеральной доктрине государство и политика подлежат подчинению или индивидуалистической морали или экономическим категориям.

В отличие от других современных ему исследователей Шмитт обратил внимание на то, что демократическое правление с неизбежностью ведет к так называемой «тотализации» государства, когда ранее «нейтральные» по отношению к политике области религии, культуры и экономики также становятся ареной политической борьбы, становятся частью государства. По мнению немецкого ученого, демократическим государство становится в тот момент, когда заканчивается процесс «располитизации» общества, начатый либерализмом. Осуществление демократии связано с устранением либерализма и его главного продукта — буржуазного правового государства. Демократия является процессом уничтожения этого государства.

Либерализм способствовал тому, что сфера политического, ранее имевшая свои четкие границы, начала размываться. Одновременно с этим процессом стали политизироваться другие сферы общественной жизни. Но распространение политики на другие общественные сферы, как и использование этих сфер для достижения политических целей, означает для Шмитта не что иное, как начало процесса «тотализации» государства.

Современную политическую систему Веймарской Германии, по мнению Шмитта, определяло три момента: плюрализм, поликратия и федерализм. Поликратия — это множество организованных комплексов

власти, участвующих в государственном управлении². Переход к тотальному государству особенно хорошо виден на процессе принятия решений в условиях плюрализма и поликратии. Плюралистическое государство в виде парламентского правового государства в Германии представляло собой искажение истинного государства и предшествовало тотальному государству.

Дуализм государства и общества ведет к дуализму диктатуры и парламентаризма, мероприятия и нормы. Шмитт заметил переход от конституционного государства к партийному государству и от партийного государства к тотальному государству. Конституционное государство XIX века состояло из правительства, монархической бюрократии и армии. Ему противостояло гражданское общество. В этот период государство и общество находятся в состоянии баланса сил.

Этот баланс нарушается тогда, когда наступает господство парламентского правового государства. Задача парламента состояла во внедрении образованной буржуазии в монархическое государство. Важным моментом здесь становится участие народных представителей в правительстве.

В тот момент, когда правовое государство побеждает монархическое, оно подрывает свою же основу и превращается в плюралистическое партийное государство. Сформированное парламентом правительство, резко теряет теперь свою эффективность и занимается бесконечными дискуссиями. Плюралистическое партийное государство уже является переходом к тотальному государству.

КРИЗИС ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Анализируя современную ему Веймарскую Германию, Шмитт приходит к выводу, что наступил кризис парламентаризма. Принципами парламентаризма являются открытость и дискуссия. Депутаты должны быть не представителями партий, а представителями всего народа. Законодатель должен быть отделен от того, кто следит за соблюдением законов. Но это в теории, а на практике, происходит все наоборот. Дискуссии становятся пустой формальностью, партийные лидеры обо всем договариваются заранее, так, что результаты голосования можно точно предсказать. Во всех переговорах решающим является не суть дела, а возможности получить те или иные выгоды, при этом речи служат только для прикрытия корыстных интересов отдельных групп. В результате гарантированные конституцией права постоянно нарушаются, а новые законы возникают благодаря произволу отдельных групп и тем самым дискредитируются. Происходит формализация права, когда любая команда



сверху легко облекается в форму закона и легализуется, утверждается парламентом и становится обязательной для судий. Постепенно законами становятся отдельные мероприятия правительства, хотя они в принципе не должны зависеть от последних.

Все это ведет в конечном счете к превращению правового государства в «сложный абсолютизм».³ От власти закона быстро приходят к власти организаций, занимающихся законодательством. Одновременно происходит нарушение политического единства государства. Партии трансформируются в организации, тотально контролирующие своих членов. Постоянно меняющееся парламентское большинство правит как при «абсолютизме». Правовое государство хотело ограничить возможности монархической власти, но само пришло к «системе суверенных актов», так и не осуществив

свою мечту о разделении властей.

Идея парламента, как центра открытых дискуссий, ведущих к принятию правильных законов предполагает, что в нем должна быть собрана вся элита нации. Депутат должен быть интеллигентным, иметь хорошее образование и отстаивать независимую позицию. На деле же все депутаты стремятся провести точку зрения своей партии. Всех, кто сопротивляется этому, принуждают всевозможными методами. Политический вес фракций определяется исключительно числом их мандатов. Проводить публичные дискуссии в парламенте, отражая интересы всех классов общества невозможно. Постепенно парламент теряет свой представительский характер и превращается в аппарат обычного министерства.

Парламентская система немыслима без партий, которые должны объединиться в парламенте, задачей которого является координация многообразия их политических волей. Партии основаны на принципе свободной пропаганды своих идей и программ. Партии не должны быть слишком жесткими постольку, поскольку могут тем самым стать на пути необходимых социальных преобразований. На практике партии Веймарской Германии, по мнению Шмитта, представляют собой хорошо организованные образования, имеющие сильную, состоящую из оплачиваемых функционеров бюрократию и сеть более мелких организаций, так или иначе находящихся под их влиянием. Каждая партия стремится развиваться в идеологическом, экономическом направлении и по возможности расширять сферу своего политического влияния. Все это приводит к тому, что государственное единство начинает страдать от укрепления партий. Государственная воля становится зависимой от частных, порой сиюминутных интересов.

КРИЗИС ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Правительства, основанные на союзах наиболее влиятельных партий, по мнению Карла Шмитта, не способны проводить последовательную государственную политику, но в состоянии никого другого не подпустить к власти. Участвующие в этих правительствах партии всячески добиваются для себя экономических выгод и хотят получить как можно больше хорошо оплачиваемых мест в органах власти различного уровня. Партии же, которые действительно отстаивают государственные интересы, вынуждены принять эти правила игры, чтобы не быть полностью отстраненными от политики.

Аналогичные проблемы намечаются и в подборе кадров для государственной службы. Вместо того чтобы выбирать на ответственные посты наиболее добросовестных и ответственных чиновников, эти места распределяются между партийными функционерами. Шмитт постоянно подчеркивает, что депутаты должны избираться непосредственно избирателями, а не выдвигаться от партий. В то же время благодаря различного рода барьерам мелкие партии лишаются возможности участвовать в работе парламента.

Во время выборов все больше выбирают не независимых кандидатов, а представителей партий по партийным спискам. Граждане, не состоящие в партиях, должны выбирать одну из существующих партий, хотя они не поддерживают их программ и их лидеров. Выборы превращаются в статистический раздел государства на несколько хорошо организованных социальных комплексов. Депутаты становятся функционерами, получающими указания извне, которых уже не выбирают граждане, а назначают партии. Обсуждение законов превращается в пустой фарс. Политические партии используют все политические инструменты для борьбы с другими партиями, а все партии вместе борются с государством. Этому всему только тогда наступает конец, когда происходит демократический поворот к тотальному государству, который, в свою очередь, ведет к тотальному разложению общества.

Государство теперь полностью подчиняется экономике, которая определяет не только всю внутреннюю политику, но и почти полностью политику внешнюю. Любая государственная экономическая программа приносит выгоды отдельным фирмам, которые в свою очередь выделяют средства на функционирование своих партий. Любые попытки уйти государства из этого замкнутого круга заранее обречены и ведут в конце концов к полному разрушению государственного единства, к «бегству от политики», кризису и распаду государства.⁴

Парламент, партии и выборы не соответствуют больше заложенному в них изначальному смыслу. Выход из сложившейся ситуации Карл Шмитт видит на путях усиления социальной однородности общества. Только она способна привести к ситуации, когда физическое насилие больше не потребуется. Но достижение социальной однородности не может происходить безболезненно, поскольку обществу необходимо будет избавиться от таких своих членов, которые каким-то образом не будут вписываться в общий стандарт поведения и мышления.

Другим решением сложившихся в Веймарской Германии политических проблем немецкий ученый считает отмену принципа многопартийности, которая угрожает государственному единству. Дело в том, что государствен-

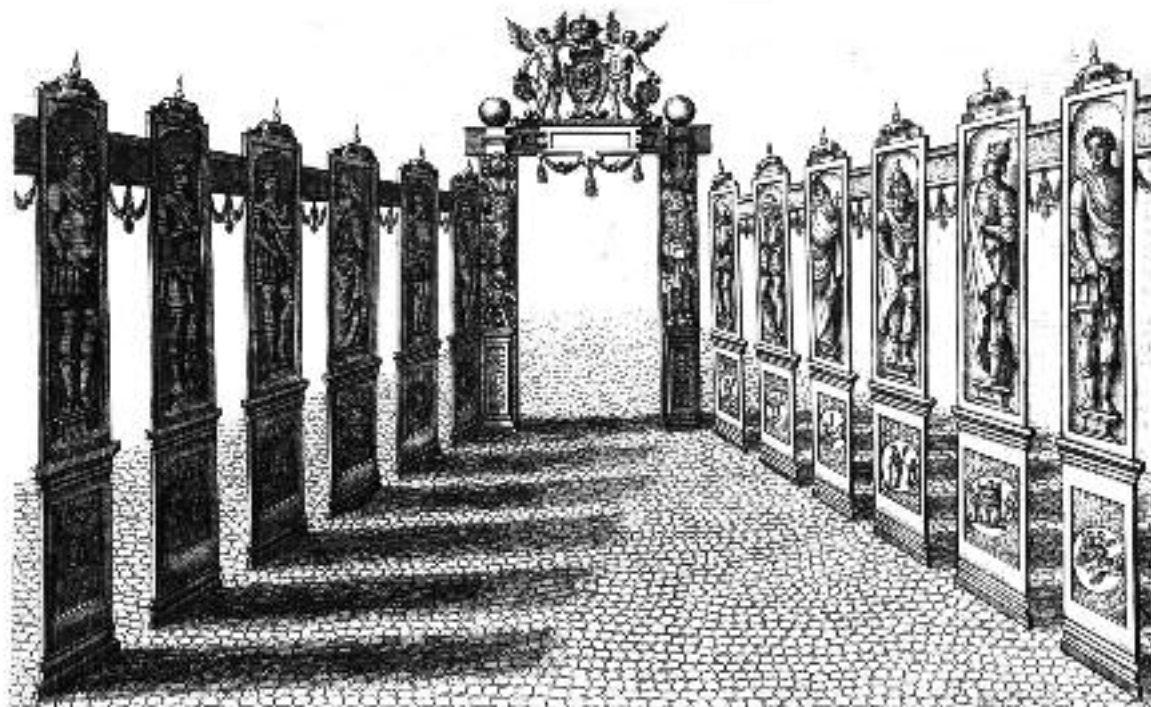
ное единство нельзя передавать в частные руки, никаким посредникам, в лице ли партий, или каких-либо других организаций. Даже незначительная потеря государственного единства приводит общество к гражданской войне, то есть к такому состоянию, когда государство может распасться, а общество погибнуть. Чтобы избежать этого необходимо, по мнению Шмитта, харизматический диктатор, способный объединить вокруг себя остатки государственно мыслящей политической элиты и остановить сползание общества в пучину перманентной гражданской войны, способной не оставить камня на камне от бывшего государственного могущества и величия.

Шмитт предлагает два варианта: первый – переход к однопартийной системе, второй – создание большого национального мифа, способного вытеснить миф о демократии и парламентаризме. Безвыходность политической ситуации в Германии того времени состояла в том, что легальными конституционными мерами невозможно было сохранить политическое единство общества. Поэтому, по Шмитту, необходим диктатор, который бы поставил себя выше конституции, и отменил бы ее. Легитимность «суверенному диктатору» должен дать народ, поскольку именно он является основой любой власти и конституции. Народ имеет право отказаться от прежней конституции. Субъектом политических решений в этом случае может выступить наиболее организованная политическая группа, которую Шмитт склонен называть не партией, а «орденом».

В связи с приходом в 1933 году к власти в Германии национал-социалистов прежняя конституция была легально отменена. Несмотря на внешнюю легитимность перехода государственной власти в руки нацистов, Шмитт отмечал, что в данном случае имела место политическая революция. Во время выборов 5 марта 1933 года немецкий народ сделал свой выбор и выбрал себе нового вождя. В результате партия Гитлера стала той организацией, которая составила на тот момент ядро немецкого государства.

Если либерализм Карл Шмитт считает антиполитическим, то демократию – слишком политической, слишком навязчивой, стремящейся как можно шире трактовать политические проблемы. Либерализм является последовательным врагом любой объективной политической теории. Для борьбы с ними либерализм искусственно завышает значение этических и экономических ценностей и всячески стремится заменить открытую политическую борьбу на этические дискуссии и экономическую конкуренцию. Во всем этом ясно виден типичный для либерализма недостаток решительности. Для защиты индивидуальной свободы он пытается построить систему ограничений для государственного насилия – буржуазное правовое государство.

В области внешней политики либерализм стремится создать мировую систему, например, Лигу Наций, которая бы раз и навсегда исключила войну между народами, как нечто неэтическое. На деле же эта система представляет собой ничто иное как инструмент экономического империализма. Демократия останавливает процесс деполитизации, начатый либерализмом и меняет плюралистическое партийное государство на тотальное государство, в котором государство и «общество» глубоко проникают друг в друга. Тем самым стираются противоречия между государством и «обществом», между государством и эко-



номикой, а политика проникает во все сферы человеческого мышления и деятельности.

Таким образом, по Шмитту для устранения дуализма государства и общества необходимо создание тотального государства, абсолютной монархии, которая отличается от прежнего абсолютизма тем, что вовлекает в политику весь народ, всего человека.

ПОНЯТИЕ СХОЖЕСТИ

Важное значение в политической теории Карла Шмитта играют понятия вождизма и схожести. Понятие вождизма, в свою очередь, распадается на понятие вождя и его свиту. Понятие схожести является элементом, объединяющим вождя и его свиту. Наличие схожести способствует тому, что противоречия между вождем и его свитой становятся невозможными, поскольку они представляют собой явления одного порядка, они внутренне близки друг другу, они в принципе не отличаются друг от друга. Свита вождя — это не что иное как кучка таких же вождей, только более мелкого масштаба. Сходство вождя и его свиты предполагает наличие между ними много общего, что их объединяет в единое целое. Этой тематике посвящена, в частности, его работа «Государство. Движение. Народ», хотя здесь мы не находим четкого определения понятия схожести.

Не желая говорить открыто о расовой тематике, Шмитт использует понятия схожести в значении единой расы, единой этнической природы, единых привычек и убеждений. Это понятие играло в тогдашней Германии важную роль, поскольку помогало выявить врагов народа, то есть тех, кто так или иначе был против немецкого государства в лице гитлеровского режима. Понятие схожести было для Шмитта гарантом политического единства общества, лежало в основе взаимного доверия вождя и его свиты, помогало не перерасти власти вождя в тиранию произвола.

Карл Шмитт использует понятия «идентичность». Идентичность — это основанная на понимании своей внут-

ренней схожести способность народа к политическим действиям.⁵ Однако политическое единство общества проявляется не в идентичности, а в репрезентативности. Демократия связана с понятиями схожести, идентичности народа, равенства людей его составляющих. Идентичность отражает некую общность главы государства и его граждан, правительства и подвластных. Все они равны. Это равенство, которое связано с принадлежностью к конкретному народу, понимается Шмиттом как отказ от либерального индивидуализма.

К сожалению, после прихода к власти нацистов понятие схожести стало интерпретироваться как одинаковость, как биологическое равенство, как расовая гомогенность. Социальную гомогенность стали понимать как родство крови, как биологическое сходство, что отличалось от шмиттовского понятия схожести. В то же время стремление к схожести и диктатуре вождя являются для Шмитта теми основными условиями, которые способны вывести Германию из политического кризиса.

Схожесть, по мнению Шмитта, должна лежать и в основе права. Современное общество настолько усложнилось, умножились возможности для новых конфликтов, так что прежняя система социальных норм уже не работает. Судья в своих решениях не может уже ссылаться на эти нормы, что создает массу юридических проблем.

В данной ситуации Шмитт предлагает отказаться от принципа разделения властей и независимого суда. Все должно быть подчинено государственной партии, которой доверено сохранение политического единства общества. Идеалом буржуазного правового государства является сведение всей государственной жизни к юридическим формам. В результате этого процесса происходит политизация юстиции.⁶

Развивая свою концепцию политики, Карл Шмитт предлагает полностью отказаться от теории правового государства, которая, по его мнению, является продуктом прежней эпохи, когда господствовал либеральный индивидуализм. Именно тогда право начали сводить к «пози-

тивистскому нормативизму», в то время как право не существует вне государства и те, кто пытается поставить право на первое место, втайне хотели разрушить государство. Независимость судей Шмитт в первую очередь понимал как принадлежность их государству, интересы которого они должны отстаивать. На первом месте для них должна стоять непоколебимость государственного порядка. Шмитт также выступал за отказ от таких теорий права, которые носят универсальный, абстрактный характер и не связаны с немецким государством.

Он считал, что судьи прежде всего должны стремиться осуществить волю политического вождя, за которым следует весь народ. Это стремление основывается на их схожести со своим вождем. Право, по Шмитту, – явление национальное и поэтому оно должно всегда нести на себе отпечаток национальности. Право вырастает вместе с народом, как растение.⁷

КАРЛ ШМИТТ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

Понятие схожести Шмитт использует и для интерпретации международной политики. В работе «Национал-социализм и международное право» (1934) он утверждает, что международное право должно учитывать особенности конкретных народов. В международных делах речь идет не только об установлении определенных правил, но и о том, как народы привыкли жить, какие нормы и ценности у них существуют. Международное право не должно быть только сводом абстрактных правил, применимых для всех времен и народов, а должно, в первую очередь, учитывать специфику каждого государства, особенности культуры каждого народа.⁸ Необходимо стремиться к единству юридических норм и народных обычаев.

Для Шмитта внутреннее право имеет приоритет перед международным правом. По его мнению, нельзя подгонять внутренние законы страны под международные нормы и требования, а наоборот, международное право должно, в первую очередь, учитывать национальное законодательство и обычаи конкретных стран. Шмитт приходит к выводу, что отношения родственных народов всегда лучше отношений чуждых друг другу народов. Здесь можно видеть некоторую аналогию с понятием схожести, которое использует Шмитт для анализа внутренней политики. Так же как и внутри государства схожесть граждан позволяет избегать множества социальных конфликтов, так же и схожесть народов позволяет надеяться на то, что между ними не будет военных конфликтов.

Успешно могут сотрудничать между собой только те государства, которые близки друг другу по крови, по языку, по своим привычкам и традициям. И, наоборот, сильно отличающиеся друг от друга народы как правило конфликтуют. Поэтому народы, вступающие в политические союзы, должны учитывать степень культурной близости государств, родственность народов их составляющих. Гомогенные политические союзы гарантируют минимальный потенциал политических и других конфликтов, а также способны сохраняться более длительное время.

Европейские нации могут создать новый политический союз, поскольку они обладают достаточной культурной однородностью и этнической близостью. Он говорит о «семье» европейских народов, о едином «европейском доме», подчеркивая тем самым их духовную, культурную и историческую общность. Новый европейский порядок должен опираться на дух этой общности и только он способен гарантировать политическое существование европейским нациям в будущем.

В своей теории «больших пространств» Карл Шмитт развивает идею том, что мелкие сухопутные государства стремятся объединиться в «государство-континент», создать единое «большое пространство» – империю, как некое наднациональное политическое образование. В книге «Государственный суверенитет и открытое море» (1941) Шмитт утверждает, что в мировой политике имеет место борьба двух больших пространств: англосаксонского (Англия и Америка) и евразийского (Германия и Россия).

Партизан как представитель континентальных народов призван бороться против демократии, так как связан с землей, он является единственным оружием сухопутных государств в борьбе с морскими.⁹ Шмитт обращает внимание также и на дуализм кочевых и оседлых народов. «Номос земли», по его мнению, противоположен «Номосу моря», поэтому имеет место извечная борьба Суши и Моря.¹⁰ Связь с землей порождает консерватизм и традиционализм, связь с морем – либерализм и анархию.

Как видно из представленного выше анализа политических идей Карла Шмитта, он не только внес в современную политическую социологию целый ряд новых понятий, но и стал одним из последовательных представителей немецкого политического консерватизма. Многие из его идей до сих пор не нашли своего места в науке в силу традиционного отнесения его к идеологам нацизма. Несмотря на лояльность Шмитта к национал-социализму, полностью отождествлять его идеи с нацистскими было бы не совсем верным.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1 Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Berlin, 1963. S. 26.

2 Schmitt C. Der Hutter der Verfassung. Tübingen, 1931. S. 71.

3 Schmitt C. Legalität und Legitimität. München, 1932. S. 24.

4 За всеми этими явлениями Шмитт видит кризис идеи «всеобщей воли», которая высказывалась во многих демократических теориях, в частности у Руссо. «Всеобщая воля» заменяется суммой воли отдельных личностей, в чем проявляется кризис европейской либеральной буржуазной политики.

5 Schmitt C. Verfassungslehre. München, 1928. S. 205.

6 Сам Шмитт постоянно высказывался против превращения политики в юриспруденцию.

7 Принадлежность к той или иной расе, нации определяет во многом и правовое поведение. Чуждый данному народу человек думает по-другому и в определенных ситуациях ведет себя в соответствии со своим этническим воспитанием.

8 Карл Шмитт выступает против теории общественных прав, которая, по его мнению, носит универалистский характер.

9 Кроме теории партизана как формы политической и военной тактики континентальных народов, Карл Шмитт предложил теорию «прав народа», направленную против либеральной теории «прав человека».

10 Schmitt C. Land und Meer. Eine weltgeschichtliche Betrachtung. Leipzig, 1942.



КАРЛ ШМИТТ

ПЛАНЕТАРНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЗЕМЛИ И МОРЯ

Противостояние Востока и Запада, совершенно очевидное сегодня, включает в себя противоречия различного рода: экономические интересы, качественное различие правящих элит и несовместимость основополагающих интеллектуальных установок. Все эти противоречия возрастают, взаимно усиливая друг друга. Однако связь экономических, социологических и духовных напряжений проявлялась во всех великих войнах человеческой истории. Особенность современного антагонизма состоит в том, что эта напряженность стала глобальной и охватывает собой всю планету. Поэтому сегодня совершенно необходимо адекватно разобрать ту историческую и геополитическую подоплеку, на которой основано это напряженное противостояние.

Мы ведем речь о противоположности Востока и Запада. При этом очевидно, что речь не может идти лишь о географических различиях. В ходе нашего исследования мы обстоятельно разберем, о каком виде противоположности здесь идет речь, и покажем, что существует два различных типа напряженного противостояния: историко-диалектическое и статично-полярное. Противоположность Востока и Запада не есть полярная противоположность. Земля имеет Северный и Южный полюса, но не имеет ни Восточного, ни Западного. В условиях нашей планеты географическая противоположность Запада и Востока не является чем-то фиксированным и статичным; это только динамическое отношение, связанное с суточным «убыванием света». В географическом смысле Америка является Западом по отношению к Европе; по отношению к Америке Западом являются Китай и Россия; а по отношению к Китаю и России Запад – это Европа. В чисто географическом смысле четкие полюса отсутствуют, а следовательно, исходя только из географии, совершенно невозможно понять реально существующую планетарную враждебную напряженность между Востоком и Западом и осмыслить ее основополагающую структуру.





Можно пойти по пути исследования исторической, культурной и моральной специфики нынешнего Востока и нынешнего Запада и таким обра-

зом вычленив целый ряд антитез, которые, без сомнения, имеют очень важное значение. Здесь я бы хотел употребить один термин, введенный в оборот географом Джоном Готтманом в его блестящей работе «La politique des Etats et leur geographie»¹: понятие региональной иконографии (иконographie пространства) – *iconographie regionale*. Различные картины мира и представления, возникшие как результат различных религий, традиций, разного исторического прошлого, разных социальных моделей, образуют автономные пространства. В этом смысле к иконографии определенного пространства принадлежат не только картины и произведения пластического искусства, но также и все видимые формы общественной и частной жизни. На существенное значение искусства в данной связи указал недавно Луис Диес дель Корраль, в своей книге «Похищение Европы», которую можно назвать энциклопедией европейской иконографии. Различие между пониманием формы в тех или иных культурных регионах, и особенно в сфере структуры власти и государственного устройства, исследовал Карлос Ольеро. В понятие «иконographie пространства» мы можем включить помимо различных форм общественной жизни также и все прочие типические формы проявления человеческого бытия, системы характерных импликаций, аллюзий, символический язык чувств и мыслей в том виде, в котором они характерны для определенных территорий с особой неповторимой культурой. Сюда же относятся образы прошлого, мифы, саги и легенды, точно так же, как и все символы и табу, топографически локализованные в одном определенном пространстве и только в силу этого обретающие историческую действительность. Готтман говорит в этой связи о «циркуляции иконографий», то есть о динамическом влиянии территориальных культур друг на друга в течение времени. Таким образом, на место знаменитой теории «циркуляции элит» Парето приходит не менее важная теория циркуляции иконографий.

Употребление слова (и понятия) «иконographie» кажется мне в данном случае вполне уместным и плодотворным прежде всего потому, что этот термин точнее всего вскрывает сущность противостояния Востока и Запада. Отношение к образу, иконе обнаруживает сущностные качества Востока и Запада в их наиболее глубинном измерении: Восток традиционно выступает как противник зрительных изображений, картин и икон, Запад же, напротив, – как оплот почитания иконописи и шире, живописи.² Когда речь идет об иконоборчестве или запрете на изображение Бога, образованный европеец вспоминает события из истории Византии, о борьбе вокруг иконоборческой ереси времен короля Льва (717-741) и о признании иконописи Карлом Великим. На память приходит также запрет изображать Бога в Ветхом Завете и в исламе. Некоторые зашли так далеко, что обнаруживают здесь изначальное противоречие между словесным и зрительным выражением, которое они в свою очередь возводят к еще более общему противоречию между слухом и зрением, акустикой и визуальностью, причем слово и слух однозначно отождествляются с Востоком, а изображение и зрение – с Западом.

Употребление термина «иконographie», в вышеназванном всеобъемлющем смысле, должно уберечь нас от подобных упрощений. В действительности, не существует такого географического места, где отсутствовало бы визуальное измерение реальности, и образ, изображение, икона и иконография присутствуют повсюду. Поэтому только и возможна противоположная тенденция, отрицающая ценность визуального изображения, то есть иконоборчество в самом широком смысле. Причем проблема иконоборчества не ограничивается отнюдь Византией или исламом. Запад также знает многочисленные и весьма агрессивные формы иконоборческого духа. Виклифиты и гусситы, сектанты баптисты и пуритане, религиозные модернисты и грубые рационалисты – все эти иконоборческие течения возникли и развились именно на Западе. Планетарного масштаба этот конфликт, этот основной спор всемирной истории достиг в эпоху великих географических открытий и колонизации Нового Света и внешне он проявился в борьбе двух конфессиональных форм – римского католицизма и северного протестантизма, линии иезуитов и кальвинистов. Попробуем рассмотреть иконографический аспект этого конфликта, что подведет нас к более глубокому пониманию его смысла.

Смысл Реконкисы заключался в отвоевании пространства на Иберийском полуострове для свободного почитания Образа Пречистой Божьей Матери. Однажды я написал, что испанские моряки и конкистадоры Нового Света видели символ своих исторических свершений в водружении повсюду образа Непорочной Девы Богородицы. Некоторые читатели поняли меня превратно. Один католический автор даже писал по этому поводу: «Шмитт рассуждает о всяких христианских аксессуарах Конкисы, которые могут лишь ввести читателей в заблуждение». Для меня икона Девы Марии – это не «всякие христианские аксессуары». Более того, почитание иконы Пречистой имеет для меня огромное значение, что становится более понятным, если принять во внимание приведенные несколько выше рассуждения о связи зрительного образа, иконы с сущностью западной традиции. Я берусь утверждать, что все религиозные войны Европы XVI–XVII веков, включая Тридцатилетнюю войну на немецких землях, в действительности были войнами за и против средневекового католического почитания иконы Девы Марии. Следует ли считать в этом контексте иконоборчество английских пуритан сугубо восточным явлением, а иконопочитание баварских, испанских и польских католиков – признаком их западной духовной природы? В византийских спорах вокруг иконоборческой ереси на богословском уровне затрагивалась христианская догма Троичности. Духовная проблема заключалась в сложности иконографического со вмещения в Божестве Единства и Троичности. Но все же было бы неверно строго отождествить догмат Троичности исключительно с Западом, а абстрактный монотеизм – с Востоком. Конечно, в определенные моменты истории такое совпадение было почти полным. Монахи-франки дополнили христианский Символ Веры Запада формулой, согласно которой Святой Дух исходит не только от Отца, но

1 «Политика Государств и их география».

2 Уточнения касательно этого утверждения см. в статье А. Дугина «Апокалипсис стихий».

и от Сына, и возмущение греческих патриархов Filioque привело к великому расколу между Западной и Восточной Церквями.³ Исходя из этого, можно было бы считать, что Filioque было выступлением Запада против Востока, но это опровергается, с одной стороны, особым учением о Троичности и Богородице сирийских Отцов Церкви, а с другой стороны, взглядами западных ариан, вообще отрицавших Божественную природу Христа. Таким образом, впечатляющее иконографическое различие между Востоком и Западом в вопросе Троичности становится не таким безусловным и абсолютным.

Традиционная иконография не статична, в нее вторгаются все новые факторы. К примеру, индустриальное вторжение техники. Современный психоанализ также вполне можно рассмотреть как проявление иконоборческой тенденции. Испанский психоаналитик Хуан Хосе Лопес Ибор предпринял очень интересное исследование этой сферы, исходя из нашего иконографического подхода к проблеме. Кроме того, практически вся современная живопись – и абстрактная, и сохранившая остатки предметности – несет в себе разрушение традиционного понимания образа, визуального изображения, иконы. Все три явления связаны между собой – техника, психоанализ и современная живопись. Если предпринять исследование такой взаимосвязи, сопоставив ее с актуальным противостоянием Востока и Запада, можно прийти к поразительным, сенсационным выводам. Единственной преградой на этом пути является невозможность строго отождествить Восток с иконоборчеством, а Запад – с иконопочитанием.⁴ Чтобы до конца осознать структуру мирового дуализма – Запад-Восток – нам все же следует исходить из иных критериев.

/2/

Вся история планетарной конфронтации Востока и Запада во всей своей полноте сводима к основополагающему дуализму эле-

ментов: Земли и Воды, Суши и Моря. То, что мы сегодня называем Востоком, представляет собой единую массу твердой суши: Россия, Китай, Индия – громадный кусок Суши, «Срединная Земля»,⁵ как назвал ее великий английский географ сэр Хэлфорд Макиндер. То, что мы именуем сегодня Западом, является одним из мировых Океанов, полушарием, в котором расположены Атлантический и Тихий океаны. Противостояние морского и континентального миров – вот та глобальная истина, которая лежит в основе объяснения цивилизационного дуализма, постоянно порождающего планетарное напряжение и стимулирующего весь процесс истории.

В кульминационные моменты мировой истории столкновения воюющих держав выливаются в войны между стихией Моря и стихией Суши. Это заметили уже летописцы войны Спарты и Афин, Рима и Карфагена. Однако до определенного времени все ограничивалось областью Средиземного моря. Люди еще не знали

громадных пространств, великих океанов, планетарных конфликтов. Сразу заметим, что надо делать концептуальное различие между стихией Моря и стихией Океана. Конечно, частичные параллели существуют, и многие ссылаются в этом смысле на известный пассаж из первой филиппики Демосфена (38.41). Я сам не вполне разделяю язвительности Платона, который сказал о греках, что «те сидят на берегу Средиземного моря, подобно лягушкам».

Тем не менее, между морской цивилизацией, являющейся внутриматериковой, и океанической цивилизацией существует значительная разница. Та напряженность между Востоком и Западом, та планетарная постановка проблемы конфликта, которые характерны для нашего периода истории, не имеют аналогов в прошлом. Окончательного всемирно-исторического объема противостояния Суши и Моря (как Океана) достигает только тогда, когда человечество осваивает всю планету целиком.



³ Католик Шмитт считает, что Filioque только подчеркивает Троичность Божества и усиливает иконографическую ориентацию христианского догмата, тогда как отказ от этого нововведения в Православной Церкви представляется ему выражением иконоборческого, ветхозаветного духа. Это совершенно неверный тезис, опровергаемый даже таким историческим наблюдением, как повсеместное распространение и почитание икон у православных народов, и особенно на Руси, где икона до сих пор играет столь колоссальную роль в религиозной практике, какую она не играла даже в периоды расцвета католицизма в Европе. Более того, введение Filioque было как раз выражением того абстрактного монотеизма и рационалистической теологии, которые ничего общего не имеют с утверждением полноты Троичности и примата Образа. Более подробно по этому поводу см. А. Дугин «Метафизика Благой Вести». Также см. примечание 2.

⁴ См. примечание 2.

⁵ Вначале Макиндер использовал термин «Pivot area», «осевая область», позже «Heartland», «Земля Сердцевины».



6 «Номос» – фундаментальная категория Карла Шмитта, ось его теории истории, права, геополитики. «Der Nomos der Erde» – называется его главный труд. Номос – в греческом verbum occasionalis от глагола nemein, означающем «брать, владеть, делить, распределять, обустроивать и т.д.». Этимологически ему соответствует немецкое nehmen и Nahme, то есть «брать», «взятое». Родственно слову Nahme, то есть «имя». В русском языке ближе всего эту идею отражает слово «иметь» и старославянское «имать» («брать»), от которого «имя», «имущество», «имение», откуда «поднимать», «перенимать», «отнимать», и даже «понимать» (сравни фр. saisir – хватать, схватывать, брать, понимать). В чем-то близко значению слов «делить», «надел», «доля» (в смысле «имущество» и «судьба»). Идея «номоса» – идея упорядоченной структуры, свойственной специфически человеческой исторической организации общества, семьи, территории, права и т.д. Можно соотносить понятие «номоса» у Шмитта с понятием «структуры» у французских структуралистов, причем нельзя исключить в этом случае и прямого плагиата (естественно, со стороны французов). Известен тот факт, что Шмитт в значительной степени повлиял на крупнейшего европейского гегельянца Александра Кожева, бывшего, в свою очередь, учителем Маркузе. Так что по одной линии интеллектуальной традиции воздействие Шмитта на «новых левых» доказано. Если принять во внимание колоссальное влияние на «гуру» «новых левых» Сартра соратника Шмитта по Консервативной революции Мартина Хайдеггера, то нельзя исключить, что первым структуралистом когда-нибудь будет признан именно Шмитт. См. также «Элементы» No 3, Карл Шмитт «Новый номос Земли».

Планетарный характер битвы между Сушей и Морем впервые обнаружился во времена войн Англии против революционной Франции и Наполеона. Правда, тогда деление на Сушу и Море, Восток и Запад не было еще столь четким, как сегодня. Наполеон был, в конце концов, разгромлен не Англией, но континентальными Россией, Австрией и Пруссией. «Номос» Земли⁶ еще заключался тогда в равновесии между силами Суши и Моря; одно Море не могло добиться своими силами решительной победы. В 1812 году, когда столкновение достигло своего апогея, Соединенные Штаты объявили войну не Наполеону, а Англии. Тогда произошло сближение между Америкой и Россией, причем оба этих молодых государства стремились дистанцироваться как от Наполеона, так и от Англии. Противоречие между Землей и Морем, между Востоком и Западом еще не выкристаллизовалось тогда в чистое противостояние стихий, что произошло лишь в момент заключения Североатлантического союза в 1949 году.

Но уже во времена Наполеона довольно ясно проявилась закономерность политического конфликта, предопределенного различием цивилизационных стихий, то есть такого конфликта, где надо было выбирать между Сушей и Морем. В июле 1812 года, когда Наполеон подступал к Москве, Гете сочинял панегирик якобы королеве Марии Луизе, но на самом деле ее супругу – французскому императору:

Там, где тысячи людей пребывают в замешательстве, там все решает один человек (Наполеон).

Немецкий поэт продолжает, имея в виду глобальный аспект противостояния Суши и Моря:

*«Там, где собираются сумерки столетий,
Он (Наполеон) рассеивает их светом
духовного взора.
Все ничтожное исчезло,
Лишь Суша и Море имеют здесь значение».*

*(«Worueber trueb Jahrhunderte gesonnen
Er uebersieht's im hellsten Geisteslicht.
Das Kleinliche ist alles weggeronnen,
Nur Meer und Erde haben hier Gewicht.»)*

Гете был на стороне Наполеона. Для него это была сторона Суши, Земли. Но Наполеон отождествлялся также с Западом. Запад был тогда еще Сушей и никак не Морем. Немецкий поэт искренне надеялся, что Запад так и останется воплощением сухопутной, континентальной силы, а Наполеон, как новый Александр, будет отвоевывать у сил Моря прибрежные территории, и тогда

«Суша вступит в свои права»

Так Гете, типичный представитель Запада, летом 1812 года сделал выбор в пользу Суши, Земли против Моря. Конечно, в соответствии со своим мировоззрением, он понимал противостояние Земли и Моря как статичную, полярную напряженность, а не как диалектический неповторимый исторический момент. В данном случае крайне важно то различие между статичной полярностью и исторической диалектикой, о котором мы говорили в самом начале статьи.

/3/

Гете мыслил в терминах статичной полярности. Но полярная напряженность значительно отличается от напряженности историко-диалектической. Статика полярного напряже-

ния предполагает синхронизм, постоянство, при котором взаимодействие противоположных полюсов составляет фиксированную структуру, остающуюся сущностно одинаковой при всех внешних изменениях, проистекающих из конкретных исторических ситуаций. Это своего рода вечное возвращение.

Конкретно-исторический подход исследует, напротив, цепь логической и исторической взаимосвязи между конкретикой определенного вопроса и данного на него ответа. Вопрос и ответ дают диалектику исторически конкретного и определяют структуру исторических ситуаций и эпох. Подобная диалектика не обязательно должна отождествляться с гегелевской логикой понятий или с фатально заданной закономерностью природного течения событий.

Нас здесь интересует, однако, исследование структуры конкретно существующего в нашем мире планетарного дуализма (а не общая теория исторического процесса). Историческое мышление есть мышление однократными, одноразовыми историческими ситуациями и, следовательно, одноразовыми истинами. Все исторические параллели служат лишь наилучшему распознаванию этой единственности, в противном случае они становятся лишь мертвыми функциональными элементами абстрактной системы, которой в реальной жизни просто не существует. Абсурдно и нереалистично делать предположения такого рода: что случилось бы, если бы события приняли иной оборот, нежели они приняли в реальной истории? К примеру, а что, если бы сарацины победили в битве при Пуатье? Что, если бы Наполеон не проиграл сражения при Ватерлоо? Что, если бы зима 41/42 была не такой холодной? – Такие нелепые предположения, которые можно встретить даже у знаменитых историков, абсурдны уже потому, что в них совершенно упускается из виду единственность и неповторимость любого исторического события. Структура полярной напряженности всегда актуальна, вечна, как вечное возвращение. Историческая же истина, напротив, истинна лишь один раз. Она и не может быть истинной больше, чем один раз, так как именно в однократности заключается ее историчность. Одноразовость исторической истины является одним из секретов онтологии, как выразился Вальтер Варнах. Диалектическая структура вопроса и ответа, о которой мы здесь ведем речь, пытаюсь объяснить суть истории, никоим образом не ослабляет и не упраздняет качества однократности исторического события. Напротив, она только усиливает ее, поскольку речь идет о неповторимом конкретном ответе на столь же неповторимый конкретный вопрос.

Если бы противостояние между Сушей и Морем, выраженное в современном планетарном дуализме, было исключительно статично полярным, то есть включенным в цепь природного равновесия и вечного возвращения, то оно было бы лишь фрагментом чисто природного процесса. Стихии в природе разделяются и воссоединяются, смешиваются и расслаиваются. Они сменяют друг друга и переходят друг в друга в беспрестанном круговороте метаморфоз, который открывает все новые и

новые образы и формы сущности всегда тождественного полярного напряжения. Если бы дело сводилось только к такому природному статическому дуализму, актуальное противостояние Востока и Запада было бы лишь особой формой выражения вечной циркуляции элит, проблемой иконографий. Вечное возвращение и вечное превращение не знает специфической правды, неповторимой ситуации, исторического момента. Статично-полярное противостояние исключает историческую неповторимость. Но в конкретной истории все иначе. В определенные эпохи появляются дееспособные и могущественные народы и группы, которые захватывают и делят землю в процессе дружественных договоров или войн, хозяйничают на своей территории, пасут скот и т.д. Из этого образуется Номос Земли. Он ограничен своим уникальным здесь и теперь, а напряженность между элементами, о которых мы рассуждаем, между Сушей и Морем, лишь порождает природный, объективный контекст, в котором данный Номос складывается.

Если взять Землю и Море (и населяющих их существ) как исключительно природные элементы, то очевидно, что сами по себе они не могут породить враждебного противостояния, которое имело бы сугубо исторический событийный смысл. Обитатели Моря и обитатели Суши не могут быть по своей природе абсолютными врагами. Случается, что наземные животные пожирают морских, но нелепо в данном случае говорить о какой-то вражде. Сами рыбы сплошь и рядом пожирают друг друга, особенно крупные – мелких. Да и обитатели Суши относятся друг к другу не намного лучше. Поэтому нельзя утверждать, что существует природная враждебность Суши и Моря. Скорее, в чисто природном состоянии эти две стихии существуют совершенно безотносительно и безразлично друг ко другу, причем в такой степени, что говорить о таком специфическом и интенсивном соотношении как вражда здесь совершенно нелепо. Каждое живое существо пребывает в своей стихии, в своей среде. Медведь не враждует по своей природе с китом, а кит не объявляет войну медведю. Даже морские и сухопутные хищники твердо знают свои границы и пределы своего обитания. Медведь не посягает на владения льва или тигра; даже самые смелые звери знают свое место и стремятся избежать неприятных столкновений. Те, кто приводят в качестве примера природной вражды отношения кошек с собаками, лишь лишний раз доказывают, что такая природная вражда резко отличается от человеческой. Когда собака лает на кошку, а кошка шипит на собаку, их конфликт имеет совершенно иной смысл, нежели вражда людей. Самое главное отличие состоит в том, что люди по контрасту с животными способны отрицать наличие самого человеческого качества у своих противников, а животные – нет. Бытие собаки духовно и морально не ставит под вопрос бытия кошки и наоборот.

Однако, показательно, что именно басни из жизни животных особенно выпукло иллюстрируют специфически человеческие политические ситуации и отношения. Вообще говоря, с философской точки зрения, проблема басен о животных интересна сама по себе. Переноса на животный мир сугубо человеческие политические ситуации, мы демифологизируем, проясняем их, лишаем идеологических и риторических покровов. Именно в силу

того, что отношения среди животных имеют совершенно иной смысл, нежели отношения среди людей, такой аллегорический прием – когда люди выступают как звери, а звери как люди – позволяет обнаружить доселе сокрытое через сознательный отход от прямолинейного и одномерного анализа. Перевоплощение в зверя отчуждает человека от человеческого, но через такое отчуждение человеческое становится только более отчетливым и выпуклым. На этом основан политический смысл басен о животных (на чем мы не будем более здесь останавливаться).

При переносе дуальности Суша-Море на человечество, казалось бы, речь должна идти о морских конфликтах между людьми Моря и сухопутных конфликтах между людьми Суши. На самом деле дело обстоит совершенно иначе, начиная с того момента, когда историческое планетарное напряжение достигает определенного критического уровня. В отличие от животных люди – и только люди – способны вести войну между народами Суши и народами Моря. Когда вражда достигает своей высшей точки, военные действия захватывают все возможные области, и война с обеих сторон разворачивается как на Суше, так и на Море. Каждая из сторон вынуждена преследовать противника вглубь враждебной стихии. Когда осваивается и третья, воздушная стихия, конфликт переносится и на нее, а война становится воздушной войной.⁷ Но изначальные субъекты конфликта не утрачивают своего качества, поэтому мне представляется вполне разумным говорить именно о противостоянии элемента Земли и элемента Моря.⁸ Когда планетарно-историческое противостояние приближается к своему пику, обе стороны до предела напрягают все свои материальные, душевные и духовные силы. Тогда битва распространяется на все прилегающее к противоборствующим сторонам пространства. И стихийное природное различие Суши и Моря в этом случае превращается в настоящую войну между этими элементами.

Вражда между людьми обладает особым напряжением, которое многократно превосходит напряжение, характерное для враждебности в царстве природы. В человеке все аспекты природы трансцендируются, обретают трансцендентное (или трансцендентальное, как угодно) измерение. Это дополнительное измерение можно назвать также «духовным» и вспомнить Рембо, который сказал: «Le combat spirituel est aussi brutal que la bataille des

hommes».⁹ Как бы то ни было, вражда между людьми может достичь невероятной степени. Эта высшая степень вражды отчетливо проявляется в гражданских войнах, когда противник настолько криминализируется, – морально, юридически и идеологически, – что фактически ставится вне всех человеческих законов. В этом дает о себе знать какой-то свойственный лишь человеку, сугубо сверхприродный элемент, трансцендентный по отношению к его природному измерению; этот элемент порождает невероятное напряжение и превращает природную полярность в конкретную историческую диалектику.

Слово «диалектика» выражает здесь то особое качество (свойственное лишь человечеству), которое кардинально отлично от всех природных форм полярности. Слово «диалектика» указывает на структуру «вопрос-ответ», которая только и может адекватно описать историческую ситуацию или историческое событие. Историческая ситуация может быть понята только как брошенный человеку вызов и его ответ на этот вызов. Каждое историческое действие есть ответ человека на вопрос, поставленный историей. Каждое человеческое слово – это ответ. Каждый ответ обретает смысл через вопрос, на который он призван отвечать; для того, кто не знает вопроса, слово остается бессмысленным. А смысл вопроса, в свою очередь, лежит в той конкретной ситуации, в которой он был поставлен.

Все это напоминает «логику вопрос-ответ» (Question-Answer Logic) Р. Дж. Коллингвуда, и в самом деле, мы именно ее имеем в виду. Коллингвуд с помощью мышления в терминах «вопрос-ответ» стремился определить специфический смысл истории. Он сделал это с блистательной точностью, так как для него данное определение означало венец философского пути по преодолению собственного внеисторического естественно-научного позитивизма. Замысел Коллингвуда был великолепен, но английский ученый был слишком глубоко затронут английским определением науки, свойственным XIX веку, чтобы суметь преодолеть психолого-индивидуалистическое толкование проблемы «вопрос-ответ». Только этот фактор и может объяснить его болезненные, закомплексованные припадки германофобии, которые изрядно испортили его последнее произведение «The New Leviathan».¹⁰ Но великая заслуга его «логики вопроса-ответа» остается безусловной. Однако необходимо особо

⁷ Власть посредством Суши, сухопутные державы и народы называются общим термином «теллуроκρατία»; власть посредством Моря – «талассοκρατία», а сфера конкуренции в воздухе при использовании воздухоплавания (самолетов и ракет) – «аεροκρατία». Можно говорить также и о «эфироκραтии», то есть о противостоянии в космической вакуумной среде по ту сторону «стратосферы». Сам Шмитт колебался между отнесением пятого элемента – эфира или квинтэссенции – к области космического вакуума или к миру чисто духовному. См. примечание 2.

⁸ См. примечание 2.

⁹ «Духовная битва так же жестока, как человеческая война» (фр.).

¹⁰ Сам Шмитт, в свою очередь, мог бы быть обвинен в русофобии, основанной на столь же несостоятельных (по большому счету) предрассудках, протекающих, однако, из другого источника: из его конфессиональной приверженности католицизму и геополитической абсолютизации Средней Европы. Армин Мелер в своей блистательной книге «Консервативная Революция в Германии 1918 – 1932» убедительно показал как геополитическое членение Европы на три зоны – Западная Европа (Англия, Франция), Средняя Европа (Германия, Австрия), Восточная Европа (Россия) – проецируется на культурные оценки своих соседей обитателями

этих трех зон. Для англичан и французов немцы – варвары, только что вышедшие из лесов, «гунны», дикие потомки Атиллы. Для самих немцев такими варварами представляются русские. Но для русских немцы, кажущиеся варварами французам и англичанам, видятся как бездушные автоматы, носители сугубо западной цивилизации и культуры (то есть как классические, утрированные европейцы). Сами же немцы в отсутствии жизненности и исторического воодушевления упрекают французов и англичан. Кстати, эта геополитическая типология европейских этносов предопределила концепцию «юных народов» (почерпнутую немецкими консервативными революционерами у Достоевского), признающую таковыми русских и немцев. Иными словами, упреки в варварстве могли быть истолкованы и в позитивном ключе, как это имело место в русофильском (преимущественно, прусском, протестантском или языческом) лагере Консервативной революции в Германии, к которому принадлежали Артур Мюллер ван ден Брук, Освальд Шпенглер и особенно Эрнст Никиш и национал-большевики. Но несмотря на свою русофобию, Шмитт заслуживает почтения и изучения со стороны русских, подобно тому, как сам он, будучи ярким немецким националистом, легко прощает ради интеллектуальных заслуг германофобию англичанина Коллингвуда.

подчеркнуть, что вопрос здесь ставится не отдельным человеком или группой людей, и уж совсем не произвольно взятым историком, исследующим прошлое, но самой Историей, состоящей в своем качественном аспекте из вопросов и ответов. Вопрос – это само по себе историческое событие, из которого произрастает через конкретный человеческий ответ следующее событие. Ровно в той степени, в какой люди принимают вызов и вопрос истории и в какой они стараются ответить на них своим отношением и своими поступками, в той степени они демонстрируют свою способность на рискованное участие в истории и, следовательно, подвергаются ее суду. Одним словом: они переходят из природного состояния в историческое.

Арнольд Тойнби развил «логику вопроса-ответа» (question-answer logic) до культурно-исторической концепции «структуры вызов-ответ»¹¹ (challenge-response-structure). Концепцию «вопроса» Тойнби развил до понятия «вызова», а концепцию «ответа» – до «ответа». Это было важнейшим этапом в прояснении сущностной характеристики исторического, так как здесь явственно различимо не просто статично полярное, природное напряжение, – разбавившееся не-историческими индивидуально-психологическими естественно-научными школами мысли, – но напряжение, понятое диалектически. Тойнби вычленяет на основании своего метода более двадцати культур или высших цивилизаций, каждая из которых основана на конкретном историческом ответе, отзыве людей на поставленный историей вопрос, брошенный ею вызов. К примеру, в случае Египта вызов заключался в природной специфике долины Нила, в привязанности к реке и в постоянной угрозе вражеских нашествий. Освоение и организация пространства долины Нила, защита от внешних, варварских влияний и основанная на этом египетская цивилизация с ее культами богов, династиями, пирамидами и священным искусством – все это было конкретным ответом на брошенный вызов.

Методология познания приобрела от такого подхода чрезвычайно много, так как отныне стало возможным изучать диалектическую структуру всякой исторической ситуации. Но и сам Тойнби не смог избежать характерного заблуждения, значительно повредившего его концепции. Когда он начинает описывать механизм взаимодействия между собой выделенных им двадцати цивилизаций или культур, в его анализе пропадает самая существенная сторона исторического, структура самой истории – уникальная одноразовость каждой конкретной ситуации и ее разрешения. Не существует никаких всеобщих законов мировой истории. Эта абстрактная попытка подчинить живую историю сухим закономерностям или статистической вероятности внутри узкофункциональной системы в корне неверна. В реальности мы имеем дело лишь с одноразовыми конкретными ситуациями. И конкретная ситуация собственно нашей эпохи определяется тем, что в ней противостояние Востока и Запада приобрело характер планетарного дуализма, планетарной вражды. Когда мы пытаемся выяснить природу диалектического напряжения, порождаемого этим дуализмом, мы не стремимся вы-

вести всеобщий закон или статистическую вероятность, не говоря уже о построении какой-то системы. Когда мы употребляем слово «диалектика», «диалектическое», мы подвергаемся риску быть неверно понятыми и причисленными к узко гегелевской школе. Это не совсем так. Историческая диалектика Гегеля на самом деле дает возможность осмыслить одноразовость и уникальность исторического события, что видно хотя бы из фразы Гегеля о том, что вочеловечивание Сына Божьего есть центральное событие всей человеческой истории. Из этого явствует, что история для Гегеля была не просто цепью объективных закономерностей, но обладала и субъективным измерением активного соучастия. Но во всеобщей гегелевской систематизации часто теряется историческая уникальность, и конкретное историческое событие

¹¹ В русском языке не существует двух слов, которые соответствовали бы английским терминам «answer» и «response». Мы в данном месте переводим их как «ответ» и «отзыв». Оба термина означают «ответ». Кстати, нет такого различия и в немецком, так что Шмитт в тексте использует английский термин «response», всякий раз, когда ссылается на Тойнби и немецкое слово «Antwort», когда имплицитно имеет в виду Коллингвуда. В самом английском языке наличие двух терминов объясняется не четким семантическим разделением, но романским дублированием (response) германского слова (answer). Мы предпочли в русском переводе в дальнейшем оба слова переводить как «ответ», чтобы не перегружать текст терминологически (тем более, что мы показали искусственность такого различия). Response как ответ-отзыв, по мысли Шмитта, описывает человеческую реакцию на вызов истории в ключе, более отвлеченном от естественно-научных представлений, от которых концепции Коллингвуда так никогда до конца и не освободились. Впрочем, по мере изложения сам Шмитт начинает употреблять оба термина как синонимы, выбирая тот или иной, скорее, по соображениям чисто стилистического характера. То же самое можно сказать и о паре терминов «вопрос» и «вызов», question и challenge. В данном случае Шмитт почти однозначно предпочитает слово «вызов», который он то переводит на немецкий Ruf, Anruf, то оставляет в изначальной английской форме – challenge. В русской философской литературе принято этот термин всегда переводить как «вызов».

растворяется в одномерном мыслительном процессе. Этого замечания достаточно для того, чтобы прояснить наше понимание термина «диалектика» и предупредить автоматическое зачисления в гегельянцы, что весьма свойственно для «технического», автоматического образа мысли наших современников.

Помимо неверного понимания сущности исторической диалектики, характерной для гегельянства в целом, следует также опасаться типичной для XIX столетия мании к формулировке закономерностей и открытию законов. Этой болезни подверглись практически все западные социологи и историки – кроме Алексиса де Токвиля. Потребность выводить из каждой конкретной исторической ситуации всеобщий закон развития покрыла научные открытия даже самых прозорливых мыслителей прошлого столетия почти непроницаемой пеленой туманных обобщений. Возведение конкретно-исторического факта к какому-то общечеловеческому закону было той платой, которой XIX век компенсировал свой научно-естественный позитивизм. Ученые просто не могли представить себе какую-то истину вне всеобщей, точно

высчитываемой и измеряемой функциональной закономерности. Так Огюст Конт – историк современности, наделенный гениальной интуицией, – правильно определил сущность своей эпохи, представив ее результатом развития, состоящего из трех этапов: от богословия через метафизику к позитивизму. Это было совершенно верное замечание, точно определяющее одноразовый, осуществленный в трех моментах шаг, который совершила западная мысль с XIII по XIX век. Но позитивист Огюст Конт смог сам поверить в истинность сформулированного им принципа только после того, как заявил, что закон трех стадий распространяется на все человечество и на всю его историю. Карл Маркс, в свою очередь, поставил очень точный диагноз тому положению дел, которое было характерно для второго этапа индустриальной революции в середине XIX века в Средней и Восточной Европе; но беда в том, что он возвел свои соображения в универсальную всемирно историческую доктрину и провозгласил упрощенный тезис о «классовой борьбе»,¹² тогда как на самом деле речь шла всего лишь о конкретном моменте техно-индустриальной революции, связанном с изобретением железных дорог, телеграфа и паровой машины. Уже в XX веке Освальд Шпенглер значительно ограничил значение своего открытия – относительно глубинных исторических параллелей между настоящей эпохой и эпохой римской гражданской войны и периодом цезарей – тем, что составил на этом основании всеобщую теорию культурных кругов, а следовательно, убил сугубо исторический нерв всей своей работы.

/4/

Индустриализация и техническое развитие являются сегодня судьбой нашей Земли. Итак, постараемся определить одноразовый исторический вопрос, великий вызов и конкретный

ответ, порожденные индустриально-технической революцией прошлого столетия. Отбросим при этом все поверхностные заключения, вовлекающие нас в рискованные системы причинно-следственной обусловленности. Мы вычленили из общего понятия напряженности сугубо диалектическую напряженность, отличную от полярно-статической. Но эта концепция диалектической напряженности не должна пониматься как банальный продукт гегельянства, естественно-научных воззрений или нормативистских конструкций. Формула Тойнби относительно «вызова-отзыва» также должна использоваться лишь в качестве инструмента, так как нам надо, в первую очередь, верно понять сугубо одноразовую актуальную истину сегодняшнего планетарного дуализма Востока и Запада.

¹² Несколько поспешное полемическое утверждение Шмитта. Смысл понятия «классовой борьбы» далеко не так прост, хотя эта теория не является и той абсолютной догмой, которую сделали из нее узко ортодоксальные марксисты. Интересно было бы проанализировать теорию «классовой борьбы» с помощью методологии «друг-враг» самого Шмитта. Также любопытно исследовать точное значение этой теории у еретиков от социализма – в частности, Сореля или Генри де Мана – и у представителей «мистического» социализма. См. брошюру А.Дугина «Цели и задачи нашей Революции», где речь идет о «новом социализме» и расовом понимании «классовой борьбы» в свете концепций Дюмезиля о трехчленной структуре традиционного индоевропейского общества. См. также статью Алена де Бенуа «Дух буржуа».

Здесь нам поможет текст Арнольда Тойнби 1953 года с выразительным названием: «The World and the West» («Мир и Запад»)¹³. Это произведение спровоцировало ожесточенную критику и полемику, которую мы предпочитаем обойти молчанием, так как нас интересует здесь лишь противостояние Земли и Суши. Тойнби говорит о нашей эпохе, выделяя в ней как отдельную категорию Запад, противопоставленный всему остальному миру.

Запад представляется ему агрессором, который в течение четырех с половиной столетий осуществлял экспансию своей индустриально-технической мощи на Восток в четырех основных направлениях: Россия, исламский мир, Индия и Восточная Азия. Для Тойнби представляется очень важным, что эта агрессия осуществлялась через освободившуюся от норм христианской традиции технику (entfesselte Technik). Тот факт, что сегодняшний Восток сам начал широко использовать технику, означает для Тойнби начало его активной самозащиты перед лицом Запада. Правда, в XVII веке иезуиты сделали попытку проповедовать христианскую религию индусам и китайцам не как религию Запада, но как религию универсальную, относящуюся равным образом ко всем людям. Тойнби считает, что эта попытка, к несчастью, провалилась из-за догматических разногласий между различными католическими миссиями и централизованной проповеднической сетью иезуитов. Смысл Октябрьской коммунистической революции, согласно Тойнби, состоит в том, что Восток стал вооружаться освобожденной от христианской религии европейской техникой. Эту технику Тойнби называет «куском европейской культуры, отколовшимся от нее к концу XVI века». Заметим эту важнейшую, абсолютно точную формулировку.

Выясним теперь в свете «логики вопрос-ответ», что было тем вызовом и тем отзывом, которые исторически проявились в нашу эпоху через индустриально-технический рынок.

Из чего происходит индустриальная революция? Ответом на какой вопрос она является? Каковы ее истоки и ее родина, ее начало и ее мотивация? Она происходит с острова Англия и датируется XVIII веком. Повторим всем известные даты – 1735 (первая коксовая печь), 1740 (первая литая сталь), 1768 (первая паровая машина), 1769 (первая современная фабрика в Ноттингэме), 1770 (первый прядильный станок), 1786 (первый механический ткацкий станок), 1825 (первый паровоз). Великая промышленная революция происходит с острова Англия, ставшего начиная с XIX столетия главной промышленной страной мира. Этот исторический феномен, который мы постоянно должны иметь в виду, заметил уже первый немецкий социолог Лоренц фон Штайн в 1842 году. Он писал по этому поводу:

«Удивительным образом и совершенно неожиданно, в то же самое время, когда во Франции распространяются идеи свободы и равенства, в Англии появляются

¹³ Эта формула «The World and the West» (и имплицитно содержащаяся в ней геополитическая концепция) явно перекикивается с работой Самуила Хантингтона «Clash of civilisations», одна из глав которой называется аналогично «The West and the Rest». См. также «Элементы» No 7, материалы Центра Специальных Метастратегических Исследований под тем же названием – «The West and the Rest» и «The Rest against the West». Американский консерватор Хантингтон явно находится под влиянием Тойнби и, видимо, амбициозно (и неправомочно) считает себя его продолжателем.



первые машины. Вместе с ними открывается совершенно новая эпоха для всего мира в вопросах благосостояния, производства, потребления и торговли. Машины стали подлинно революционной силой в материальном мире, и из этого подчиненного ими материального мира они начали распространять свое могущество вглубь, во все сферы мира духовного.»

«Удивительным образом и совершенно неожиданно», причем именно «в Англии»! В этих словах слышится жадное к познанию удивление молодого немца, который начинает осознавать историческую ситуацию своего народа и в Париже Луи Филиппа понимает, что политическая революция, расползающаяся начиная с 1789 года по всему европейскому континенту, есть лишь бледный идеологический эпифеномен по сравнению с индустриальной революцией, распространяющейся из Англии и представляющей собой подлинно революционную силу. Так родилась только что приведенная нами замечательная фраза из главы под значительным названием «Пролетариат». В этом же тексте впервые в европейскую дискуссию вводится научное осмысление проблемы фундаментального различия между рабочей силой и собственностью.

Итак, индустриальная революция происходит из Англии XVIII столетия. Какова была историческая ситуация на этом острове в то время? Англия была островом, отделившимся начиная с XVI века от европейского континента и сделавшим первые шаги к чисто морскому существованию. Это, с исторической точки зрения, является для нас самым существенным. Все остальное – лишь надстройка, суперструктура. Какое бы внешнее событие мы ни выбрали в качестве окончательного шага к чисто морскому существованию, – захват Ямайки Кромвелем в 1655 году, окончательное изгнание Стюартов в 1688 году или европейский мир в Утрехте в 1713 году, – главным является следующее: один европейский народ начиная с определенного момента перестал считать остров, на котором он жил, частью несколько удаленной европейской Суши и осознал его как базу для чисто морского существования и для морского господства над мировым океаном. Начиная с XVI века Англия вступила в эпоху великих географических открытий и принялась отвоевывать колонии у Португалии, Испании, Франции и Голландии. Она победила всех своих европейских соперников не в силу морального или силового превосходства, но лишь исключительно из-за того, что сделала решительный и бесповоротный шаг от твердой Суши к открытому Морю, и в

такой ситуации отвоевывание сухопутных колоний обеспечивалось контролем над морскими пространствами.

Это был одноразовый, неповторимый, исторический ответ на столь же одноразовый, неповторимый исторический вызов, на великий вызов века европейских географических открытий. Впервые в известной нам истории человечества возник вызов, относящийся не только к конкретным рекам, берегам или внутриматериковым морям; впервые он имел планетарный, глобальный характер. Большинство европейских народов осознали этот вызов в континентальных, сухопутных терминах. Испанцы создали свою гигантскую заокеанскую империю; при этом она оставалась сущностно сухопутной и строилась на обширных материковых массах. Русские оторвались от Москвы и завоевали гигантскую страну – Сибирь. Португальцам, несмотря на их удивительные достижения в мореплавании, также не удалось перейти к чисто морскому существованию. Даже героический эпос эпохи португальских открытий, «Лузиады» Комоенса, говорят об Индийском океане по сути почти так же, как Эней Виргилия говорит о Средиземном море. Голландцы первыми пустились в глобальные морские авантюры и долго оставались в авангарде. Но база была слишком слабой, укорененность в политике сухопутных держав слишком глубокой, и после заключения мира в Утрехте в 1713 году Голландия окончательно была привязана к Суше. Французы вступили в двухсотлетнюю войну с Англией и, в конце концов, проиграли ее. Англию континент особенно не беспокоил (the least hampered by the continent), и она окончательно и успешно перешла к чисто морскому существованию. Это создало непосредственные предпосылки для индустриальной революции.

Бывший некогда европейским остров отбросил традиционную, сухопутную картину мира и начал последовательно рассматривать мир с позиции Моря. Суша как естественное жизненное пространство человека превратилось в нечто иное, в берег, простирающийся вглубь континентальных просторов, в backland. Еще в XV веке во времена Орлеанской девы английские рыцари, подобно рыцарям других стран, в честном бою добывали себе трофеи. Вплоть до XVI столетия англичане были овцеводами, продававшими шерсть во Фландрию, где из нее делали ткани. И этот народ превратился в нацию «пенителей морей» и основал не только морскую, но океаническую, мировую империю. Остров перестал быть отдельно расположенным фрагментом Суши и превра-

тился в Корабль, лежащий на якоре вблизи континента. На место старого, сухопутного Номоса Земли вступил новый Номос, включающий в свою структуру освоенные пространства открытого Моря, но при этом отрывающий открытое море от континентальной массы и противопоставляющий пространство Моря пространству Суши, чтобы создать равновесие с помощью контроля над Сушей со стороны Моря.

То, что отпало от европейской культуры в XVI веке, было, вопреки Тойнби, не «техническим осколком», но чем-то совсем иным. Европейский остров откололся от европейского континента, и новый, призванный островом мир Моря поднялся против традиционного мира континентальной Суши. Этот мир Моря породил противовес миру Суши, и мир (Frieden, peace) на земле стал подобен весам в его руках. Это было выражением конкретного ответа на вызов открывшегося Мирового Океана. И на этом острове Англия, принявшем вызов и сделавшем решительный шаг к морскому существованию, внезапно появились первые машины.

/5/

Корабль – основа морского существования людей, подобно тому, как Дом – это основа их сухопутного существования. Корабль и Дом не являются антитезами в смысле статического по-

лярного напряжения; они представляют собой различные ответы на различные вызовы истории. И Корабль, и Дом создаются с помощью технических средств, но их основное различие состоит в том, что Корабль – это абсолютно искусственное, техническое средство передвижения, основанное на тотальном господстве человека над природой. Море представляет собой разновидность природной среды, резко отличную от Суши. Море более отчужденно и враждебно. Согласно библейскому повествованию человек получил свою среду обитания именно через отделение Земли от Моря. Море оставалось сопряженным с опасностью и злом. Здесь мы отсылаем читателей к комментариям на первую главу «Книги Бытия» в третьем томе «Церковной Догматики» Карла Барта. Подчеркнем лишь, что для преодоления древнего религиозного ужаса перед Морем человечество должно было предпринять значительное усилие. Техническое усилие, предпринятое для такого преодоления, сущностно разнится со всяким иным техническим усилием. Человек, отваживающийся пуститься в морское путешествие, – слово «пират» изначально означало того, кто способен на такой риск, – должен иметь, по словам поэта, «тройную броню на груди» (aes triplex circa pectus). Преодоление человеком инерциального сопротивления природы, составляющее сущность культурной или цивилизаторской деятельности, резко отличается в случае кораблестроения и освоения Моря и в случае разведения скота и строительства жилищ на Суше.

Центр и зерно сухопутного существования, со всеми его конкретными нормативами – жилище, собственность, брак, наследство и т. д. – все это Дом. Все эти конкретные нормативы произрастают из специфики сухопутного существования и особенно из земледелия. Фундаментальный правовой институт, собственность – *Dominium* – получил свое название от Дома, *Domus*. Это очевидно и известно

всем юристам. Но многие юристы, однако, не знают, что немецкое слово *Bauer* (*paganus*, крестьянин) происходит не непосредственно из слова «*Ackerbau*» (пахота), но от слова «*Bau*», «*Gebaude*», «*aedificium*», то есть «здание», «постройка», «дом». Оно означало изначально человека, владевшего домом. Итак, в центре сухопутного существования стоит Дом. В центре морского существования плывет Корабль. Дом – это покой, Корабль – движение. Поэтому Корабль обладает иной средой и иным горизонтом.¹⁴ Люди, живущие на Корабле, находятся в совершенно иных отношениях как друг с другом, так и с окружающей средой. Их отношение к природе и животным совершенно отлично от людей Суши. Сухопутный человек приручает зверей – слонов, верблюдов, лошадей, собак, кошек, ослов, коз и «все, что ему принадлежит» – и делает из них домашних животных. Рыб невозможно приручить, их можно только поймать и съесть. Они не могут стать домашними животными, так как сама идея Дома чужда морю.

Для того чтобы осознать бездонное различие между сухопутным и морским существованием, мы привели культурно-исторический пример. Сейчас мы стараемся найти ответ на вопрос, почему индустриальная революция со свойственным ей раскрепощением технического порыва (*entfesselte Technik*) зародилась в условиях морского существования. Сухопутное существование, центром которого является Дом, совершенно иначе относится к технике, нежели морское существование, центром которого является Корабль. Абсолютизация технического прогресса, отождествление любого прогресса исключительно с техническим прогрессом, короче, то, что понимается под выражением «раскрепощенный технический порыв», «раскрепощенная техника» – все это могло зародиться, произрасти и развиваться только на основании морского существования, в климате морского существования. Тем, что остров Англия принял вызов открывающегося мирового океана и довел до логического завершения переход к чисто морскому существованию, он дал исторический ответ на вопрос, поставленный эпохой великих географических открытий. Одновременно это было и предпосылкой индустриальной революции и началом эпохи, чью проблематику переживаем сегодня мы все.

Конкретно мы говорим о промышленной революции, которая является сегодня нашей общей судьбой. Эта революция не могла осуществиться нигде и никогда, кроме как в Англии XVIII века. Промышленная революция как раз и означает раскрепощение технического прогресса, а это раскрепощение становится понятным только исходя из специфики морского существования, при котором оно, до некоторой степени, разумно и необходимо. Технические открытия делались во все времена и во всех странах. Техническая одаренность англичан не превышает одаренности других народов. Речь идет лишь о том, каким образом использовать техническое открытие и в

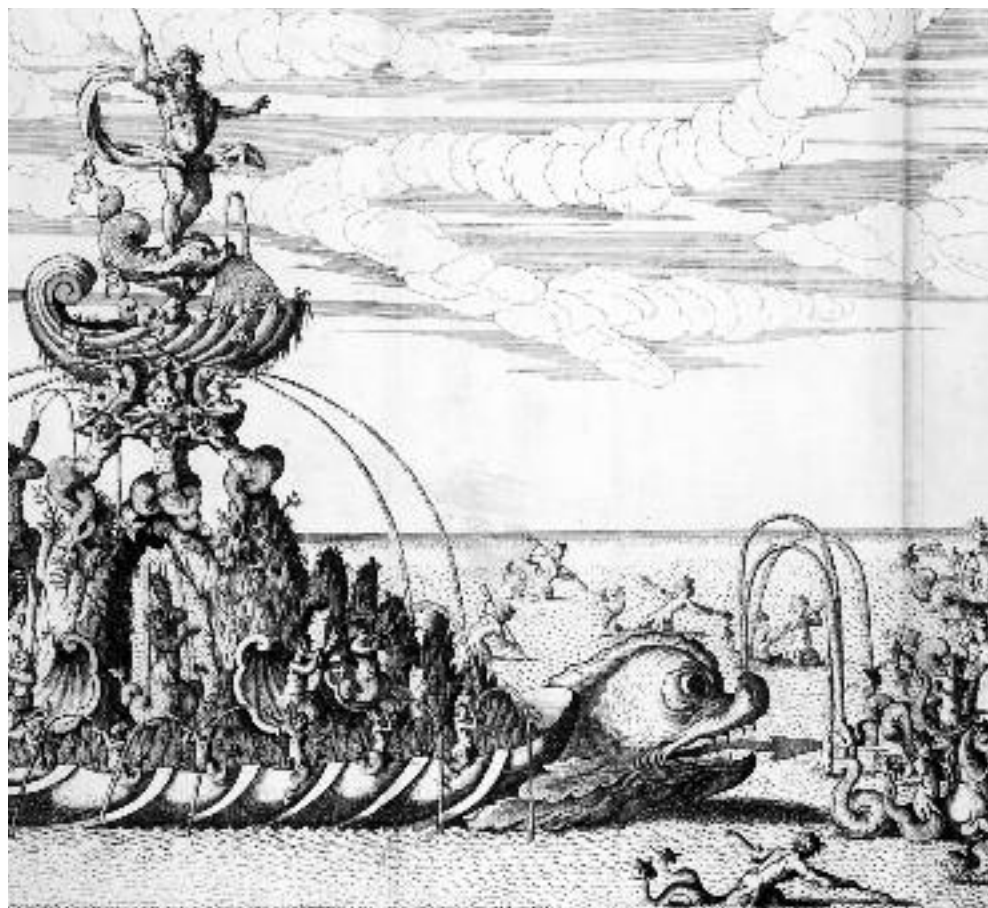
¹⁴ Можно было бы плодотворно развить эту мысль Шмитта и показать талассократические корни как теории Коперника, так и теории относительности Эйнштейна. Что касается Эйнштейна, то Рене Генон высказывает в «Царстве количества» любопытное соображение, что его воззрения (наряду с концепциями Фрейда и Бергсона) являются типичным продуктом «извращенного кочевничества» («*nomadisme devie*»), которое свойственно для современного еврейства. См. также примечание 2.

каких пределах; иными словами, в какую систему нормативов это открытие поместить. В условиях морского существования технические открытия совершаются более легко и свободно, так как они не обязательно должны встраиваться в фиксированную структуру нормативов, свойственных сухопутному существованию. Китайцы изобрели порох; они были нисколько не глупей европейцев, которые также изобрели его. Но в условиях чисто сухопутного, закрытого существования тогдашнего Китая, это повлекло его использование исключительно для игр и фейерверков. В Европе то же самое привело к открытиям Альфреда Нобеля и его последователей. Англичане, совершившие в XVIII веке все свои знаменитые открытия, повлекшие за собой промышленную революцию, – коксовые печи, сталелитейное производство, паровую машину, ткацкий станок и т.д., – не были гениальнее других народов из других стран и других эпох, живших по сухопутным законам и сделавших аналогичные открытия независимо от англичан. Технические открытия не являются откровениями таинственного высшего духа. Они во многом диктуются временем. Но забываются или развиваются они – это зависит от того человеческого контекста, в котором они были сделаны. Я выражусь определеннее: технические открытия, лежащие в основе промышленной революции, только там на самом деле приведут к индустриальной революции, где сделан решительный шаг к морскому существованию.

Переход к чисто морскому существованию уже несет в самом себе и в своих прямых следствиях раскрепощение техники как самостоятельной и самодовлеющей силы. Всякое развитие техники в предшествующих периодах сухопутного существования никогда не приводило к

повлечению такого принципа, как Абсолютная Техника. При этом надо подчеркнуть, что береговые и связанные с внутренними морями формы культур еще не означают перехода к чисто морскому существованию. Только при освоении Океана Корабль становится настоящей антитезой Дома. Безусловная вера в прогресс (понятый как технический прогресс) является верным признаком того, что совершен переход к морскому существованию. В исторически, социально и морально бесконечном пространстве морского существования само собой возникает цепная реакция безбрежной череды открытий. Речь идет не о различии между кочевыми и оседлыми народами,¹⁵ а о противоречии между Сушей и Морем – двумя противоположными стихиями человеческого существования. Поэтому неверно говорить о «морских кочевниках» в одном ряду с кочевниками на лошадях, верблюдах и т.д.. Неправомочно переносить сухопутные условия на стихию Моря. Жизненное пространство человечества в его сверхприродном, историческом смысле радикально различается по всем параметрам – внешним и внутренним – в зависимости от того, идет ли речь о сухопутном или морском существовании. С какой бы позиции мы ни смотрели на это различие, – с Моря на Сушу или с Суши на Море, – оно проявляется в совершенно иначе структурированном силовом цивилизационном и культурном поле; при этом надо заметить, что культура сама по себе в большей степени относится к Суше, а цивилизация к Мory¹⁶, морское мировоззрение ориентировано техноморфно, тогда как сухопутное – социоморфно.¹⁷

Два важнейших феномена XIX столетия могут быть освещены в новом свете при помощи теории специфики морского существования. Речь идет о классической по-



15 С точки зрения Рене Генона, феномен морского существования, разбираемый здесь Шмиттом, следовало бы все же отнести к «извращенному кочевничеству». Апелляция к стихии Воды в случае океанической талассократии, о которой говорит здесь Шмитт, прекрасно вписывается в геноновскую концепцию эсхатологического «растворения» мира, «диссолюции», за которую отчасти ответственны и «извращенные кочевники». См. примечания 14 и 2.

16 Явная аллюзия на Освальда Шпенглера, противопоставлявшего цивилизацию и культуру.

17 Концептуальная цитата из теорий немецкой социологической школы, разрабатывавшей принципы органицизма и противопоставлявшей технику и общество как нечто мертвое и нечто живое. Во многом эти воззрения восходят к трудам Фердинанда Тенниса. См. «Элементы» № 4 А.Дугин «Загадка социализма».

литэкономии конца XVIII – начала XIX века и о марксизме. По мере развития промышленной революции обнаруживающаяся безбрежность провоцировала все новые и новые шаги по пути раскрепощенного технического прогресса. Так называемая классическая политэкономия была концептуальной суперструктурой, разработанной на основании первой стадии промышленной революции. Марксизм, в свою очередь, основал свое учение уже на этой суперструктуре классической политэкономии. Он развил ее и разработал концептуальную суперструктуру для второй стадии промышленной революции. В этом качестве марксизм был взят на вооружение элитой русских профессиональных революционеров, которым удалось совершить в 1917 году революцию в Российской Империи и перенести двойную суперструктуру на условия своей аграрной страны. Во всем этом речь шла отнюдь не о практическом осуществлении чистого учения и о логичной реализации объективных законов исторического развития. Речь шла о том, что промышленно отсталая аграрная страна испытывала необходимость вооружиться современной промышленной техникой, так как в противном случае ей была обеспечена роль добычи для других более развитых промышленно крупных держав. Таким образом, марксизм из идеологической надстройки второй стадии промышленной революции превратился в практический инструмент для преодоления индустриально-технической незащищенности огромной страны, а также для смещения старой элиты, явно не справлявшейся с исполнением исторической задачи.¹⁸

Но последовательное доведение до логического конца принципов классической политэкономии было лишь одним аспектом марксистского учения. Корни марксизма оставались гегелевскими. В одном месте гегелевских «Основ философии права» в параграфе 243 содержится смысл всей проблемы. Это – знаменитое место. Этот параграф описывает диалектику буржуазного общества, беспрепятственно развивающегося по своим собственным законам, и подчеркивает, что «это общество неизбежно несет в себе прогрессирующий рост народонаселения и промышленности». Гегель утверждает, что такое общество «при всем его богатстве никогда не будет достаточно богатым, то есть исходя только из своих внутренних возможностей никогда не сможет воспрепятствовать росту нищеты и увеличению числа неимущего населения». Гегель при этом откровенно ссылается в качестве примера на тогдашнюю Англию. В параграфе 246 он продолжает:

*«Согласно этой диалектике конкретное буржуазное общество вынуждено выходить за свои границы, чтобы искать среди других народов, отстающих либо по уровню развития промышленных средств, либо по техническим навыкам, потребителей своей продукции, а следовательно, средства для своего собственного существования».*¹⁹

Таковы знаменитые параграфы 243 – 246 из гегелевских «Основ философии права», которые получили свое окончательное развитие в марксизме. Но насколько мне известно, никто не обратил внимания на глубиннейший смысл параграфа 247, непосредственно следующего за

только что процитированным. В нем утверждается фундаментальная противоположность между Сушей и Морем, и развертывание этого 247-ого параграфа могло бы быть не менее значительным и важным, чем развертывание параграфов 243 – 246 в марксизме. Здесь утверждается связь промышленного развития с морским существованием. Этот 247-ой параграф содержит следующее решающее предложение:

«Подобно тому, как для супружества первым условием является твердая земля, Суша, так как для промышленности максимально оживляющей ее стихией является Море».

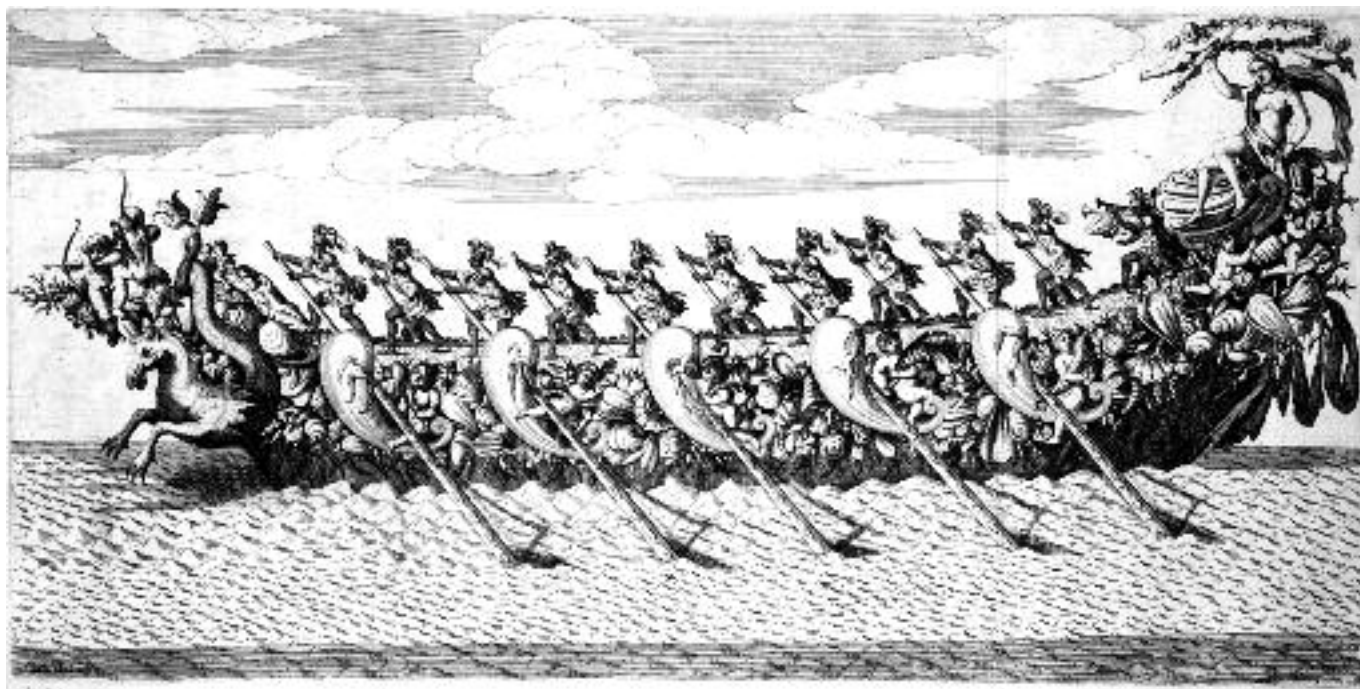
Здесь я прерываю свое изложение, и предоставляю внимательным читателям возможность увидеть в нем начало развертывания 247-го параграфа из «Основ философии права» Гегеля, подобное тому, как развертывание параграфов 243 – 246 создало марксизм.



Наш разбор порождает новый вопрос и вместе с ним новую опасность. Само собой напрашивается желание поставить следующую проблему: каков актуальный вызов истории? И тут же возникает опасный соблазн ответить на этот вопрос старым способом, адекватным и правильным в предшествующую эпоху. Людям свойственно цепляться за то, что доказало когда-то ранее свою истинность и эффективность. Они категорически отказываются понимать, что со стороны человечества новый ответ на новый вопрос может быть только предположением, и чаще всего, как это было в случае путешествия Колумба, слепым предположением. У человека есть непреодолимая потребность относиться к последнему хронологически историческому опыту как к чему-то вечному. Когда мы, немцы, в 1914 году вторглись во Францию, нам казалось, что события будут отныне развиваться как в 1870-1871 годах вплоть до нашей решительной победы. Когда в 1870-1871 осажденные французы совершили вылазку из Парижа, они были уверены, что все снова пойдет по сценарию победоносной революции

18 Одно из самых оригинальных и верных объяснений Октябрьской революции, дополняющее ее трактовку, типичную для национал-большевиков (как германских, так и русских) и евразийцев, согласно которой речь шла о сугубо национальной и геополитической трансформации, направленной на усиление позиций Суши и организацию Нового Порядка в Евразии, более эффективного и последовательного, нежели Новый Порядок, создаваемый в Средней Европе Муссолини и Гитлером.

19 Из этого положения легко выводятся основные моменты ленинской теории «империализма как высшей стадии развития капитализма» и основополагающие принципы концепции «автаркии больших пространств» (и шире, «экономического национализма») Фридриха Листа. Любопытно, что немецкие консервативные революционеры извлекли из развития тезисов Листа практически те же выводы, что и Ленин из Гегеля и Маркса. В обоих случаях речь шла о планетарной антиимпериалистической борьбе за «права народов» против англо-саксонского талассократического колониализма. Кстати, главным теоретиком «прав народов» был именно Карл Шмитт. Геополитическое применение и развитие этого принципа характерно для Хаусхофера. См. «Элементы» No 7, «Геополитические тетради».



1792 года. Когда государственный секретарь США Стимсон в 1932 году провозгласил свою знаменитую доктрину, доктрину Стимсона, он считал, что в целом сложившаяся ситуация напоминает в увеличенном масштабе 1861 год и начало войны за независимость.

Чувство истории должно уберечь нас от подобных ошибок. Парадоксальным образом именно в тех странах, которые дальше других продвинулись по пути раскрепощенной техники, распространено мнение, что отныне с помощью технических средств начинается прорыв в новые бесконечные пространства космоса. По сравнению с этим прорывом в космос пятисотлетний прорыв эпохи великих географических и технических открытий покажется несущественным отрезком времени. Люди планируют атаку на стратосферу и полеты на Луну. Сама наша планета, Земля постепенно превращается в космический корабль, плывущий в космическом пространстве.

Такое мнение представляется мне повторением старого ответа, развитием того ответа, который был дан некогда на вызов открывшегося мирового Океана. Люди рассматривают вызов сегодняшнего дня как увеличенное повторение открытия Америки. Психологически, так сказать, это понятно. Тогда открывались новые континенты и океаны земли. Сегодня я не вижу никакого открывающегося космоса, не слышу никакого космического вызова. Не будем говорить о летающих тарелках. Раскрепощенная техника может сколь угодно долго и яростно вгрызаться в космос, из этого не получится нового исторического вызова и тем более ответа на такой вызов. Конечно, раскрепощенная техника порождает чудовищный силовой импульс и стремление преодолеть его. Но этот импульс не то же самое, что вызов. Верно, что современная техника все время порождает искусственные потребности, но это значит лишь, что она способна

в лучшем случае давать в высшей степени искусственный ответ на столь же искусственно поставленный ей самой вопрос.

Именно это ультрасовременное развитие старого ответа является, с точки зрения истории, неисторичным и анахроничным. Впрочем, вполне естественна ситуация, когда победивший в прошлую эпоху совершенно пропускает мимо внимания новый вызов истории. Да и как может победитель понять, что его победа является одноразовой истиной? Кто научит его этому? Я пришел к выводу: уже хорошо, если мы отказываемся давать старый ответ на новый вопрос. Уже много, если мы осмысляем новый мир не по схеме того «нового мира», которая существовала вчера. Лично я вижу новый вызов не по ту сторону стратосферы. Я замечаю, что раскрепощенная техника скорее ограничивает людей, чем открывает им новые пространства. Современная техника нужна и полезна.²⁰ Но сегодня она очень далека от того, чтобы служить ответом на какой бы то ни было вызов. Она лишь удовлетворяет новые, отчасти порожденные ей же самой, потребности. В остальном она сама ставится сегодня под вопрос, а значит, именно поэтому не может быть ответом. Все говорят о том, что современная техника сделала нашу Землю до смешного маленькой. Новые пространства, откуда появится новый вызов, должны поэтому находиться на нашей земле, а не вне ее в открытом космосе. Тот, кому первому удастся закрепостить раскрепощенную технику, скорее даст ответ на ныне существующий вызов, чем тот, кто с ее помощью попытается высадиться на Луне или на Марсе. Укрощение раскрепощенной техники – это подвиг для нового Геракла. Из этой области слышится мне новый вызов, вызов Настоящего.

(перевод с немецкого А. Г. Дугина)

²⁰ Нам это не кажется столь очевидным. Нужна для чего? Полезна в каком смысле? В этой фразе есть что-то присущее самой душе европейца, что-то, что сохраняется даже в случае самой жестокой критики Запада и «современного мира». Генон в книге «Восток и Запад» разоблачал и высмеивал эту черту как неисправимое и неискоренимое, гротескное высокомерие людей Запада и укорененное довольство их своей цивилизацией, присутствующие даже у самых глубоких европейских мыслителей. В частности, Генон с юмором описывал высокомерные похвалы Лейбницем китайской «Книге Перемен», в которой тот увидел предвосхищение его собственной двоичной системы алгебры, а не величайший метафизический и космологический текст Священной Традиции.

дыхание золотого века

Михаил Тарусин

социолог, политолог, публицист.
Руководитель отдела социальных исследований
Института общественного проектирования.

Повальное увлечение экономическим мистицизмом, охватившее отечественных модернизаторов, несомненно, имеет под собой основание, в самом деле, не может же быть такая политическая пандемия делом случайным – вроде как ветром надуло? Но прежде чем определить истоки заболевания, необходимо разобраться во всех формах его проявления.

Слепая вера во всеисильность экономической доктрины зиждется на нескольких удручающих симптомах. Во-первых, это представление о стране, как о сумме неких счётных экономических и политических факторов, учтя которые, можно страной этой успешно управлять. Во-вторых, это представление о социальной составляющей, как об определённой экономической нагрузке, необходимой для производства будущего «всеобщего благосостояния». В-третьих, это слепая опора на «очевидные решения», по принятии которых автоматически запускается механизм их выполнения. В-четвёртых – соблазн определения конечного результата методом стратегического планирования. Предполагается, что определение этого результата тут же проясняет путь его достижения. В-пятых, безусловная опора на политтехнологии, как единственно верное средство политической стабильности. В-шестых – тотальное (и небезосновательное) недоверие всем силам, так или иначе участвующим в развитии. Наконец, в-седьмых, это твёрдое желание запустить механизм развития таким образом, чтобы при этом решительно ничего не менялось для всех тех, кто принимает решения любого уровня ответственности.

Когда О. В. Гаман-Голутвина представляла свою главу в «Докладе о состоянии политической системы», она ясно сказала, что сегодняшний путь инерционного развития, выбран принудительно, поскольку у страны сегодня нет ресурсов для развития инновационного. Фраза ключевая, но услышана она не была.

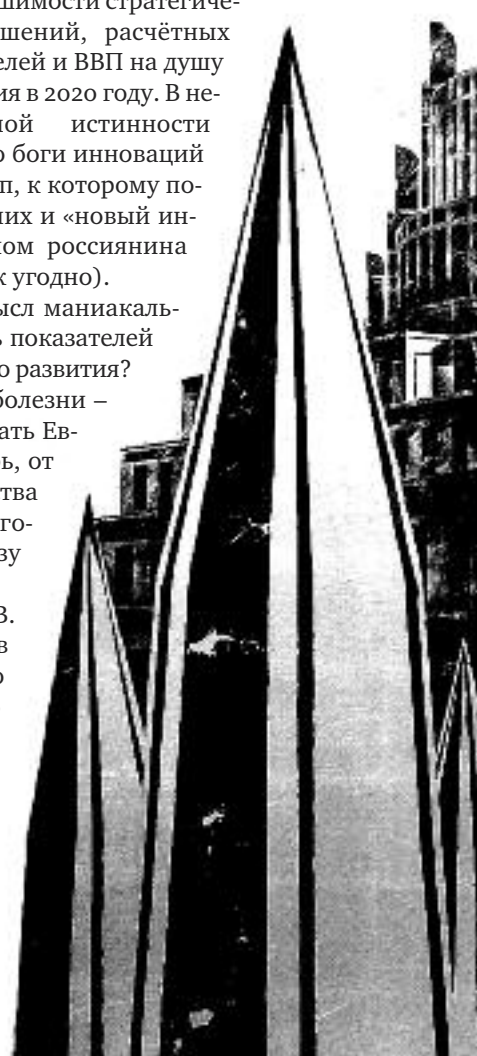


Однако именно эта мысль является ключом к пониманию истории болезни экономического мистицизма. Истоки этой болезни кроются в наивной вере в силу экономических методов управления без учёта и понимания национальных ресурсов, которыми страна располагает. Болезнь передается воздушно-капельным путём уверенности в непогрешимости стратегических решений, расчётных показателей и ВВП на душу населения в 2020 году. В несомненной истинности того, что боги инноваций

сами создадут себе Олимп, к которому поспешат толпы уверовавших и «новый инноватор» станет символом россиянина XXI века (2020, 2030 – как угодно).

А кстати, в чём смысл маниакального желания достигнуть показателей такого вот среднесрочного развития? А во втором источнике болезни – страстном желании догнать Европу. Да, это старая хворь, от которой всё никак лекарства не придумаем, а вот догоним Европу – и всё сразу станет хорошо.

И то верно, ещё Н. В. Гоголь писал об том же в «Мертвых душах»: «Много еще говорил полковник о том, как привести людей к благополучию. Костюм у него имел большое значение. Он ручался головой, что если только одеть половину русских мужиков в немецкие





штаны – науки возвысятся, торговля подымется и золотой век настанет в России».

Да-с, судари, золотого века ищем. Вот вам и третья причина. «Свободную страну» хотим, где «каждому будет жить комфортно», где «от каждого по способностям, каждому...», впрочем, простите, это я сбился, это несколько из другой оперы. А, впрочем, из другой ли?

Суть не в этом. А в том, что все причины сегодняшней тяжелой болезни – непонимание и незнание страны, погоня за Европой и жажда экономического благоденствия – есть недуги для нас почти смертельные. Впрочем, не хочу никого пугать, благо болезнь эта предполагает ко всему прочему и неумяемость сознания, так что и хотел бы – не выйдет.

Но вот могут сказать – а что, собственно, вы предлагаете, кроме как на испуг брать? В принципе, решение есть. Но тут надобно определиться. Если иметь в виду, что мы вообще пытаемся (хоть и безуспешно) двигаться не в ту сторону, то надо сначала это осознать. Но, поскольку, как уже говорилось, в силу невменяемости больного осознать это не получится, надо хотя бы помочь ему понять, почему в движении даже в эту, глупую сторону, у него ничего не выйдет.

Собственно, г-жа Гаман-Голутвина уже указала – сегодня нет на то национальных ресурсов. А что это такое – ресурсы и почему их нет, и какие, собственно, есть?

Вот тут надо вспомнить, что в слове «социально-экономическое развитие» понятие «социальное» идёт на первом месте. Но в сознании проектировщиков, как уже говорилось, это нечто пристягнутое, то, что дается в остатке после основного расчёта. Ещё с советских времён и поныне под этим подразумевают траты на «социалку» (пенсионеры, инвалиды, малоимущие и т.д.), культуру, озеленение и детские грибки во дворе. Это всё трогательно, но никакого отношения к раскрытию понятия не имеет. Потому как в сочетании «социально-экономический» первое и означает как раз ресурсы, а второе – нормы

их использования для достижения определённых результатов.

Мы, конечно, понимаем, что ресурсы – вещь неоднородная, они имеют свою структуру, качество, мощность и все прочие характеристики, которые необходимо учитывать при планировании их использования (сейчас об этом начали поговаривать, используя термин «человеческий капитал» и утверждая, что это и есть самое ценное, что мы имеем). Соответственно, ресурсы эти располагают социальными институтами, деятельность которых определяет и всё содержание и эффективность своего базиса. Следует перечислить основные из них: это – власть, бюрократия, элита, влиятельный бизнес, институты гражданского общества, медиа пространство, религиозное сообщество.

Именно от характеристик и эффективности этих семи институтов зависит качество национальных ресурсов. Поэтому для того, чтобы определить, что мешает интенсивному развитию, необходимо хотя бы кратко определить мешающие этому развитию отрицательные характеристики означенных институтов:

1. Власть – малоэффективная, коррумпированная, безынициативная, мнительная.
2. Бюрократия – неэффективная, коррумпированная, создающая помехи инициативам.
3. Элита – космополитическая, не формирующая ценности, не консолидированная.
4. Медиа-пространство – зависимое, безответственное, безнравственное.
5. Влиятельный бизнес – эгоистичный, зависимый, гедонистический.
6. Гражданское общество – слабое, зависимое, малоинициативное.
7. Религиозное сообщество – невлиятельное, замкнутое, не транспарентное.

Картина, конечно, грустная, но развертывать данные характеристики нужды нет – при желании читатель может найти большой объем материалов по каждой из означенных тем. Следует обратить внимание на другое – из перечисленных социальных институтов три (власть, бюрократия и элита) находятся вверху иерархической шкалы и фактически являются управляющими институтами или же влияющими на процессы управления.

Три нижних – бизнес, гражданское общество и религиозное сообщество – это институты, формируемые снизу, и, соответственно, напрямую выражающие интересы общества. Между двумя этими группами находится медиа пространство, которое, вроде как, является общественным институтом, но на деле образует связующее звено между верхней и нижней группами. Соответственно, между институтами и между их группировками складываются определённые отношения и перед каждым из институтов стоит своя ресурсная задача в общей цели развития страны и общества.

Теперь представим себе, что мы сформулировали основные задачи стратегического развития, к примеру, до 2020 года, хоть он уже и навяз в зубах. Вопрос: сможем ли мы, используя вышеозначенные ресурсы, достичь хотя бы одной из задач? Ответ – нет, не сможем. Качество ресурсов не позволит.

Следовательно, начинать надо с модернизации самих ресурсов, а именно – с основных социальных институтов. И вот тут может пригодиться тот самый метод конечных показателей, или – какими мы хотим видеть эти институты, чтобы они могли решать стратегические задачи развития? Давайте посмотрим:

1. Власть – собственно, главное требование: наличие политической воли делать то, что должно.
2. Бюрократия – эффективность, ответственность.
3. Элита – консолидированность, выражение национальных интересов, охранение традиций и открытость новому.

Остановимся здесь. Из приведённого перечня видно, что особых жертв от этих институтов не требуется. Что для власти «политическая воля»? Это, собственно, делать то, на что она и поставлена. К примеру – все знают степень развращённости нашей судебной системы и даже всем известны списки продажных судей и тарифы на их продажные услуги. Между тем очевидно, что независимая и честная судебная система есть краеугольный камень развития общества. Что в данном случае требуется от власти? Сломать продажную систему, выгнать лже-судей, любыми средствами изолировать суды от давления извне. Иными словами – проявить политическую волю. И если власть этого не делает, значит, продажная судебная система ей выгоднее, чем независимая.

Или как мы понимаем эффективную бюрократию? Конечно, никто не говорит, что чиновник не будет брать, такая невидаль никому и не снится. Но вот как он должен брать? Очень просто, исповедуя три основных принципа:

Принцип первый – брать по остаточному принципу, то есть после того, как обустроится нужное дело, с того, что останется. Нынче же на дело выделяется по остаточному принципу, пока все не нахватают, кто у «потока» стоит.

Принцип второй – брать не за бездействие или угрозу вреда, а за помощь. Сегодня дают, чтобы от них отвязаться, иначе вставят палки в колёса любому доброму начинанию. А следует чиновнику брать за помощь этому начинанию.

Принцип третий – брать только в том случае, если это идет на пользу тому делу, на которое чиновник поставлен. Сегодня же берут и в том случае, даже если этому делу наносится вред, лишь бы польза чиновнику была.

Вот всего-то и делов. Не так уж и трудно, хотя привычки менять – дело тяжёлое и не каждый чиновник такие перемены выдержит.

Так же и для элиты нужно немного – поставить интересы страны выше личного самолюбия, ознакомится наконец с отечественной историей, да полюбить Россию более самого себя.

Иными словами, от представителей этих институтов не требуется усилий сверхчеловеческих и жертв мучительных, а только-то в меру проявить себя в должном и в меру ограничить в излишнем. Посильная задача для нашей власти, бюрократии и элиты? Не знаю, вопрос сложный.

Далее перейдём к медиа-пространству. Этот, вроде как, общественный институт за последние годы выро-



дился довольно любопытным образом. То, что он решительно не выражает интересы и запросы общества, все поняли уже давно. Но оказывается, он равным образом не выражает и интересы власти и вообще ни одного из основных социальных институтов. Он даже свои интересы не выражает, а просто вовсю зарабатывает деньги, создавая при этом совершенно лишённое смысла информационно-развлекательное пространство, максимально приближённое к образцам низким, вульгарным и порочным. Я убеждён, что тяжелое порно медиа-специалисты не показывают только потому, что опасаются неладов с законом, в противном случае аргумент высокого рейтинга опровергнуть нам было бы нечем. Но и ладно бы. У каждого общества есть свой Колизей для удовлетворения тёмных страстей толпы. Но вот при этом бы всё, рядом, в соседней студии, отчего бы не создать национальное телевидение – ответственное, умное, нравственное, взывающее к высоким чувствам и идеалам? Пусть даже рядом с мокрым от крови песком арены чувственных пороков? Просто дать выбор кнопки, о котором так любят пафосничать нынешние медийщики.

Задача вполне выполнимая, не требующая тяжких революционных потрясений в медиа пространстве. Но вот посильная ли? Тоже вопрос.



Далее идут три института, вырастающие снизу, из самого общества и оттого, вроде бы, более вменяемые. К примеру, бизнес. Конечно, он разный, но мы говорим об институте влиятельного бизнеса, который имеет ресурсы того самого человеческого капитала и распоряжается ими. Казалось бы, амбициозный и предприимчивый человек, вырастивший большое дело должен выглядеть как гегемон нового общества. Но отчего тогда два города являются сегодня символами российского олигархата – Куршавель и Пикалёво? Символы личного гедонизма и презрения к окружающим, тяжелейшие пороки, которые рождаются гордыней – матерью всех грехов. Но и от этих молодцов никто не требует какого-то выдающегося самопожертвования, а просто осознания того, что часы за 5000 долларов ходят так же, как и за 500000 долларов, понимания того, что дворец в пять этажей не почтение вызывает, а злобу, а вот особняк в два этажа даже удобнее для жизни. И что ту лягушку, которую в Куршевеле подадут за сто евро, в Костроме зажарят бесплатно, да ещё и приплатят, чтоб поглядеть, как ешь.

Немного, вроде бы, и вполне исполнимо. А вот реально ли? Опять тот же проклятый вопрос.

Остаются гражданское и религиозное сообщества. Тут понятнее. Просто не нужно тащить за уши гражданское общество в активность, а смекнуть, что для нашего сознания очень важно нравственное обоснование этой активности. Здесь социальные инициативы традиционных религиозных организаций очень важны, потому как оперируют не смутным термином гражданской ответственности, а понятием совести и добрых дел. Образно говоря, доказательная база у, к примеру, Православной церкви более состоятельна, чем у Общественной палаты РФ. Потому как проверена временем и практикой многовекового милосердия и сострадания.

Присутствие института религии в общественном пространстве важно ещё и потому, что как никогда ранее это пространство нуждается в нравственных императивах, в общепризнанных правилах что такое хорошо и что



такое плохо. Я намеренно поставил социальный институт религии последним, потому что только с почвы растёт нравственное обоснование национальной жизни. Только в создании живой ткани национальной культуры в общественном бытии, в понимании своих национальных традиций, своего особого национального мира формируется обоснование и смысл жизни.

Это обоснование необходимо власти, потому что не будет иначе у власти воли к поступку. Оно необходимо бюрократии, потому что только закон совести остановит хватающую руку, которой внешний закон – давно не указ. Равно как и элита нуждается в этом законе, потому что иначе нет ценностей в душе, нечем любить свою Отчизну и нет основания, чтобы служить ей. Не говоря уж о медиапространстве, которое по определению не может существовать вне этики, не уподобляясь вместилищу эфирного зловония.

Ну, а что уж говорить о бизнесе, который давеча всему миру показал, что нет в нём меры алчности и лжи! Так потрянуло, что только держись. Теперь собрались его контролировать, но разве нравственный голос внутри человека не вернее государственного чиновника, который сам миссию контроля может счесть крайне соблазнительной.

Таким образом, если мы говорим об экономическом развитии, то прежде мы должны говорить о модернизации основных общественных институтов и именно в том русле, чтобы задачи развития воспринимались как не только ответственная, но и нравственная задача улучшения общественного устройства.

В принципе, как мне кажется, все означенные характеристики ответственных институтов достижимы, нет ничего сверхъестественного в тех их чертах, которые здесь даны как перспективные. Надобно только начать.

Вот это самое страшное. Довольно вспомнить себя и вечное стремление начать новую жизнь с понедельника. Начать бы только. А там и до золотого века рукой подать. Дотянемся ли?



СОЦИОЛОГИЯ

СЕТЕВОГО

ЭКОНОМИЧЕСКОГО

ЗАХВАТА ГОСУДАРСТВ

В «ТЕОРИИ ПЕРКИНСА»

Валерий Коровин

Становление эпохи ядерного сдерживания привело к пониманию невозможности расширения своих сфер влияния основными мировыми центрами силы с использованием обычных вооружений. Любое столкновение интересов в военной области неизбежно привело бы к ядерному противостоянию, ибо любая сила, будь то государство или группа государств, в конечном итоге принадлежит к тому или иному «ядерному клубу», находясь под его ядерным зонтиком, а значит, покровитель, отвечая за безопасность своего «подопечного» в возможном военном столкновении, вынужден при отстаивании своих глобальных стратегических интересов рано или поздно прибегнуть к использованию своего ядерного

потенциала. «Основной парадокс стратегических ядерных сил заключался в том, что сама реальность их боевого применения заведомо исключала достижение каких бы то ни было целей войны, так как была чревата взаимным уничтожением и гибелью всего человечества».¹

Сложившийся во второй половине двадцатого столетия ядерный паритет заставил военных стратегов Запада, и в первую очередь США, стремящихся к экспансии, начать разработку новых, неявных форм «захвата территорий» и установления на них своего влияния, избегая возникновения предпосылок к использованию военной силы, дабы не спровоцировать глобальный ядерный конфликт, или в случае локальных конфлик-



ВАЛЕРИЙ КОРОВИН — политолог, заместитель руководителя «Центра Геополитических Экспертиз»

тов избежать обвинений в военной агрессии и экспансионистской политике, что могло бы разрушить «гуманный» образ США. Именно «ядерный тупик» открыл новую страницу в развитии военного искусства. Когда обычная, явная, «горячая» война стала неприемлемой, ей на смену пришла новая форма войны, — неявная, «холодная» война, проявившаяся в «конфликтах низкой интенсивности» и «тайных операциях».²

Изначально этот сегмент изысканий получил название «Стратегия не прямых действий» и был подробно разобран в одноимённой работе Бэзила Лиддела Гарта,³ исследования которого в дальнейшем легли в основу концепции *сетевых войн*, разрабатываемой специалистами Пентагона с конца 1980-х годов и окончательно принятой на вооружение совсем недавно. Суть стратегии сетевых войн — использование социальных сетей, сообществ или

общественных структур, как гуманитарных, так и политических, в том числе, элитных групп, находящихся у власти. Основы социологизации этой стратегии были заложены социологами ещё в конце 1970-х, в частности, американским социологом А.Гоулднером, утверждавшим, что социальная теория в скрытом виде часто выступает теорией политики.⁴ «Теория сетевых войн пришла на смену концепции ядерного сдерживания. Сетевая война ведётся не государствами и не блоками, а глобальными институционализированными структурами. Различные сетевые структуры (масс-медиа, транснациональные корпорации, религиозные организации, НПО, политические элиты, спецслужбы) интегрируются в общую, гибкую и разнородную сеть».⁵

«Сетевой принцип даёт возможность отнимать суверенитет и политическую независимость у целых госу-

дарств и народов. Их превращают в жестоко контролируемые механизмы и делают частью плана прямого планетарного контроля, мирового господства нового типа, в котором управлению подлежат не отдельные субъекты, а их содержание, их мотивации, действия и намерения. Это проект глобальной манипуляции и тотального контроля в мировом масштабе. И сегодня он активно применяется Соединёнными Штатами Америки». (А.Дугин «Сетецентричные войны. Новая теория войны» // Сетевые войны. Угроза нового поколения, М., 2009).

Уже с начала 1970-х годов американские стратегии начали реализовывать проекты отторжения тех или иных государств в свою пользу, уводя их из под влияния социалистического блока, возглавляемого СССР. Для этого решено было использовать главное преимущество США — экономическое превосходство над советским лагерем. Деньги, а также «экономическое развитие», рост ВВП — стали главной приманкой, на которую США начали ловить в первую очередь элиты слаборазвитых государств так называемого третьего мира, либо симпатизирующих СССР, либо придерживающихся нейтрального статуса, входя в движение неприсоединения. Именно тогда было решено начать использовать сетевые стратегии не прямых действий, применяя экономические рычаги, заманивать государства в долговую ловушку и ставя затем политические условия, требующие лояльности США.

«Теперь мы действуем умело; мы выучили уроки истории. Сегодня мы не держим в руках меч. Мы не носим латы или одежду, которая выделяла бы нас» — это слова из книги американца Джона Перкинса «Исповедь экономического убийцы»,⁶ в которой данная технология экономического захвата государств без использования обычных вооружений описана довольно подробно.

В своей работе Перкинс, лично участвовавший в подобных операциях, описывает добытые в империческом исследовании факты, которые мы попытаемся теоретически обобщить и выстроить на их основе теорию *сетевого экономического захвата государств*, условно обозначив её как «теорию Перкинса». В его описании объектом социальных процессов при захвате государств становятся элиты, то есть конкретные живые люди, обладающие высоким социальным статусом и играющие ведущую роль в процессе «передачи» государства под американский контроль. Именно на взаимодействии с элитными социальными группами выстраивались сети американского контроля. При этом сам Перкинс в своём исследовании использует социологический метод *непосредственного включённого наблюдения*, анализируя ситуацию на основе личного непосредственного участия в описываемых процессах и суммируя полученные данные в собственных выводах. Эта возможность открылась для него как для ведущего сотрудника одной из сотен консалтинговых компаний, которая, как он сам утверждает, в интересах американ-



— «Основная цель, с которой мы расставляем посольства во всём мире, – обслуживать наши собственные интересы»

ского правительства и разведки, манипулировала глобальной экономикой.

В своей работе Джон Перкинс подробно описывает технологию, по которой американские корпорации подводят к банкротству или полной зависимости целые страны. Также он указывает на то, что ему с самого начала объяснили, что «он работает в интересах американской безопасности». Конечный результат деятельности заключается «в подталкивании лидеров разных стран мира к тому, чтобы они становились частью широкой сети по продвижению интересов США».⁷

С точки зрения социологии в основе создания социальной сети лежит понятие *социального явления* – когда отдельное, в нашем случае не случайное, но спровоцированное заинтересованной стороной взаимодействие между представителями элиты того или иного государства с представителем той или иной консалтинговой компании, а по сути, представителем американского государства создаёт *социальный процесс* – то есть серию таких явлений, связанных между собой структурными или причинными (функциональными) зависимостями⁸.

Контакты представителей элиты того или иного государства с представителем частной «независимой» компании на первом этапе заканчивались совершенно безобидно, и выражались в приятном общении, максимум, в недорогих подарках. В основном возникновения подобных социальных явлений провоцировались на посольских приёмах. В этой связи Перкинс высоко оценивает роль американских посольств: «Основная цель, с которой мы расставляем посольства во всём мире, – обслуживать наши собственные интересы, которые, в течение последней половины XX века, предполагали превращение американской республики в глобальную империю».⁹

В итоге безобидные контакты обращались в предложения об экономическом сотрудничестве, когда представителем компании выдвигалось предложение рассчитать перспективы экономического роста данного государства, а так же объём займов, необходимый для обеспечения этого роста. Самим же представителям правящих элит отводилась роль самостоятельной, отдельной экономической инстанции. По сути происходило прямое экономическое ангажирование, элиты, – представляющие собой *социальную группу*, – получали процент от проектируемого экономического роста и таким образом включались в социальный процесс непрерывного взаимодействия с частной (американской) консалтинговой компанией, выражающей, по сути, интересы американского государства. Так как проектируемый рост заведомо завышался, предполагаемый процент, предназначенный элитам, был весьма внушителен. В итоге, элиты государства соглашались на предложенный «экономический

рост», то есть осуществляли *социальное действие*, – что напрямую увязывалось с объёмом внешних заимствований, предоставляемых стране МВФ и Международным банком, что и было одной из промежуточных целей – «склонить правительство отдельного государства к получению кредита у МВФ, Всемирного банка или американских корпораций. Например, для развития инфраструктуры. Особенность таких соглашений – подрядчиками всегда выступают американские компании. Деньги иногда вообще не покидают пределов Америки. А вот долг растёт гигантскими темпами»¹⁰.

По такой схеме в долговую яму с участием непосредственного Джона Перкинса были загнаны Индонезия, Камбоджа, Колумбия, Панама, Эквадор. «В случае с Эквадором на такие выплаты уходила половина бюджета всей страны, население которой голодало. Погрязнув в долгах, правительства на глазах превращаются в марионеточные. Их элита просто переводится на американское содержание. Если схема не срабатывает, экономические убийцы уходят, уступая место ЦРУ, т.н. «шакалам». Их задача – устранение несговорчивых посредством мятежей, переворотов или в результате покушения. И лишь в самом крайнем случае используется армия».¹¹ Таким «крайним случаем» за последнее десятилетие стал Ирак. На очереди – Иран.

«Мы действовали разными методами – пишет Перкинс, – когда мы находили в странах третьего мира ресурсы, которыми хотели завладеть наши корпорации, мы выделяли им огромные кредиты через Мировой банк и его партнёров. По такой схеме обогащались наши же корпорации и несколько семей, составляющих элиту этих стран. В то время как основная масса населения оставалась всё так же бедна. Таким образом страна попадала к нам на долговой крючок. В какой-то момент мы приходили вновь и говорили: «Ребята, вы не можете распла-

тится – мы дадим отсрочку, но за это вы снабдите нас дешёвой нефтью, будете голосовать в ООН так, как надо нам, или пошлёте свои войска в помощь нашим куда угодно».¹²

В своих работах автор собрал имперический материал, подтверждающий фактическое и прямое вмешательство американской администрации в дела суверенных государств, отличающееся градацией жёсткости – от мягкого «экономического» вмешательства, через физический отстрел несогласных «шакалами» ЦРУ и «цветные» революции – до жёсткого военного. Причём даже в последнем случае США пытаются максимально использовать стратегию не прямых действий, формально опираясь на частные институты, фонды, НПО и консалтинговые фирмы, чьи сети раскиданы по всему миру, а концентрация филиалов в той или иной местности прямо пропорциональна степени заинтересованности США в данной «территории». При этом сами сотрудники таких структур могут быть напрямую не посвящены в конечные цели своей деятельности, обеспечивая лишь социальный «фон» для основных сил, а могут и прямо представлять свою роль и назначение: «Мы – маленький эксклюзивный клуб. Нам платят – и хорошо платят – за то, что мы обманом путём уводим из разных стран мира миллиарды долларов. Большая часть нашей работы состоит в том, чтобы подталкивать лидеров разных стран мира к тому, чтобы они становились частью обширной сети по продвижению американских интересов. В конце концов, эти лидеры должны оказаться пойманными в ловушку паутины долгов, которая гарантирует их лояльность. Мы сможем использовать их, когда нам будет это необходимо, – для удовлетворения наших политических, экономических или военных интересов. В свою очередь, они укрепляют свои политические позиции тем, что дадут своему населению технопарки, электростанции и аэропорты. А владельцы американских инжиниринговых и строительных компаний становятся баснословно богаты».

По сути, Перкинс открыто пишет о фактической десоверенизации государства, оказавшегося в долговой зависимости от МВФ, Международного банка и других кредитно-финансовых институтах, курируемых США. Ресурсы становились достоянием корпораций, что покрывало их расходы на проведение операции, зато руководство США получало политические дивиденды в виде потери суверенитета тем или иным государством и введения внешнего американского управления. При этом долг не списывался, а продолжал расти. Точкой же в полном американском захвате государства можно считать размещением на его территории американской военной базы.

«Если они [элиты захватываемого государства] отказывались, в дело вступали уже совсем другие люди – это те, кто устраивают перевороты или свергают правительства. В единичных случаях, когда даже шакалы проваливались, как в том же Ираке, мы посылали туда войска. Вот так мы и построили эту империю. В этом её отличие от других, создававшихся путём захвата других земель».

В написанной в период с 1982 по 2003 год (когда она впервые была издана в американском издательстве) книге Перкинс недвусмысленно указывает на то, что «Под прицелом экономических убийц теперь и страны бывшего Советского Союза». А уже в ноябре-декабре 2003 года в Грузии произошла «революция роз», в декабре 2004 – «оранжевая революция» на Украине, а далее Киргизия, Молдавия, неудавшаяся цветная революция в узбекском Андижане, снова Молдавия, ещё не закончившиеся и вполне идущие к успеху попытки сетевого смещения элит в Белоруссии – всё это фактические доказательства эффективности «теории Перкинса». Шакалы, цветные перевороты и, наконец, прямая отправка американских вооружённых сил – лишь этапы этой сетевой технологии, следующие за наименее гладким и бескровным захватом посредством создания американской сети на базе элит.

Таким образом, основным *актором*, то есть субъектом социального действия при в процессе установления власти корпораций, а, по сути, власти США над тем или иным государством становились элиты этого государства. При этом сам процесс «захвата» государства был абсолютно легальным и юридически безупречным. В интервью каналу «Вести+» сам Джон Перкинс определил это так: «Карпоратократия – это тоже люди, мужчины и женщины, которым принадлежат крупнейшие корпорации. Они, по сути, ничего не делают нелегально. Но при этом они контролируют большую часть правительств мира. Через финансовые институты. Они контролируют основные СМИ, напрямую владея ими или их рекламными бюджетами».¹³

При сетевом захвате государства наиболее доступным для обработки и ангажирования социальным актором становятся элиты, в силу, как минимум, их большей социальной статистики и предсказуемости. Именно на их основе может быть создана наиболее эффективная и действенная социальная сеть, открывающая доступ к непосредственному управлению государством. Подобным образом были ангажированы и элиты постсоветской России в начале 90-х годов, что чуть не привело к полному коллапсу российской экономики и десоверенизации самого государства. Тогда МВФ и Международный банк так же были ключевыми участниками, а теория Перкинса была реализована практически буквально, в своём классическом виде.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Гавриш Г.Б. Трансформация механизмов обеспечения национальной безопасности в условиях постмодерна. Институциональные аспекты // Информационные войны, №2. 2008.

2 Luard E. The Blunted Sword: The Erosion of Military Power in Modern world politics. London, 1988.

3 Гарт Б.Л. «Стратегия не прямых действий». М.: Эксмо, Мидгард, СПб., 2008.

4 Gouldner A. The Coming Crisis of Western Sociology. N.Y., 1970.

5 «Сетевые войны. Угроза нового поколения» (сборник), М., 2009.

6 Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. М., 2005.

7 Там же.

8 Кравченко А.И. Социология. М., 2008, с. 20.

9 Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. М., 2005.

10 Там же.

11 Там же.

12 Там же.

13 Канал «Вести+», <http://rutube.ru/playlists/play/285079.html> 18 декабря 2008.

Ислам, Русская Православная Церковь и государство в постсоветской России

К

рушение СССР ознаменовалось бурным ростом интереса населения к традиционным и нетрадиционным формам религии, в которой искали кто новую идеологию, кто альтернативу опустылевшему коммунизму, а кто и возможности для карьерного роста. Уже в конце 80-х гг. XX века по всей территории страны строятся новые церкви и мечети, телевидение делает первые робкие попытки освещения религиозных праздников. Религиозные организации стремятся укреплять связи с зарубежными единоверцами, отсюда текут финансовые потоки на возрождение православия, ислама, иудаизма, буддизма и других конфессий.

Религиозность становится модным явлением, тесно интегрированным в политику. Различные политические организации не только ведут борьбу за голоса верующих, но и пытаются использовать религии в качестве идеологической основы для своих проектов. В России присутствуют две основные конфессии – православное христианство и ислам суннитского толка.¹ Именно к ним было приковано основное внимание государственной власти в последние 20 лет, и причина этого заключается не только в количественном отношении последователей этих конфессий по отношению к другим. Православное христианство становится своего рода основной религией России. Несмотря на светскую Конституцию, руководители страны регулярно посещают храмы, православные иерархи на государственном телевидении высказывают экспертные мнения по различным вопросам политики, экономики и культуры.

Взаимоотношения между государством и религиозными организациями регулируются Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях».² Согласно статье 4 закона Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Однако, как уже неоднократно отмечалось, этот закон в Российской Федерации действует с поправками на действительность.

Законодательная база Российской Федерации, сформировавшаяся в 90-е гг. XX века в соответствии с западными аналогами, построенными в первую очередь на сложившейся в США в XVIII-XIX вв. протестантской



Александр Сотниченко — кандидат исторических наук, доцент факультета Международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета



системы взаимоотношений государства, церкви и общества.³ Однако не только взаимоотношения между властью и религией в России всегда отличались от таковых в Европе, но и исторический путь России в XX веке предлагал серьезную альтернативу европейскому взгляду на этот вопрос. Поэтому, секулярное законодательство постоянно корректируется как в центре, так и на местах. Эта ситуация постоянно служит предметом обсуждений со стороны представителей всевозможных новых религиозных культов.⁴ Фактически в современной России складывается иерархия религий и конфессий, первое место в которой принадлежит Русской православной церкви (РПЦ), второе – исламу (о мусульманских организациях подробно далее), третье – иудаизму и буддизму как традиционным культам и далее уже всем остальным.

Данная ситуация сложилась по следующим причинам. Советская власть, несмотря на декларируемую свободу совести, ущемляла верующих и религиозные организации. В результате кризиса советской системы в 80-е годы XX века возник массовый интерес ко всему, что, так или иначе ограничивалось, запрещалось. Это касалось в том числе и религии как культурного и мировоззренческого феномена.

Православное христианство стало привилегированной конфессией для власти не случайно. Примерно 80% населения Российской Федерации – русские, чьи предки до революции 1917 года являлись в основном адептами православия. Сейчас, согласно статистике, православными себя считают 73% россиян,⁵ причем, доля последователей структур, альтернативных РПЦ,⁶ не превышает 0,5% от числа верующих. Русская православная церковь имеет строгую иерархическую структуру, благодаря ко-

торой можно успешно контролировать деятельность отдельных ее подразделений. Ее идеология, как правило, не используется последователями для создания незаконных вооруженных формирований, проведения террористических актов или сепаратизма. Напротив, христианство призывает к терпимости, смирению и подчинению властям, что также способствует укреплению отношений между государством и церковью.

Современная российская государственность возникла как альтернатива коммунизму. Даже сейчас, спустя почти 20 лет после крушения СССР, властная элита России склонна винить советскую власть в современных политических, экономических, экологических и других проблемах страны. Примерно такое же отношение к коммунистическому прошлому присуще РПЦ. Руководство СССР отделило церковь от государства, но национализировало все церковное имущество, репрессировало в 20-30 гг. XX века до 90% священнослужителей, лишило церковь возможности влиять на общество. В конце 80-х гг. XX века церковь начинает активно выступать за передачу бывшего церковного имущества от государства, и этот процесс до сих пор еще не завершен. Государство по возможности способствует этому процессу.

Совсем иные отношения сложились у государства с исламом. С одной стороны, власть не может игнорировать ислам как самостоятельную силу, способную влиять на общество: в современной России ислам исповедуют, согласно опросам общественного мнения, 6% населения страны,⁷ а согласно заявлению Владимира Путина на саммите ОИК – до 15%.⁸ С другой, количество проблем во взаимоотношениях власти и ислама значительно больше, чем в отношениях между правительством и РПЦ.



С конца XVIII века ислам в Российской империи был иерархизирован по образцу православной церкви. Главой мусульман был провозглашен муфтий, а страна была разделена на регионы (по образцу митрополий церкви).⁹ Такая практика с вариациями сохранялась до начала 90-х гг. XX века. Ислам суннитского толка, распространенный на территории России, не предполагает иерархической структуры управления, тем более в отсутствии единого авторитета – халифа. Поэтому с распадом СССР в Российской Федерации происходит создание многочисленных независимых региональных муфтиятов, а также структур, претендующих на всероссийский масштаб. В настоящее время сложились три основные структуры, объединяющие мусульман в России, кроме того, существует и ряд независимых центров. Отношения между этими организациями довольно напряженные, постоянно идет спор за главенство в тех или иных регионах. Рядовые и региональные структуры часто критикуют постановления центральных органов. Фактически, мы не можем говорить о существовании единой мусульманской уммы в России. Это обстоятельство чрезвычайно затрудняет диалог между властью и исламом.

Для многих регионов Российской Федерации ислам стал использоваться как символ сепаратизма и отделения от Москвы. Нам всем хорошо известен пример Чечни, которая встала в один ряд с такими центрами политических амбиций под исламскими лозунгами, как Афганистан, Палестина, Джамму и Кашмир, Косово, Босния и Герцого-

вина.¹⁰ Известно, что изначально лидер мятежников генерал Джохар Дудаев не обращал большого внимания на исламскую составляющую чеченского сепаратизма. Однако затем для привлечения ресурсов, добровольцев и СМИ банальный пост-имперский региональный и этнический сепаратизм стал одним из фронтов всемирного джихада против неверных. Серьезное внимание властей привлекало распространение идей сепаратизма и чистого ислама в других республиках Северного Кавказа, а также в Поволжье. Особую настороженность в отношении ислама власти России начали показывать в начале XXI века, в ответ на события Второй чеченской войны (1999–2001), террористические акты в Москве, Волгодонске и в Нью-Йорке.

Фактически власть находилась перед дилеммой: с одной стороны, ислам представлялся недружественной силой, символом сепаратизма и антироссийских выступлений; с другой, было не совсем понятно, что делать с многомиллионной общиной коренных мусульман России, которые и так страдали от негативного отношения со стороны органов власти. Эта дилемма не разрешена до сих пор.

РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

В настоящее время между политической элитой России и Русской православной церковью сложились прочные взаимовыгодные отношения. Президент Дмитрий Медведев и особенно его супруга регулярно посещают церковь и принимают участие в различных религиозных праздниках. Фактически сейчас РПЦ является единственной всероссийской независимой общественной организацией, которая пользуется большой популярностью и доверием населения. Кроме того, фактически, РПЦ сохранила под своим влиянием почти всю территорию бывшего СССР, что также успешно используется властью. Создана общественная организация – Всемирный русский народный собор,¹¹ в задачу которого входит разрешение духовных проблем, стоящих перед Россией, а также работа с соотечественниками за рубежом. В заседаниях Соборов с 2000 года регулярно участвуют высшие чиновники Кремля, в том числе Владимир Путин. Главой Собора является Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

В последнее время наметился настоящий политический союз между Кремлем и православием. Это связано с крупными идеологическими проблемами внутри правящей верхушки. У партии власти Единая Россия фактически отсутствует политическая идеология: с одной стороны, в партии и Правительстве Российской Федерации преобладают праволиберальные настроения, с другой, их категорически не поддерживает население, в связи с чем руководители государства вынуждены идти на популистские политические заявления патриотического и даже социалистического характера. В случае союза с Кремлем православная церковь своим авторитетом могла бы одухотворить, сакрализировать власть, обеспечить ей дополнительную легитимизацию.

В подтверждение этого тезиса 8 июля появилась новость о том, что отныне по предварительной договоренности «Единая Россия» будет согласовывать законопроекты в Государственной думе с Московской патриархией.¹² Кроме того, церковь довольно долго и относительно успешно ведет борьбу за введение курса «Основы православной культуры» в общеобразовательную



программу средних школ, активно участвует в деятельности армии и структур МВД.

Однако между государством и церковью существует несколько проблем, которые пока не нашли решения. Среди правящей элиты довольно прочные позиции занимают либералы-прагматики, которые негативно относятся к инициативам слияния православия и власти, видя в РПЦ конкурента в борьбе за экономические активы и лишний иррациональный центр влияния на политику Кремля. Среди православных довольно серьезно распространены идеи о возможном введении монархического управления в России, что также устраивает далеко не всех. Серьезный конфликт существует между РПЦ и музеями, которые часто занимают здания, ранее до 1917 г. принадлежащие церкви, и на которые церковь претендует. Также ряд проблем возникает в связи с двойным назначением некоторых ценностей, в первую очередь икон: патриархия просит музей перевезти те или иные иконы в храм для богослужений, однако администрация музея отказывается, ссылаясь на возможные повреждения, которые будут нанесены уникальным иконам в результате транспортировки или хранения в ненадлежащих условиях.¹³

Еще один конфликт связан с различными взглядами государства и церкви на историю России. Известно, что Москва часто и обстоятельно критикуется со стороны правительств стран Восточной Европы, а также ряда европейских международных организаций за преступления советского режима. В частности, 3 июля 2009 года ОБСЕ одобрила Вильнюсскую декларацию, согласно которой вина в развязывании Второй Мировой войны лежит в равной степени на режимах гитлеровской Германии и СССР.¹⁴ Эти решения чрезвычайно обостряют отношения между Россией и Западом, и Москва предпочитает негативно реагировать на такого рода антироссийские инициативы.

Церковь, сильно пострадавшая от советской власти, всегда критиковала внутреннюю политику СССР, однако никогда критика не была настолько серьезной, как в последнее время. Глава ОВЦС архиепископ Иларион в интервью журналу «Эксперт» предвосхитил резолюцию ОБСЕ и сравнил Гитлера со Сталиным по количеству злодеяний.¹⁵ Подобную же позицию неоднократно высказывали и другие не столь высокопоставленные священнослужители РПЦ либерального крыла – о. Георгий Митрофанов, игумен Петр Мещеринов и некоторое другие. До самого последнего времени власти не касались этого вопроса, однако 8 июля 2009 года правительственный телеканал «Вести» посвятил специальную передачу критике таких настроений

в церкви. Предполагается, что в самое ближайшее время мы окажемся свидетелями коррекции взаимоотношений между церковью и государством в вопросах выработки общих взглядов на историю СССР.

Российская власть и ислам

Отношения российской власти и ислама являются чрезвычайно сложными и противоречивыми. Существует несколько факторов, осложняющих отношения между мусульманами и государством. Ислам не является самой многочисленной религией России, однако, ссылаясь на Закон о свободе совести мусульмане критикуют власть за особые отношения с православной церковью. В частности, это касается вопросов распределения средств на проведение религиозных праздников, строительства мечетей, а также на образовательные нужды. Мусульмане требуют равенства, которое им гарантировано законом, однако трудноосуществимо благодаря диспропорции между православным и мусульманским населением России.

Большой проблемой в отношениях между государством и исламом является отсутствие единого представительства мусульман, организации, которая бы пользовалась одинаково авторитетом верующих и доверием властей. В настоящее время существуют три крупных организации и несколько мелких, региональных. Наиболее лояльно к государству ЦДУМ (CSAM the Central Spiritual Authority of Muslims)¹⁶ – наследник единой мусульманской структуры, сложившейся под контролем властей еще во второй половине XVIII века. Этой организации принадлежит около 40% мечетей на территории Российской Федерации, однако авторитет ее лидера – Талгата Таджуддина – среди мусульман, особенно среди молодежи, невелик. Организация отличается резкой критикой нетрадиционных для России мусульманских течений, подозреваемых в организации террора, что способствует ее сближению с властями. Однако в 2003 году ее лидер в интервью объявил джихад США за развязывание войны в Ираке, что нанесло непоправимый удар по авторитету этой структуры. Несмотря на лояльность и умеренность ЦДУМ, интерес властей к ней, равно как и ее популярность среди мусульман, неуклонно снижается.

Значительно более динамично развивающейся структурой является Совет муфтиев России (Council of Mufties of Russia).¹⁷ Эта организация возникла в результате распада СССР и последовавшего за ним раскола центральной всесоюзной структуры ДУМ и оформилась в 1996 году. Среди

ее сторонников оказались мусульмане, критиковавшие ЦДУМ за сотрудничество с безбожной советской властью, за безынициативность и отсутствие реакции на вызовы времени. СМР принадлежит мечетей, может быть, и немногим меньше, чем основным конкурентам из ЦДУМ, однако центральный офис находится в Москве, что упрощает общение с властями. Московская соборная мечеть также входит в юрисдикцию СМР. В последнее время глава СМР муфтий Равиль Гайнутдин часто появляется на экранах телевидения, его поддерживают такие известные политики, как мэр Москвы Юрий Лужков. Однако существует целый ряд причин, по которым эта организация не может полностью поддерживаться властями и стать единственным представителем интересов мусульман в России.

Еще в 90-е годы XX века многие создатели СМР имели тесные связи с многочисленными исламскими организациями, которые теперь признаны террористическими и салафитскими. Муфтий Равиль Гайнутдин неоднократно менял свою позицию по отношению к ваххабизму, деятельности чеченских сепаратистов, неоднократно критиковал власти. В состав руководства СМР входят такие одиозные личности, как шейх Карачай,¹⁸ Али-Вячеслав Полосин,¹⁹ Нафигулла Аширов,²⁰ и другие. СМР активно критикует деятельность РПЦ, что также не способствует сближению с государством.

Есть и еще одна проблема, касающаяся обеих организаций российских мусульман. В составе руководства в основном присутствуют татары, сунниты ханифитского мазхаба, в то время как на Кавказе преимущественно распространены шафиитский. После раскола российской уммы в начале 90-х гг. XX века кавказский ислам развивался своими собственными путями и сейчас контролируется единой региональной кавказской структурой – Координационным центром мусульман Северного Кавказа (КЦ МСК). Кавказскому исламу пришлось выдержать основную борьбу с нетрадиционными исламскими течениями, которые распространились на Юге России. Одним из лидеров северокавказской уммы был шейх Ахмад Кадыров, возглавивший Чечню в результате Второй чеченской войны, а сейчас большой популярностью пользуется его сын, президент Чечни Рамзан Кадыров, которого некоторые эксперты пророчили в лидеры российских мусульман. Однако особенности ислама в регионе и этнический состав большинства российских мусульман (татары) не позволяют сделать Кавказ центром российского ислама.

Одной из главных проблем взаимоотношений ислама и государства в России является экстремизм. В результате экспансии салафитов значительное количество мусульман стали адептами новых религиозных направлений, нетрадиционных для России. По мнению экспертов, около 10% российской уммы принадлежат к салафитам и фактически не могут принимать участия в диалоге между исламом и властью. Поставленные вне закона сторонники чистого ислама приравнены к террористам и обречены на экстремизм. Государственная власть и официальные исламские структуры занимаются активным поиском и разоблачением подпольных исламских религиозных центров. Большое количество религиозной литературы находится под запретом. Салафизм тесно связан с сепаратистскими движениями на Северном Кавказе, поэтому большинство недовольных действиями центральных и региональных властей находят прибежище у сала-

фитов. Фактически вся оппозиция на Северном Кавказе – исламская и салафитская, что усиливает накал противостояния между центром и регионами.

Поскольку сепаратизм на Северном Кавказе, тесно связанный с религиозным экстремизмом, давно превратился в одну из самых серьезных внутренних проблем Российской Федерации, центральная власть крайне недовольно относится к исламу. В обществе по разным причинам наблюдается рост исламофобии, которая так или иначе отражается и на власти.²¹ Создается впечатление, что власть не знает, как относиться к исламу, с какими движениями сотрудничать, какую литературу запрещать, как относиться к мусульманскому прозелитизму. Политика по отношению к исламу так и не выработана.

Особенно характерно это отражается на мусульманском образовании в России. С распадом СССР единственный исламский университет и медресе остались за пределами России на территории Узбекистана. Власти не смогли проконтролировать создание новых учебных центров, поэтому они возникали стихийно, как правило, на средства, полученные от иностранных спонсоров, которые преследовали собственные цели. В результате оказалось, что многие независимые образовательные центры в 90-е гг. XX века стали заниматься пропагандой экстремизма, терроризма и сепаратизма. Преподавателями в них часто оказывались выходцы из Ближнего Востока и Северной Африки, многие из которых скрывались на территории России от преследований со стороны собственного правительства. Власти вынуждены были закрывать новообразованные медресе, что вызвало волну протестов со стороны мусульман, усилило недоверие между мусульманской уммой и государством.

Только сейчас Москва разработала концепцию исламского образования в России, которая предполагает обучение мусульман на базе ряда избранных университетов. В эту программу вложены огромные средства, однако ее участники пессимистически смотрят на ее возможные результаты. До самого последнего времени желающие не могли получить высшего мусульманского образования в России и вынуждены были отправляться за границу, где часто становились объектом пропаганды со стороны нетрадиционных для местной уммы течений в исламе.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ И ИСЛАМОМ В РОССИИ

Православие и ислам сосуществуют на территории России в рамках единого государства вот уже более 700 лет. За это время были периоды как мирных взаимоотношений, так и конкуренции, и даже противостояния. Однако мы можем с уверенностью сказать, что в стране адепты разных конфессий хоть и не пользовались равными правами, но имели возможность свободно исповедовать свою религию и не опасаться за свою жизнь и имущество.

В СССР взаимоотношения между единой мусульманской организацией ДУМ и РПЦ, а также между верующими мусульманами и православными были дружественные. В первую очередь, это было связано с тем, что религиозные организации вынуждены были оказывать мягкое сопротивление атеизму центральной власти. Прозелитизм был исключен, равно как и отсутствовали финансовые и имущественные разногласия. После распада



СССР ситуация в корне меняется. Возникает ряд проблем, многие из которых не разрешены до сих пор.

В первую очередь, необходимо отметить проблему негативного отношения к исламу со стороны церкви и православного населения России, возникшую в последние двадцать лет. Фактически мы сейчас говорим о таком явлении как исламофобия, которая свойственна не только православным, но значительному числу жителей России. Это явление сформировалось очень быстро по ряду субъективных и объективных причин и сейчас имеет значительное распространение.²²

В 80-е гг. XX века СССР вел войну в Афганистане, где Советской армии противостояли повстанцы-мусульмане, открыто заявлявшие о религиозной направленности своего сопротивления. В советской литературе и прессе за ними закрепился стереотипный термин с негативной окраской «моджахед» (ар. Муджахид), то есть человек, ведущий джихад. Велика была роль международных мусульманских организаций в финансировании и вооружении афганского сопротивления. Большие потери и фактическое поражение СССР в войне в Афганистане создали первый негативный образ ислама, мусульманина в сознании советского человека.

Следующим шагом в развитии антиисламского мифа стали антирусские настроения в республиках Центральной Азии и Кавказа. Огромное число русских, проживавших в Таджикистане, Узбекистане, Киргизии, Азербайджане со второй половины XIX века, вынуждены были покинуть свои дома и эмигрировать в Россию. Руководство Российской Федерации не предпринимало никаких усилий по обеспечению беженцев жильем, работой, не обеспечило

безопасность русских жителей Северного Кавказа. В результате сложился стереотип голодного бездомного русского беженца, пострадавшего от воинствующего ислама.

Чеченская война и последующее поражение Российской Федерации также внесли немалый вклад в формировании исламофобии в российском обществе. Воинствующий ислам (а про другую телевидение и газеты не говорили) становится едва ли не главным врагом русского общества, причем в дальнейшем мусульманское вероисповедание становится необходимым атрибутом всех террористов и вообще выходцев с Юга.²³ Кульминация создания и закрепления этого стереотипа в сознании русских происходит в 2001–2007 гг.: начиная с террористических атак Аль-Каиды в Нью-Йорке и заканчивая ростом интонациональной миграции, которой придавали однозначный исламский оттенок (мусульманская миграция).

Таким образом в современной России сформировался стереотипный образ ислама как агрессивной, воинствующей религии, тесно связанной с сепаратизмом, терроризмом и наркобизнесом.²⁴ Этот стереотип в значительной степени отразился на сознании православных граждан и руководстве РПЦ. Однако у церкви есть свои, особые претензии к исламу, которые подтверждают созданные стереотипы, но базируются на иных источниках и материалах.

Несмотря на существование единой иерархической структуры, РПЦ имеет внутри себя несколько мировоззренческих групп, которые конкурируют между собой за влияние. Наиболее исламофобскими из них являются либеральное и националистическое направления. Эти две группы имеют значительный политический вес, курируют множество издательств, веб-сайтов и радиостанций.

Священники и миряне, придерживающиеся такого мировоззрения, занимают видные посты в церковной иерархии. Несмотря на кажущиеся различия между ними, по отношению к исламу их позиции очень сходны и почти полностью пересекаются.

Первая группа – либералы – подвергают критике ислам за неуважение к правам человека, за ограничения по отношению к женщинам, за дискриминацию других религий и т.п. По своей аргументации они близки к либерал-консерваторам из США и Европы, например, Гиирта Вильдерса, лидера голландской Партии Свободы.²⁵ Разумеется, не обходится и без богословских разоблачений. Основными антиисламскими тезисами православных либералов становятся разоблачение язычества мусульман (доказывается антропоморфизм мусульманского бога),²⁶ их жестокость, кровожадность и чувственность. Православный религиовед Ю. Максимов пишет книгу про мусульманский рай, в которой доказывает его приземленность и примитивность.²⁷ Значительную популярность среди православных, как либералов, так и националистов, имеют фантастический роман Е. Чудиновой «Мечеть Парижской Богоматери»,²⁸ и Суад «Сожжённая заживо. Жертва закона мужчин»²⁹ и некоторые другие, поддерживающие мифы об агрессивности и жестокости мусульман. Есть информация, что эти книги распространялись в московских храмах среди верующих.

Немалую роль в формировании фронта противостояния по линии христианство – ислам в России сыграла новая концепция миссионерства, неоднократно озвученная новым патриархом Кириллом и его окружением. Изначально предполагалось христианское просвещение непрактикующих православных, которых, согласно статистике, до 70% населения.³⁰ Однако некоторые активные священники и миряне занялись распространением христианства среди мусульман. В результате этого отношения между РПЦ и мусульманами несколько осложнились.

В России христианство и ислам почти до самого последнего времени не обладали равными правами, что на самом деле исключало конфликт между религиями. В Российской империи мусульмане проживали замкнутой общиной и сопротивлялись христианской миссии, в СССР ислам и РПЦ совместно противостояли атеизму власти. Сейчас, получив формально равные права, две прозелитические религии превратились в конкурентов, ведущих друг с другом информационную войну за человеческие души. Причем следует заметить, прозелитическая практика ислама, направленная против конкурента, в настоящее время более успешна, чем христианская.

С начала 90-х гг. XX века ислам стал привлекать огромное число последователей, не принадлежащих к этносам, традиционно исповедующих ислам. Как правило, салафитский ислам привлекал новых адептов из числа русских, украинцев, белорусов своей оппозиционностью, радикальностью и динамичностью. Либеральные реформы в России не пользовались популярностью среди населения, оттого множество молодых людей выходило на путь политического сопротивления власти при помощи сотрудничества с радикальными правыми и левыми движениями, а также принимая ислам. В данном случае именно негативный образ ислама, созданный СМИ, привлекал молодежь, разочаровавшуюся в фашизме, радикальном язычестве, национал-большевизме. Из сторонников националистических движений, например, возникла НОРМ (Национальная

организация русских мусульман), впоследствии расколовшаяся на множество других организаций.

Если ЦДУМ никак не привлекала на свою сторону этнических русских, оставаясь по преимуществу национальной татарской организацией, то СМР занял в этом вопросе такую же роль, как радикальные православные миссионеры. Руководство, опираясь на Закон о свободе совести, не только поощряло переход в ислам этнических русских, но и привлекало их к управлению СМР. В настоящее время советником муфтия Равиля Гайнутдина является бывший православный священник Али-Вячеслав Полосин, известный своими антихристианскими позициями, а пост заместителя муфтия по межрелигиозному диалогу занимает недавно принявший ислам этнический русский Искандер Казаков. Следует заметить, что в исламе существует широко распространенное мнение о невозможности занятия религиозных постов новообращенными, которое в данном случае игнорируется. Разумеется, такая позиция СМР не может удовлетворять руководство РПЦ, ведет к росту недоверия между христианами и мусульманами России, а также способствует популярности антиисламских настроений среди православных.

Существует и другая позиция, настроенная на диалог между христианством и исламом в России. Среди сторонников мирных отношений – митрополит Ташкентский Владимир, автор книги «А друзей искать на Востоке».³¹ С его точки зрения, христианство и ислам как две традиционные конфессии России и постсоветского пространства должны выработать совместную позицию по отношению к решению проблем нравственности, воспитания и образования. В исламских кругах сходную позицию занимает ЦДУМ. Среди новых религиозных деятелей сторонником укрепления взаимоотношений между исламом и христианством является Мухаммад Хенни, возглавляющий исламский культурный центр в Санкт-Петербурге. По его словам, многие русские, принимающие ислам, либо находятся в стадии богоискания и недолго задерживаются в общине, либо представляют себе ислам в качестве революционного политического движения, направленного на радикальное преобразование общества. Поэтому объектами для прозелитизма должны являться в первую очередь этнические мусульмане, по ряду причин не практикующие свою религию.

В России как стране многонациональной и многоконфессиональной религиозные проблемы всегда переживались очень остро и всегда пересекались с политическими и социальными противоречиями. Все восстания против центральной власти так или иначе имели религиозный аспект, что в XV, что в XXI веках. Поэтому всегда государство так или иначе стремилось поддерживать межрелигиозный мир в стране. В настоящее время политическая элита Российской Федерации еще не имеет твердой стратегии религиозной политики, так как существует множество противоречий между государством и основными традициями – православным христианством и суннитским исламом.

Пока удалось разрешить основные проблемы только между двумя из трех исследуемых организаций – государством и РПЦ. Взаимоотношения же между государством и исламом, а также исламом и православием остаются сложными. Эти проблемы чрезвычайно трудно

разрешить в рамках либеральной политической системы, предполагающей секуляризм, равенство между конфессиями и равноудаленность государства от религиозных организаций. К сожалению, государство уделяет немного сил урегулированию проблемных взаимоотношений с исламом, действуя в рамках разработанной европейской и американской концепции мультикультурализма и толерантности. Это вызывает, с одной стороны, негативное отношение большинства населения, с другой – заставляет значительное число мусульман уходить в подполье.

С нашей точки зрения, следует разработать собственную российскую концепцию межрелигиозного мира, в которой государство должно выступить посредником между исламом и православным христианством, предло-

жить ряд соглашений, регулирующих межконфессиональные взаимоотношения. В частности, следует особое внимание обратить на прозелитизм христианства и ислама по отношению друг к другу, критиковать назначение конвертов на ответственные посты. В различных странах введена практика межрелигиозных конференций и диалогов, на которых религиозные лидеры вырабатывают совместные решения нравственных и социальных вопросов. Это может быть опробовано и в России. В случае недостаточного внимания властей к проблемам межконфессиональных отношений религии могут стать субъектом политической борьбы, как это уже неоднократно случалось во всем мире, и привести к необратимым для страны последствиям вплоть до ее распада.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- 1 Также в России распространены иудаизм, буддизм, католицизм, различные протестантские культы, шаманизм, но большинство населения все же неверующие или маловерующие. Например, согласно статистике 2008 г. Великий Пост полностью держат всего 3% населения и частично 9%, в то время, как к последователям православия себя причисляют 73% населения. Из числа православных в Великий пост сохраняют свой обычный режим питания 78%. Подробная статистика см. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 938. Великий пост в жизни россиян // <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10035.html>
- 2 Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» №125ФЗ. Принят Государственной Думой 19 сентября 1997 г., одобрен Советом Федерации 24 сентября 1997 г., подписан президентом Российской Федерации Б. Ельциным 26 сентября 1997 г.
- 3 Filatov S. Religious Life in Eurasia: Responses to Globalization (in lieu of an introduction) // Religion and Globalization in Eurasia. M., Carnegie Endowment, 2009. P. 12.
- 4 Например, в июне 2007 г. в Санкт-Петербургском Христианском Университете (занимается подготовкой пасторов для различных протестантских общин) прошла конференция на тему «Защита прав граждан на свободу совести и вероисповедания – сфера взаимной ответственности государства и общества» (К 10-летию принятия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»), на которой позиция властей подвергалась резкой критике.
- 5 Пресс-выпуск № 938. Великий пост в жизни россиян. <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10035.html>
- 6 Это Российская Православная Автономная церковь, Российская Истинная Православная церковь, старообрядцы различных гласий, некоторые одиозные священники, формально принадлежащие к иным иерархическим структурам или самостоятельные – о. Яков Кротов и др.
- 7 Пресс-выпуск № 938. Великий пост в жизни россиян. <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10035.html>
- 8 Вениамин Попов. Мини-ООН для исламского мира. // Россия в глобальной политике <http://www.globalaffairs.ru/articles/2235.html>
- 9 Подобное разделение было принято и в Турции, как полагают исследователи Византии и Османской империи, например, С.Ф. Орешкова и другие, по образцу иерархии Константинопольского патриархата.
- 10 Подробнее об общих чертах исламского сопротивления и исламском сепаратизме в указанных регионах см. Kepel Jilles. Jihad. 2003.
- 11 Всемирный русский народный собор. <http://www.vrns.ru/>
- 12 ЕдРо будет согласовывать законы с Московским патриархатом. // <http://www.zaks.ru/new/archive/view/58521>
- 13 Последний такой конфликт произошел между Московской патриархией и Третьяковской Гелереей из-за просьбы церкви вывести икону Троицы Андрея Рублева в Троице-Сергиеву Лавру для богослужения. Подробнее см. Церковь отделяет иконы от государства. Коммерсант, № 212 21.11.2008.
- 14 OSCE Parliamentary Assembly adopts Vilnius Declaration. // Official website of CSCE <http://www.osce.org/item/38620.html>
- 15 Миссия в миру. Интервью с архиепископом Илларионом. // Эксперт №23 (661) 15 июня 2009 г.
- 16 Официальный сайт Центрального Духовного управления мусульман <http://www.moslem.ru>
- 17 Официальный сайт Совета муфтиев – <http://www.muslim.ru/>
- 18 Шейх Карачай (Магомед Биджиев) – религиозный деятель на Северном Кавказе, в начале 90-х гг. XX в. занимал неоднозначную позицию по отношению к сепаратистскому движению в Чечне, считается одним из идеологов карачаевского сепаратизма.
- 19 Али-Вячеслав Полосин – бывший православный священник, принявший ислам. Ныне занимает пост советника муфтия Равиля Гайнутдина. Автор книг, посвященных критике христианства.
- 20 Нафигулла Аширов – муфтий, председатель Духовного Управления мусульман Азиатской части России. Известен своими популистскими высказываниями, критикующими герб России и другую государственную символику, а также пропагандой многоженства.
- 21 Подробнее см. Сотниченко А.А. Исламофобия в современной России. История возникновения и современное состояние. Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 6. Вып. 1. СПб., 2008. С. 32-45.
- 22 В настоящее время в России негативно относятся к исламу 40% населения, в то время, как в США – 25%. Сотниченко А.А. Ibid.
- 23 Этот стереотип постоянно вскармливался телевидением, художественными фильмами, в которых положительным героям противостояли террористы и подчеркнута мусульманской идентичностью.
- 24 Подробнее об этом см. Малащенко А. Исламская альтернатива и исламистский проект. М., 2004. Также другие публикации московского центра Карнеги <http://www.carnegie.ru>
- 25 Sotnichenko Alexander. The New, Non-Traditional Right. // RP Monitor. Analytical online journal. <http://www.rpmonitor.ru/en/en/detail.php?ID=13773>
- 26 Особенно активно развивает эту мысль С.А. Сергеев, редактор миссионерского портала Азбука (www.azbyka.ru)
- 27 Максимов Ю. Образ рая в христианстве и исламе. М., 2004.
- 28 Чудинова Е. Мечеть Парижской Богоматери. М., 2003.
- 29 Souad. Burned Alive: a Victim of the Law of Men. L., 2006.
- 30 Пресс-выпуск № 938. Великий пост в жизни россиян. <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10035.html>
- 31 Митрополит Владимир (Иким). А друзей искать на Востоке. Ташкент, 2004.

REAL POLITIK



Елена Жосул

кандидат политических наук, обозреватель информационного агентства «Интерфакс-Религия» специально для «Русского времени»

Первосвятительские поездки патриарха Московского и всея Руси Кирилла за пределы Московской епархии, совершенные им в течение первого года предстоятельства, предлагают новые ракурсы в анализе ситуации в бывших советских республиках. В поездках этих, перенасыщенных в содержательном, смысловом плане, отчетливо кристаллизуется вектор внешнеполитической активности Русской церкви и вырабатываемой ею новой модели геополитической стратегии. Эта модель должна быть внимательно изучена светским политическим сообществом, в первую очередь, экспертами по ближнезарубежной политике России, а также теми, кто относит себя к политтехнологическому классу, но хотел бы поставить политтехнологии на прочный фундамент ценностного базиса.



ПАТРИАРХ КИРИЛЛА

События, в течение 2009 года происходившие в церковно-общественном поле, убеждают даже самых предвзятых наблюдателей в том, что Русская православная церковь сегодня все более уверенно претендует на самостоятельную роль в выработке геополитической концепции для России. Очевидно также, что личная инициатива и персональные убеждения ее нынешнего предстоятеля могут сыграть в этом немаловажную роль. Международные связи, как известно, – привычная сфера для 16-го Московского патриарха, до этого почти два десятилетия возглавлявшего церковный МИД.

По сравнению с другими субъектами геополитического процесса Церковь обладает несомненным внеконкурентным преимуществом. При выстраивании отношений с государствами ближнезарубежного ареала, с населением, в силу политических спонтанностей оказавшимся по другую сторону госграницы, Церкви нет нужды изобретать новые схемы и дипломатические конструкции. Ей достаточно просто продолжать многовековую традицию причащения русских, украинцев, белоруссов и молдаван из одной Чаши. В своей внешней деятельности Церковь движется в том же направлении, которое декларируют ту же сторону, что и российские политические институты, ее

общественная активность естественным образом выдержана в русле национальных интересов России. Однако, действуя в тех же социальных плоскостях, Церковь реализует свою пневмополитику (греч. *пнеума* – дух), собственную духовную миссию, которая, затрагивая игроков политического процесса, зачастую удачно попадает в труднодостижимые для них цели – благодаря методам «мягкой», гуманитарной дипломатии.

Другое стратегическое преимущество Церкви при выходе на сложные рубежи межгосударственного дискурса – искренний позитивный смысл проповеди, послание со знаком «плюс», построенное на конструктивном посыле. Церковь стремится в первую очередь к соединению, воссоединению, а не к отторжению. Она четко обозначает свое несогласие с теми, кто нарушает Ее канонические нормы, – но при этом радеет об их возвращении и покаянии заблуждающихся. Внешние визиты патриарха Кирилла изобилуют соответствующими примерами. Самый яркий из них – знаменитое трехминутное блиц-выступление Святейшего на центральной площади Ровно, перед бушующими массами, где осанна («Наш патриарх Кирилл!») сливалась с негодующими криками («Ганьба!»).

Обстановка перед ровенским Воскресенским собором (верхний престол с начала 1990-х занят филаретовцами, община Московского патриархата служит в нижнем храме) к моменту появления патриарха успела накалиться до предела – сторонники и противники Русской церкви пели и кричали до изнеможения. Спонтанный (неожиданный, внезапный) грозовой ливень обрушился на людскую толпу как водопад, никого, од-

нако, не остудив и не спугнув. Патриарх появился в эпицентре всеобщей вакханалии (в первую очередь) как провозвестник мира и глашатай Воскресения Христова. «Что же он скажет в ответ на все это (безумие)? С чего начнет?» – крутилось в умах многих – священства, монахинь, журналистов – плотно обступивших помост перед собором, куда патриарх поднялся благословлять паству. И услышали – «Христос воскрес!» – возглас, привычный для апреля (нам весной), но на самом деле вневременной, несется над ровенской площадью, над митингом националистов и живоблокитными флагами, над толпой раскольников на крыльце «епархиального управления Киевского патриархата». «Геть московского попа!» – решительно отзываются филаретовцы в ответ на пасхальное приветствие Московского патриарха.

Миссионерская проповедь, использование древних, но постоянно актуальных пастырских формул в социальном диалоге – это тот дополнительный и очень конструктивный дипломатический язык, который Русская церковь

предлагает политическим акторам. Предстоятель Церкви продемонстрировал Ее состоятельность в плане нахождения общего языка для разных групп украинского населения. О разном – и в то же время об общем – он говорил с богословами Киевской духовной академии, верующими Луцкой епархии, изгнанными, как и в Ровно, из своего кафедрального собора, с многомиллионной аудиторией телеканала «Интер», эфир на котором в результате оказался рекордным для телеканала за последние месяцы.

Что касается политического пространства Украины, здесь патриарший маршрут был специально выстроен с целью подкрепить единство страны, страдающей от углубляющихся водоразделов между отдельными ее регионами. Патриарх Кирилл последовал из столицы через Восток (Донбасс) на черноморский Юг (Крым) и далее – Запад (Волынь и Почаев). Места, так или иначе связанные с жизненным путем равноапостольного Владимира – киевская купель всенародного крещения, корсунская купель крещения самого Владимира, Зимненский мона-

стырь на Волыни – резиденция святого князя и место хранения его венчальной иконы, благословения его союза с византийской царевной Анной.

Белоруссия – вторая для патриарха Кирилла ближнезарубежная страна. Различия с соседней Украиной в плане духовного климата разительны – здесь делегацию Русской церкви власти страны встречают с распростертыми объятиями («Ваше Святейшество! Вы приехали к себе домой!!» – восторженно-энергичные крики белорусского президента на встрече с патриархом Кириллом у минского Свято-Духова собора стали заметным антиподом холодной «мовы» Виктора Ющенко в Киеве у памятника жертвам Голодомора). В Белоруссии при появлении патриарха Кирилла не было слышно криков – оппозиционеров здесь, как любят констатировать либеральные СМИ, «закатывают в асфальт», а пастве канонической (какой же еще?) Православной церкви не нужно пробивать лбом стены в отстаивании храмов и введении в школах основ православия. Те же тысячи людей на улицах – приветствуют предстоятеля спокойно, радостно, но не экстатически.

Впрочем, «белорусское направление» предполагает собственные неразрешенные вопросы и задачи – неразрешенные для государственной элиты, нынешнего политического класса, однако посильные для единой Православной церкви Союзного государства, как то было продемонстрировано во время первосвященнической поездки патриарха. Тезисы патриарха Кирилла во время его публичных выступлений в Белоруссии были маяками,

*Пневмополитика – духовная политика
Русской церкви – может стать для
российской геополитики одновременно
и опорой, и компасом.*



которые ставит Церковь, неустанно напоминая ЛПР (лицам, принимающим решения) о цивилизационной общности и ценностно-культурном единстве как базисе, необходимом для успешного политико-переговорного процесса. Церковь все более уверенно проявляет собственную миссию главной союзной скрепы в отношениях Минск-Москва.

Поездки патриарха Кирилла в Киевскую и Белую Русь показали: Русская церковь на данный момент способна выполнять опережающие функции для отечественной дипломатии. Выводы неизбежны: международный образ Русской церкви должен стать объектом особой заботы и попечительства российского МИД, публичный PR церковноначалия, отстраивающего внешние связи Московского патриархата, – попасть в зону стратегических интересов дипломатических think-tankеров, заботящихся, путем создания медиа-продуктов наподобие «Russia Today», об имидже страны за рубежом.

Представителям государственного класса стоит помнить о том, что Московский патриархат активно участвует в созидании Русского мира – пространства русской духовной культуры, рассеянного в местах исторического пребывания носителей этой культуры. При этом Русская церковь в своей внешней политике активно стремится выйти за государственно-географические рамки слова «русская». Именно на Украине патриарх Кирилл впервые сообщил о намерении символически маркировать тот факт, что административные границы Российской Федерации не являются барьером для его общения с паствой. На встрече с духовенством Львовской епархии, «передовой» конфликтов с раскольниками и униатами, патриарх объявил о планах установки в тронном зале патриархии флагов всех стран, входящих в каноническую территорию Московского патриархата. Второй, осенний, «питерский» Синод в историческом синодальном здании на Сенатской площади проводился уже в обрамлении пестрой цветовой гаммы.

Отдельный вектор внешней работы Московского патриархата – открытие новых храмов и организация приходов для русских общин в дальнем зарубежье. Будь то приспособленные помещения в зданиях посольств, дипмиссий и консульств, бывшие католические костелы или лютеранские кирхи, опустевшие из-за оскудения паствы, либо специально построенные, как правило, при поддержке местных властей, новые церковные здания. Русская церковь «опутывает» всю планету собственной коммуникационной сетью, расставляя в разных точках все новые «вышки»-приходы. Чем больше «вышек», как известно, – тем лучше связь, тем отчетливее ловится в этом государстве русская православная культура.



Однако Русская церковь во главе с патриархом Кириллом все активнее вступая в пространство геополитического делания, уверенно заявляя о четкости своих позиций по тем или иным положениям российской внешней политики, обрекает себя на сложное будущее. Именно Церкви сегодня, с учетом ее роли для людей русского мира, предписано нести обломки разваленной империи, поддерживать хотя бы относительную жизнеспособность ее идейного имперского содержимого. Решительность московского патриаршего центра в оценке процессов in Urbe et Orbe заставит многочисленных международных контрагентов принять выжидательную стойку и ждать в области русской церковной политики хотя бы малейшей осечки. Особенно по щепетильным вопросам, таким как экзистенциальный выбор православных верующих Южной Осетии и Абхазии. Терпение последних периодически не выдерживает, их желание оторваться от Грузии и примкнуть к Русской церкви пытается прорваться сквозь деликатные гладкие, подчеркнута нейтралитетные оговорки московских церковных дипломатов. Абхазо-юго-осетинский вопрос – один из ближайших тест-драйвов для крепнущей, набирающей обороты церковной пневмополитики. Едва ли сегодня кто-то будет спорить с тем, что ракурс его разрешения окажет прямое воздействие на контуры и цвета на политической карте Северного Кавказа ближайших десятилетий.

ЕВРЕЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ, СИОНИЗМ И ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ

— **П**ровозглашение в 1948 году сионистами государства Израиль многим кажется воплощением многовековой мечты евреев о возвращении на свою родину. Почему же именно ортодоксальные, ведущие традиционный образ жизни евреи, столь ревностно соблюдающие обычаи цудаизма, отвергли уже при возникновении и продолжают отвергать сейчас сионизм?

— Действительно, самое резкое отторжение движения сионизма и современного государства, основанного на его идеях провозглашается во имя Торы и еврейской традиции. Во французском оригинале, название которого сохранено в польском, голландском и арабском переводах, книга так и называется: *Во имя Торы*.

Часто и из разных источников критику сионизма и сионистского государства порицают, объявляя ее проявлением антисемитизма или самоненависти. Но такое обвинение по отношению к людям, сохранившим в невероятно тяжелых, часто просто в нечеловеческих условиях (погромы, изгнания, геноцид) данную им, как они считают, самим Господом коллективную идентичность, выглядит совершенно неправдоподобно и просто нелепо.

Со стороны отторжение евреями сионизма кажется парадоксом. Ведь газеты зачастую называют Израиль «еврейским государством», а вслед за ними и общественность начинает автоматически проводить связь между местными евреями и израильскими солдатами, которых столь часто показывают в телевизионных новостях. Израильские политики также все чаще говорят «от имени еврейского народа». Также парадоксальным выглядит то, как наиболее преданные традиции противники сионизма молятся несколько раз в день о возвращении в Святую землю. Но парадокс этот лишь видимый: ведь как основоположники и адепты сионистского движения, так и его противники считают возникновение сионизма и провозглашение Государства Израиль точками радикального разрыва с еврейской традицией, «великого перелома» еврейской истории. То есть получается, что сионизм — это, возможно, одно из последних революционных движений XIX — XX вв., которому удалось дожить до наших дней.

Это — Ваша личная точка зрения или такое мнение разделяют другие специалисты? И в чем, собственно, суть причин, которыми мотивируется то отторжение сионизма и государства Израиль, которое описано в Вашей книге?



В этом году в Москве в издательстве «Текст» вышел русский перевод книги профессора истории Монреальского университета Якова Равкина под названием «Еврей против еврея. Иудейское сопротивление сионизму». Александр Кушнир встретился с автором и взял у него интервью специально для «Русского времени».

— Нет ничего удивительного в том, что традиционным евреям чужды проекты создания нового общества и нового еврея. Они считают святотатством лишенное духовного смысла понятие «лицо еврейской национальности», которое легло в основу идеи массового переселения в Святую землю в прошлом веке. Особенно резко протестуют они против использования для этого военной силы. Вот что пишет об этом известный израильский историк Иосиф Сальмон:

«Сионизм представлял собой серьезнейшую опасность, ибо он лишал традиционную еврейскую общину – как в Земле Израилевой, так и в странах рассеяния – сущности ее существования: упование на приход Мессии. Сионизм бросал вызов всему традиционному иудаизму: «переопределением» евреев в качестве обычной современной национальности, своим насаждением нового образа жизни, своим отказом от религиозного понимания Рассеяния и Искушения. Угроза сионизма проникла в каждую еврейскую общину; она была прямой и безжалостной, и противопоставить ей можно было лишь столь же бескомпромиссное сопротивление»

В книге моей обрисованы контуры этого сопротивления «прямой и безжалостной» угрозе сионизма. Она рассказывает о продолжительной и решительной борьбе против него, которую ведут как евреи ортодоксальные, так и реформистские и даже некоторые выходцы из национально-религиозного движения, ставшего в последние годы основным оплотом сионизма и израильского патриотизма. Духовных противников сионизма объединяет приверженность моральным ценностям иудаизма и стремление тем самым сохранить верность еврейской традиции. Идёт речь о частном случае куда более общей, фундаментальной полемики современности: противники сионизма, так же как Лев Толстой или Томас Манн, отстаивают определяющую роль духовности в истории.

— **Духовность – субстанция тонкая и неуловимая. А каковы конкретные вопросы, которые поднимает Ваша книга?**

— На мой взгляд, она должна позволить читателю по-новому взглянуть на понятие «титульной», или «коренной», нации, обретшее новую жизнь после распада СССР. Сионистское государство по своей природе противится принципу отчуждения гражданства от этничности, на котором зиждятся такие государства, как США или Россия. Напротив, государство Израиль, как, к примеру, Эстония, продолжает сохранять связь между гражданством и этничностью. Книга объясняет интересный парадокс: почему крайние националисты всего мира – и многие антисемиты в том числе – с энтузиазмом поддерживают государство Израиль, тогда как оно вызывает всё большие разногласия и даже отторжение в среде евреев.

История еврейского противостояния сионизму – это история взаимоотношений политики и религии, их преломления в обществе. Так что книга затрагивает самые злободневные проблемы современного мира, выходящие далеко за пределы истории еврейской и Ближнего Востока.



— **А найдёт ли для себя в Вашей книге что-нибудь актуальное именно российский читатель?**

— Прежде всего он найдет в этой книге немало знакомых реалий, которыми я специально дополнил это издание, с тем чтобы он смог лучше проникнуть в суть идейного сопротивления сионизму. Надеюсь, что это издание привлечет внимание широкого круга читателей, которым небезразличны судьбы современного мира, и, в частности, Ближнего Востока, где у миллионов бывших советских граждан живут родственники и друзья, а также всех тех, для кого духовность остаётся важной составляющей их жизни. Да и начинается книга с эпиграфа из А.Т. Твардовского: «...Кто прячет прошлое ревниво, тот вряд ли с будущим в ладу...»

Более того, история России как бы довлеет над судьбой Израиля. Кризис империи Романовых, приведший к массовому насилию в начале XX века, оказал прямое влияние на идеологию и практику сионизма. Признание и помощь со стороны СССР обеспечили государству Израиль военное превосходство на Ближнем Востоке в первые годы его существования. Даже его сегодняшнее правительство в значительной степени обязано своим избранием выходцам из России.

— **Но ведь не в России же возник сионизм?**

— Действительно, замысел о массовом переселении евреев в Святую землю возник не в России и даже не среди евреев: он поначалу созрел в умах английских и американских протестантов, для которых такое переселение должно ускорить Второе пришествие Христа. Далекий от любой религии венский журналист еврейского происхождения Теодор Герцль, родившийся в Венгрии, придал этой идее политическое содержание. Однако сионизм остался бы всего лишь предметом обсуждения для узкой группы респектабельных буржуа и интеллектуалов в Центральной Европе, если бы движение это не захватили куда менее респектабельные, но зато бескомпро-



Произраильские демонстранты-евреи обзывают их предателями и обвиняют явно правоверного вида иудеев в том, что они «ненастоящие евреи»

миссно целеустремлённые российские евреи из черты оседлости. Поэтому русское влияние на сионистскую колонизацию и израильское общество оказалось чрезвычайно мощным и долговременным.

Именно активисты из России настояли на том, что Палестина, а не Уганда должна служить плацдармом воплощения сионистской мечты. Именно они первыми ощутили себя не единоверцами, а «лицами еврейской национальности», которые, как все национальности, имеют право на самоопределение. (Общее с советским понятие «еврейская национальность» продолжает оставаться краеугольным камнем сионистской структуры государства Израиль.) Именно они стали первыми поселенцами-подвижниками, которые создали тот политический и концептуальный костяк, на котором до сих пор основано сионистское государство. Российские евреи привезли с собой на Святую землю практику политического террора и решимость опереться на собственные вооруженные силы. Российские евреи сыграли также ключевую роль в организации сионистского движения по всему миру: от Франции и Марокко до США и Японии.

— Так значит, оппозиция сионизму – это как бы оппозиция российскому еврейству?

— Совсем нет. Еврейское сопротивление сионизму также проявилось с наибольшей силой в России. Особый про-

тест вызывало и вызывает у противников сионизма уже упомянутое понятие «еврейской национальности», вытесняющее традиционно религиозное самосознание еврея как человека, чье поведение должно отражать заповеди Божьи. В этом и заключается одна из важнейших целей сионистской программы: создать вместо духовного сообще-

ства некий этнос, народ или расу. Именно против этого уже более века выступают традиционные еврейские мыслители в России и за ее пределами, считая такой замысел глубоко противоречащим всей еврейской традиции и просто опасной авантюрой.

— И это сопротивление продолжается до сих пор?

— Каждый год во многих городах мира в День независимости Израиля проводятся мощные демонстрации в его поддержку. Чуть в стороне от демонстрации стоят мыслящие иначе евреи, среди которых немало бородатых, «пейсатых», зачастую облеченных во вретище иудеев с транспарантами: «Прекратить кровавую авантюру сионизма!», «Мечта сионистов обращается в кошмар», «Сионизм – это отрицание иудаизма». Эти люди в корне отрицают как сионизм, так и созданное этим политическим движением государство.

Произраильские демонстранты-евреи обзывают их предателями, обвиняют этих явно правоверного вида иудеев в том, что они «ненастоящие евреи», а некоторые даже кричат: «Жалко, что вас Гитлер не добил!». У них пытаются вырвать антисионистские плакаты – и в результате в дело вмешивается полиция, защищая одну группу евреев от другой. Именно такая сцена, которую я наблюдал в Монреале, подсказала мне сюжет этой книги.

— Но что такое сионизм?

— Среди многочисленных разновидностей сионизма победило направление, поставившее перед собой четыре основных цели: 1) превратить наднациональное еврейское самосознание, ориентированное на Тору и заповеди, в национальное самосознание, естественное для Европы того времени; 2) создать на базе библейского и раввинистического древнееврейского общий разговорный язык — иврит; 3) переселить евреев из стран, где они родились, в Палестину; 4) установить политический и экономический контроль над Палестиной, прибегая, по мере необходимости, к силовым методам. Если другие националисты хотели лишь отобрать у империй власть над своей страной и стать «хозяевами у себя дома», то сионисты ставили перед собой гораздо более трудную цель, стремясь одновременно решить и первые три задачи. Сионизм был смелой попыткой принудительной модернизации и преобразования страны, которую они считали отсталой и «жаждущей живительного пробуждения» со стороны европейских поселенцев. В этом смысле государство Израиль и по сей день остается попыткой осуществить западную модернизацию в регионе, который в значительной степени ей враждебен.

Появившись в мире европейского еврейства в конце XIX столетия, сионистское движение поначалу выглядело пугающим парадоксом. Призывая к модернизации и отвергая «мертвый» груз традиции и истории, оно в то же время идеализировало библейское прошлое, использовало традиционные религиозные символы и предлагало воплотить в жизнь тысячелетние чаяния. Но прежде всего сионизм по-своему определил, что означает быть евреем.

— А как сегодня относятся израильтяне к связи своего государства с еврейской традицией?

— В своем труде по истории идеологии сионизма профессор Шломо Авинери, бывший генеральный директор израильского МИДа, замечает:

«Евреи воспринимают пророчество об Избавлении как руководство к действию ничуть не в большей мере, чем большинство христиан — идею Второго пришествия. В качестве символа веры, солидарности и группового самосознания мессианство является важным компонентом еврейской системы ценностей; но, если рассматривать его как побудительную силу исторического праксиса, изменения исторической реальности, то оно целиком призывает к смирению».

Авинери, вполне светский сионист, считает, что было бы «данью пошлости, конформизму и апологетике» ассоциировать сионизм с освященной еврейской традицией «тесной связью евреев с Землей Израилевой». Он считает, что речь здесь идет не о триумфальном завершении многовекового стремления евреев в Святую землю, а о весьма радикальной метаморфозе еврейского самосознания.

Поэтому сионизм должен рассматриваться не как реакция на антисемитское окружение, а главным образом как отклик на распространение национализма в Европе. По словам Авинери, сколь бы жестоким ни было

преследование евреев в предыдущие столетия, сионизм не мог бы появиться до Французской революции. Таким образом, сионизм — несомненно — самая радикальная революция в еврейской истории.

— И это уловили тогда даже традиционные раввины?

— Они оказались удивительно проницательными. Так, например, раввин Шолом Дов Бер Шнеерсон (1860–1920), пятый любавичский ребе, чье влияние в России простиралось далеко за пределы хасидского сообщества, считал, что сионисты должны были в своих политических целях отбросить Тору: «Чтобы возбудить в наших братьях ощущение принадлежности к „нации“ со своим независимым государственным устройством ... сионисты должны поставить национализм выше Торы». В моей книге приведено немало высказываний крупнейших раввинов начала XX века, резко отвергавших политические цели сионистов.

Пропасть между последователями традиционного иудейства и поборниками еврейского национализма продолжает углубляться. Сегодня кажется, что сионизм побеждает. Это не означает, что традиционное иудейство находится в опасности: оно пережило в своей многовековой истории не один раскол. Достаточно вспомнить отпочкование христианства и мусульманства, возникновение хасидизма и различных реформистских движений, а также, уже в последние десятилетия, зарождение дерзновенной разновидности религиозного сионизма под названием «ортодоксальная модернизация».

— А среди светских еврейских мыслителей раздаётся критика сионизма?

— Даже после победы над нацизмом, когда стали известны масштабы массового уничтожения евреев в Европе, многие еврейские мыслители, такие как Ханна Арендт, Мартин Бубер и Альберт Эйнштейн, поддерживая идею поселения евреев в Палестине, считали, что только многонациональное плюралистическое государство, а не этнократия сможет обеспечить нормальные условия евреям в Святой земле. Публично осуждая насильственную «зачистку территории» сионистскими отрядами, они подчеркивали присущую этническому национализму агрессивность. Уроки, извлеченные ими из геноцида, весьма схожи с теми, которые извлекла из нее общественность Германии, где этнический национализм был раз и навсегда похоронен под развалинами Берлина в 1945 году. В наши дни немало евреев, осуждая практикуемую в Израиле дискриминацию, призывают к бойкоту и наложение на Израиль санкций. Отношение к сионизму и государству Израиль разделяет сегодня евреев как ни один другой вопрос современности.

По словам Джея Майкельсона, одного из лидеров молодого поколения евреев США, иудейство вообще теряет смысл, если это означает только лишь «печаль о своих» и выгораживать Израиль по принципу «моя страна всегда права» (my country — right or wrong) : «Иудейство, единственная цель которого защищать евреев, ничего не значит... Настоящее иудейство печется не только о еврейском племени, а о реальных проблемах мира, что решительно делает наше древнее религиозное призвание современным и актуальным».

Revisiting Russian Conservatism

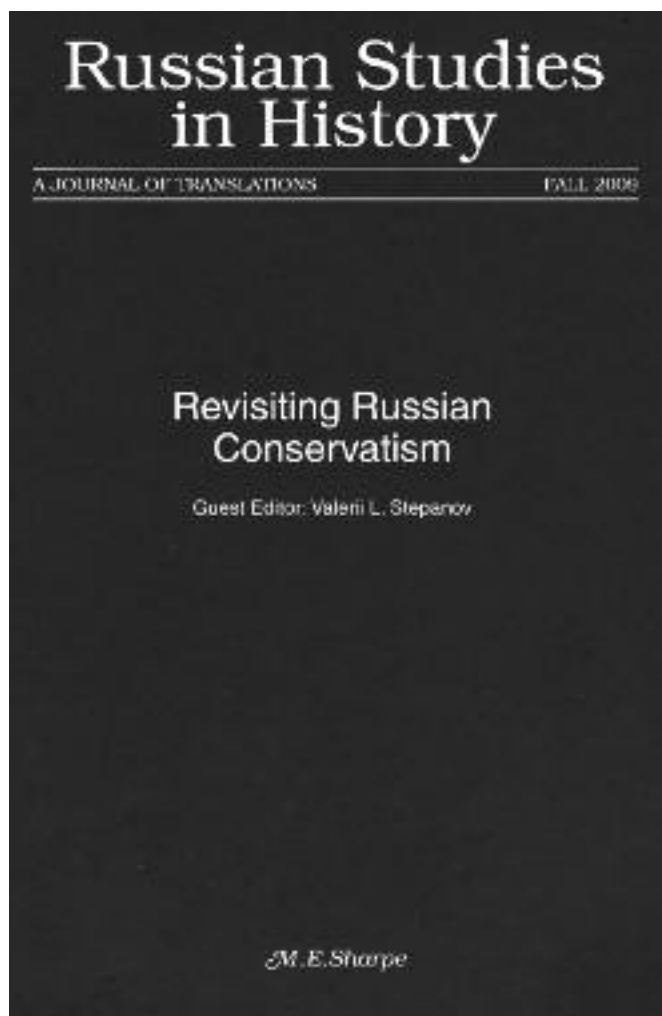
История русского консерватизма за последнее десятилетие стала одной из приоритетных тем в отечественной историографии. В начале нового тысячелетия в стране как никогда бурно ведутся дискуссии о роли традиционных устоев в процессе модернизации, о соотношении национальных и общечеловеческих ценностей. В обществе назрела необходимость выработки национальной идеологии, которая могла бы способствовать решению назревших глобальных проблем. Однако в современной социальной и политической практике термин «консерватизм» утратил строгую определенность. Консерваторами называют самых разных представителей общественной мысли от либералов до социалистов. Между тем консерватизм – это система определенных идейных установок, вытекающих из религиозных, национальных, государственных, социальных, культурных и нравственных традиций. Поэтому, когда консервативная идея активно эксплуатируется в России различными партиями и группировками, она нередко утрачивает связь с первоначальной исторической основой. Это приводит к возрождению старых и формированию новых мифов о причинах генезиса консервативной идеологии в России.

Поэтому обращение исследователей к истории русского консерватизма становится все более актуальным, тем более, что в мировой науке давно и тщательно изучаются национальные направления консервативной мысли. В России историки, философы, политологи и публицисты стремятся пересмотреть прежние догматические оценки советской историографии, объективно взглянуть на идеологию и практику консервативного движения, восполнить пробелы в изучении этой проблематики, преодолеть теоретико-методологическое отставание от методов и подходов, применяющихся в изучении интеллектуальной истории на Западе. Об интересе к теме свидетельствуют статьи в различных журналах и сборниках, фундаментальные монографии, а также многочисленные конференции, состоявшиеся в последние годы. На философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета и на историческом факультете Воронежского государственного университета созданы центры по изучению консерватизма. В научной литературе анализируются идеология и практика консерватизма (причем не

Русская версия вступительной статьи ведущего научного сотрудника Института экономики РАН доктора исторических наук Валерия Леонидовича Степанова к американскому сборнику «Russian studies in history: a journal of translations» (2009, vol. 42, no. 2), целиком посвященному тематике русского консерватизма («Revisiting Russian Conservatism»). Материал любезно предоставлен автором.

только как особого течения общественной мысли, но в контексте развития других политических течений, прежде всего либерализма и социализма), определяется степень влияния консерваторов на правительственную политику, место и роль консервативных деятелей в государственной и общественно-политической жизни России и зарубежья, выявляются причины слабости российского консерватизма в эпоху политических потрясений начала XX века, которые в итоге привели его к полному поражению в 1917 году.

Номер журнала открывает статья директора научной библиотеки Воронежского государственного университета, руководителя Центра по изучению консерватизма А.Ю. Минакова. Под его редакцией вышел ряд сборников и коллективных монографий, посвященных истории русского и зарубежного консерватизма. Он является одним из создателей веб-сайта «Консерватизм в России и мире» (<http://conservatism.narod.ru/>), который представляет собою электронную библиотеку, где оперативно размещаются работы современных авторов, посвященных этой теме. А.Ю. Минаков занимается изучением истории раннего русского консерватизма конца XVIII – первой трети XIX века. В центре его внимания – становление и генезис этого направления общественной мысли, его специфические факторы, способствующие его возникновению и развитию, типология его различных течений. Публикуемая статья А.Ю. Минакова содержит обзор научной литературы, посвященной русскому консерватизму. В ней выделяются основные этапы изучения этой темы, характеризуются их особенности, определяются основные школы и направления в российской исторической науке, намечаются наиболее актуальные исследовательские задачи на ближайшее десятилетие.



К числу авторов, много лет занимающихся изучением русской консервативной мысли, принадлежит главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории (Москва) А.В. Репников. Его книга «Консервативные концепции переустройства России» (М., 2007) содержит глубокий анализ сильных и слабых сторон идейного наследия консерваторов, которое отнюдь не сводилось к отрицанию прогресса, поскольку они упорно искали варианты «консервативной модернизации», сочетающие почвенные традиции с назревшими новациями. В публикуемой статье А.В. Репникова прослеживаются новые тенденции изучения консерватизма в постсоветской России. Автор дает подробный историографический обзор как общетеоретических исследований, посвященных русскому консерватизму и правомонархическим партиям, так и работ, в которых получила освещение деятельность отдельных теоретиков и практиков этого движения. Особое внимание в статье уделено дискуссионным вопросам, касающимся генезиса, типологии и периодизации русского консерватизма. А.В. Репников формулирует новые задачи, стоящие перед исследователями, а также акцентирует внимание на попытках различных политических сил в современной России использовать идеологию консерватизма в своих целях.

Старший научный сотрудник Института российской истории Российской Академии наук И.А. Христофоров много и плодотворно работает над проблемами идеологического содержания внутренней политики самодержавия, взаимовлияния российских и западных идеологических доктрин. В своей монографии ««Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.)». (М., 2002) и ряде статей он стремится продемонстрировать единство русской и европейской политической мысли и одновременно условность, подвижность границ, отделявших консерваторов от либералов или радикалов, как в Петербурге, так и в Берлине или Париже. И.А. Христофоров считает, что русский консерватизм был совокупностью различных, иногда противоположных друг другу идеологических проектов, и задачей исследователей должно стать не изобретение некоего вневременного инвариантного «русского консерватизма», а тщательный анализ реальных консервативных доктрин и практик во всем их многообразии. В публикуемой статье И.А. Христофоров предпринимает попытку, используя данные последних исследований, представить общую картину эволюции консервативных течений в России XIX века. Он выделяет несколько этапов этого процесса, останавливаясь на отличиях различных вариантов консервативной идеологии. Особое внимание в статье уделяется сложному вопросу о соотношении консервативной и националистической идеологии. Следует обратить внимание на вывод автора об эволюции консерватизма во второй половине столетия от оппозиционного течения к официальному идеологическому проекту.

Доцент Владимирского государственного университета И.В. Омелянчук является автором монографии «Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914)» (Киев, 2006). Его статья посвящена экономическим взглядам русских консерваторов начала XX столетия. Эта тема долгое время оставалась за пределами внимания исследователей. Опираясь на обширный комплекс документов, И.В. Омелянчук опровергает прежнее мнение о том, что идеология правых движений не содержала разработанных концепций социально-экономического и политического развития России, и убедительно доказывает, что они достаточно ясно представляли себе проблемы народного хозяйства страны и предлагали вполне адекватные способы их разрешения, оставаясь при этом в рамках консервативной идеологии. По словам автора, консерваторы выступали за приоритет аграрного сектора, отсталость которого они предлагали преодолеть с помощью доступного мелкого кредита, кооперации, улучшения агрикультуры и сельскохозяйственной инфраструктуры. Развитие индустрии они связывали с ростом благосостояния русской деревни и созданием емкого внутреннего рынка для промышленных товаров, а также с установлением автаркии и избавлением от гнета иностранного капитала. По их мнению, подобная стратегия позволила бы России преодолеть дисбаланс в развитии аграрного и промышленного секторов народного хозяйства и встать на путь устойчивого развития.

Публикуемые статьи дают представление о проблематике и уровне разработке истории русского консерватизма и тех аспектах этой темы, которые привлекают внимание современных исследователей.

Опасная философия

Александр Дугин, «Постфилософия»,
изд. «Евразийское движение», Москва, 2009

Илья Дмитриев

Очередной увесистый том от главного консерватора России вышел в свет в издательстве «Евразийское движение». Книга называется «Постфилософия» и, кажется, самым своим названием указывает на ироничную рефлексию автора в отношении современной ситуации в философской среде и собственного места в ней.

Всех, кто так или иначе занимается сегодня философией, в частности, в России, можно условно разделить на два лагеря. Представители первого привыкли искать прибежище мысли в скрупулёзных методологических штудиях, отказавшись от претензии на онтологический размах и этические выводы. Вторые – это те, кто, по меткому выражению Алексея Нилова, этого Диогена Лаэртского наших дней, действительно «делают философию». Как правило, между двумя лагерями существует устойчивая взаимная неприязнь, и их представители то и дело норовят отказать друг другу в праве называться философами. Первые обвиняют последних в «ненаучности», тяготении к публицистике. Последние первых – в забвении о подлинном смысле философствования и общественной миссии философа.

Вне всякого сомнения, Александр Дугин принадлежит ко второму лагерю и даже в некотором смысле возглавляет его. Однако если ещё несколько лет назад вполне можно было говорить о маргинальном статусе Дугина-учёного – не смотря на докторскую степень и мировую известность, то сегодня

философ-традиционалист уже удостоен звания профессора и возглавляет исследовательский центр при факультете главного ВУЗа страны.

Видимо, такого рода признание заслуг и решено было отметить публикацией печатной версии курса лекций, прочитанного в МГУ ещё в прошлые годы. Основой курса является парадигмальный метод – учение о трёх сменяющих друг друга в процессе исторического развития глобальных типах сознания – премодерне, модерне и постмодерне. Широко используемую большинством обществоведов и культурологов схему автор «доводит до ума» в присущем только ему стиле, в результате чего вся конструкция приобретает отчётливые эсхатологические очертания, всеохватно описывая промежуток от сотворения мира до конца времён.

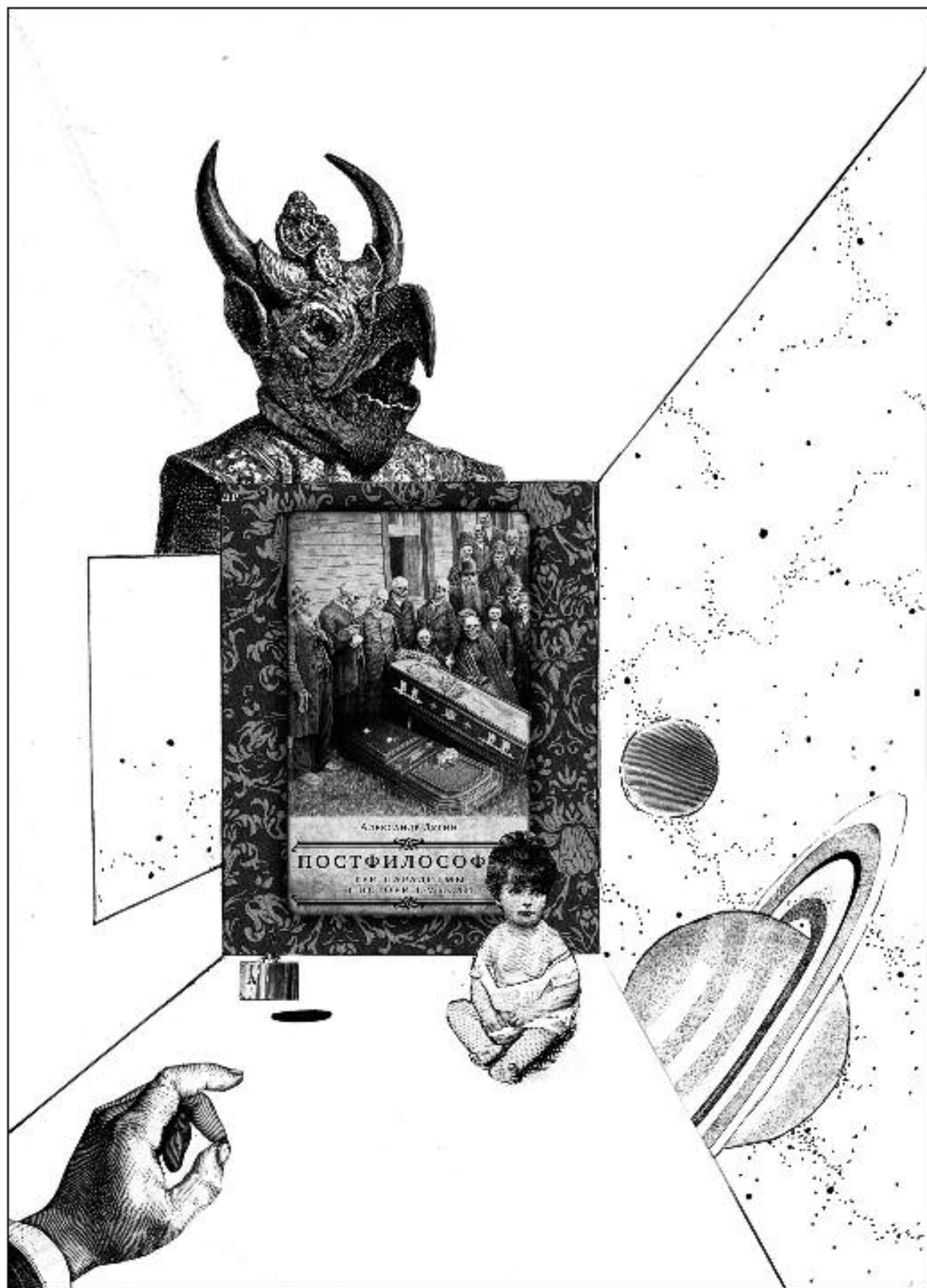
До сих пор, в какие бы смелые изыскания ни пускался философ, сколь оригинальные разработки ни использовал в своих интеллектуальных стратегиях, учение о трёх парадигмах остаётся методологическим каноном его школы. В этом смысле выход «Постфилософии» приходится кстати именно сегодня, ведь аудитория Дугина за последнее время значительно расширилась – в том числе и за счёт студентов, которым он теперь читает свои курсы на вполне регулярных началах. Так что тем, кто впервые открывает для себя философа, ознакомление с началами его мысли придётся весьма кстати.

Что же касается книги как обособленного целого, то без со-

мнения, «Постфилософия» – это очередной приговор современному обществу, вынесенный из уст радикального консерватора. С отстранённостью патологоанатома Дугин вскрывает самые глубоко запрятанные предпосылки настоящего и рисует картину вероятного будущего – так, как будто это уже не диагноз, а заключение о причинах смерти.

Впрочем, Дугин не был бы самим собой, если бы ограничился только констатацией. Конечно, «Постфилософия» – это не только книга-приговор, но и книга-руководство к действию, хотя и очень своеобразное. Поди, найдись, что возразить на всё происходящее, когда сам тот способ, которым ты выделяешь себя из окружающего мира на поверку оказывается частью заговора против тебя самого. В этом смысле философия Дугина, конечно, не замкнута в авторском тексте, но прокладывает себе дорогу через сознание читателя, от которого в значительной степени и зависит то, какими будут последние ответы и выводы.

И здесь автор, безусловно, наследует традицию повышенной требовательности к читателю, свойственную наиболее ярким представителям публичной мысли. В этой связи можно смело утверждать, что в лице Дугина академическая философия снова возвращает себе те атрибуты, в соответствии с которыми она во все времена признавалась вещью крайне захватывающей, опасной, требовательной и подчёркнуто актуальной.



Александр Дугин

«Радикальный субъект и его дубль»

изд. «Евразийское движение», М. 2009

Александр Бовдунов

Вышла в свет книга Александра Дугина «Радикальный субъект и его дубль». На этом можно остановиться. Уже первое предложение говорит нам о многом. Например о том, что полка каждого ценителя современной российской философии да и просто любителя поразмышлять и последить за подробным процессом у других, пополнится еще одним неоднозначным произведением известного русского философа. Неоднозначность его вовсе не в том, о чем могли бы подумать люди, мало знакомые с темой книги. Она безупречна как с формально философской точки зрения, так и со стилистической. Легкость чтения, пожалуй, одно из главных достоинств этого труда, несомненный плюс автора, умеющего излагать точные философские построения хорошим русским языком.

Неоднозначность заключена в самой теме, которая, отталкиваясь от классических традиционалистских концепций, именно благодаря живой

работе мысли выходит на новый уровень, по новому осмысляя не только традиционалистское наследие, «священные для каждого приверженца этого направления» тексты Генона и Эволя, но и предлагая взглянуть на традиционализм извне, так как это никто до него не пробовал. Это взгляд из другого, близкого, но все же отстраненного места, взгляд человека понимающего, и главное чувствующего тонкое движение мысли и самую суть традиционалистского и поистине консервативного взгляда на мир. Думается, для осознания и глубинного понимания сути книги важно осознать причастность автора к интеллектуальному ордену с совершенно особой, самобытной философией, яркими представителями которого кроме самого Дугина являются такие известные философы, писатели и общественные деятели, как Юрий Мамлеев, Евгений Головин и Гейдар Джемаль.

Сам Дугин в ранних лекциях и книге «Философия традиционализма» отмечал одну важную вещь, говоря о написанной еще в юности, но неопубликованной книге «Тамплиеры Иного», которая, как заявлял мэтр, является на самом деле квинт-эссенцией всего его философствования, равно как и может пролить свет на всю деятельность философа и геополитика с этого момента по сей день. Тайна, поиск скрытых ключей, которые могут открыть заветную дверь fasciniруют сами по себе. Что уж говорить о том, что стоит за многолетними трудами и головокружительным политическим опытом Александра Гельевича. Согласитесь, что уже небольшое приближение к этому крайне интересно.

Такой попыткой приближения и является «Радикальный субъект и его дубль». И ранее, в частности в уже упоминавшейся книге «Философия традиционализма» уже затрагивалась тема «новой метафизики». Такие лекции, как, например «Сатана и проблема предшествования» или «Истоки великого зла» также отличались известной травматичностью, затрагивая вопросы неудобные, или неоднозначно трактуемые в Традиции. Но целиком и полностью тема «новой метафизики», того, что метафизика старая, ранее не замечала, потому что ей хватало своего собственного содержания, становится главенствующей только здесь, в «Радикальном субъекте». Почему?

Сам Александр Дугин так отвечает на этот вопрос: «Мы неуклонно

приближаемся к важнейшей метафизической точке космического цикла – очень радикальной, очень «драстической» точке. И сама жесткость экзистенциальных, онтологических и циклических условий заставляет нас обратить внимание на те вещи, которые в конвенциональной исторической традиции были акцентированы лишь вскользь, либо не были затронуты вообще... Речь идет об совершенно уникальных условиях, где метафизические вопросы ставятся совершенно по особому, а метафизические проблемы совершенно по-особому решаются». Эта точка – точка конца. Потому новую метафизику можно по праву назвать метафизикой конца времен. И неслучайно в этой ситуации то, что «Радикальный Субъект» выходит сразу вслед за еще одной книгой Дугина, которая носит название «Постфилософия» и посвящена проблематике мышления и философствования в парадигме постмодерна. Сходство между миром победившего постмодерна и описаниями преапокалиптических времен, известными священному Писанию и Преданию – поразительное, а потому обе книги надо воспринимать как взаимно связанные. В Радикальном Субъекте есть и прямая отсылка к «Постфилософии» в главе «Постпространство и черные чудеса».



Новая метафизика интересна тем, что затрагивает те сферы и области, что как подводные камни, до поры до времени оставались скрытыми, тая тем не менее в себе опасность, но что может быть притягательнее опасности? Сейчас, в эпоху всеобщего истощения, когда



полноводное русло Традиции обмелело, только слепой не может их не заметить. В данном случае тот, кто духовно слеп. И хотя к таковым можно отнести 99% населения земного шара, это не мешает оставшемуся одному проценту всерьез заняться новой метафизикой, ясно мысля и ясно излагая. Подтолкнуть самому помыслить и самому выразить, одна из неявных, но важных задач книги. Как это сделать? Учиться у Дугина.

Книга жива, написанная на основе лекций прочтенных Александром Гельевичем в разное время, она несет на себе след живого и непринужденного общения с аудиторией и далека от псевдонаучной сухости и жонглирования специфическим терминами, которые, к сожалению, характерны для многих современных «философов», намеренно возводящих между собой и читателем стену непонимания. Здесь непонимание тоже возможно, но только ввиду неготовности самого читателя мыслить.

Проблематика Радикального Субъекта исследуется автором на протяжении уже более пяти лет, но несмотря на свою серьезность и привлекательность так и не стала ни евразийским, ни традиционалистским мейнстримом, и это при том, что Александр Дугин – на сегодняшний день один из наиболее известных представителей обоих

вышеупомянутых социально-философских учений мирового уровня. Думается, причина в элитарности и сложности затрагиваемых в книге вопросов, в непривычном ракурсе, в котором рассматриваются вещи, а более всего в исследовании доселе не затрагивавшегося интеллектуального измерения. «Радикальный Субъект» требует понять по новому то, что даже для нонконформистов является священной коровой, вторгаясь в запретные для простого смертного области. Для того, чтобы по настоящему мыслить о нем недостаточно владеть какой-то суммой научных знаний. Необходима еще и интеллектуальная смелость.

Эта книга не даст окончательных ответов на раз и навсегда поставленные вопросы. Она не для тех, кто ищет в книжном знании истину. Аудитория, к которой обращается автор – немногочисленна, это те, кто



смогут помыслить немислимое и воспринять казалось бы абстрактные вещи с реальной серьезностью. Это одно из средств отделить зерна от плевел.

Действительно, размышлять о «постсакральной воле», парадоксальной ситуации богооставленности, последней черты, в которой последнюю точку света, Радикальный субъект, уже не отличишь от его темного двойника – крайне сложно. Нет никаких гарантий, равно как и сдерживающих факторов, но тем кто оставаться мыслящим существом предстоит сделать шаг именно в этом направлении.

Александр Дугин

«Четвертая политическая теория»

изд. «Амфора», СПб., 2009

Фёдор Бирюков, газета «Завтра»

Сегодня, в новые времена, ознаменованные вначале «зарей в сапогах», а потом появлением доктрины «суверенной демократии» и развившимся из нее феноменом Тандема, русская жизнь во многом характеризуется устойчивым политическим нигилизмом масс. Назовем это общественное настроение «нигилизмом минус» (поскольку есть еще «нигилизм плюс» — активное, нарочито анархическое неприятие внешней социальной мишуры, встречающееся среди аутентичных крайне правых и левых радикалов).

Итак, «нигилизм минус». Демонстративная социальная апатия, доходящая до физиологического неприятия Политического в любом его проявлении (примеры: стабильно низкая явка на выборах, неприятие как «демократии», так и «тоталитаризма»). Принципиальное недоверие и нелюбовь к Государству вообще и к его представителям — агентам — различного уровня, в частности (этим пользуется даже сама верховная власть, периодически устраивая показательную «порку» проштрафившимся чиновникам, — такое, дескать, народу за всегда по душе). Экономическая игра с властями в «кошки-мышки», в результате которой государство привычно недополучает баснословные суммы в бюджет, а «хитрые» обыватели с мрачной решимостью лишают себя даже гипотетической социальной поддержки. И так далее.

Модифицированный русский вопрос в данный момент звучит так: «Кто виноват в том, что никто не

александр дугин



ЧЕТВЕРТАЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ

хочет ничего делать?» Готовых ответов масса: «кровавая гебня» (либеральная версия), «антинародный режим» (коммунистическая версия), «жидомасоны» (фашистская версия). Россия — как народ, социум — словно бы спит. Или убедительно притворяется, как дети в «тихий час». Но другие народы не спят: сотни тысяч американцев говорят своему президенту — «лжец»; недовольные изменчивыми законами рынка европейские крестьяне выливают свежее молоко прямо на поля, в землю, тем самым зачиная новую языческую традицию жертвоприношений; арабы и евреи, каждые отдельно, но массово и истово «посылают» друг

друга, периодически обмениваясь и более ощутимыми «посланиями»; и даже «нанятая» молдавская молодежь показала свою способность к творческому разрушению, а не только лишь к вербальному протесту. Русские же перестали даже держать для власти булыжник за пазухой, просто выкинув его в придорожную канаву. Кажется, что так. Но на самом деле — отнюдь.

Довольно жить миражами «холодной войны». Мы так долго с умилением смотрели дома на видео фильмы «Из России с любовью» и «Рэмбо III», что успели вжиться в предлагаемый образ а-ля «раши медвед». Между тем эпоха поменялась. Презрительно обзывая окружающее «обществом спектакля», мы не замечаем своих до предела изношенных сценических нарядов, — прямоком из XVIII столетия, с тех еще карнавалов-баррикад. Если уж мировая политика и в самом деле отдает театром, Россия должна стать звездой сцены. И никак иначе! Ведь настоящее Искусство — это сконцентрированная во времени Жизнь.

Новая книга русского философа, сторонника России как империи и идеолога неоевразийства Александра Дугина «Четвертая политическая теория», по замыслу самого автора — рецепт эффективного лекарства от вируса «нигилизма минус», убивающего политическую волю народа России. Что ж, по многим параметрам это так и есть.

Важнейший мессидж Дугина: все идеологии, которыми мы по инерции пытаемся пользоваться сей-

час, не то что устарели, но — непригодны, вредны для нашего национального организма, нашего государственного тела и разума.

На признанную молчаливым большинством победу либерализма и тотальный постмодернистский шабаш Дугин отвечает концепцией интегрального консерватизма, модулем переосмысленного и снабженного сверхсовременными «фишками» имперского евразийства и даже «эротического патриотизма». Насколько тоталитарен и вульгарен либерализм, настолько по-русски всечеловечной должна быть реакция/революция на него — Четвертая политическая теория.

«Россия и мир находятся в ситуации кризиса идеологий. Либерализм, коммунизм и фашизм — идео-

лософ подчеркивает, что «с достижением постмодерна либерализм стал не просто политической идеологией, но целым мировоззрением, которое уже не ставится под сомнение. Поэтому природа Четвертой политической теории загадочна — она может появиться, как протест против такой своего рода «матрицы», а может вырасти прямо из постмодерна». Жить опасно и быть бдительным — справедливые требования к русскому «политическому солдату» начала XXI века.

По ту сторону всех обесмысленных идеологий — Русское Завтра, Четвертая Теория, Пятая Империя. Счет можно продолжать, но зачем? Хочешь заглянуть за горизонт — стань гражданином, сделай шаг, несмотря на алко-пессимизм соседей по лестничной клетке. Пускай они живут в клетке, но ты — вырвись на



логии двадцатого века — изжили себя. Потому необходимо создание новой, четвертой политической теории», — заявил Александр Дугин на недавней презентации своей книги в Санкт-Петербурге, самом имперском городе Руси.

Завершая идеологический «квадрат», автор, по сути, спасает русского интеллигента, заблудившегося в трех соснах. Если для «мужика» число три является оптимальным, то «образованца» оно ставит в тупик — тупик либерализма. Поэтому они вообще избегают подобных дискуссий. Именно таких прогульщиков и подстерегает профессор Дугин — за ухо да на урок!

Противясь слишком буквальному и нетворческому прочтению, фи-



Будучи органичным элементом Русской Идеи, Четвертая политическая теория (ПТ №4) предполагает борьбу — за Народ, за Справедливость, против ненавистников Империи. Более того, зачастую нет времени для идентификации «свой — чужой», а ошибаться жалко. Тогда искренность становится основным критерием отбора в режиме онлайн-атаки. В связи с этим Александр Дугин советует своим сторонникам бить тех, кто не отвечает за свои слова и не готов пострадать за свои идеи. В общем, желающие пострадать — будьте готовы.



волю! Сегодня индивидуум, как ни странно, предшествует Империи вопреки «целому» — царству количества, легионам обывателей, — сейчас Личность рождает Власть.

Как и всякое оружие, 4ПТ опасна. Создающаяся прямо сейчас политическая теория дарит как жизнь, так и смерть. Так что, открывая новую книгу Александра Дугина, вспомните фильмы из серии «Hellraiser»: ищущих лишь низменных удовольствий — властных выгод — ожидает кромешный ад. Хорошо будет, если книга Дугина провокационно столкнет лбами нигилистов с обоих полюсов — и плюса, и минуса.

«Сетевые войны. Угроза нового поколения»

Сборник статей, Москва,
«Евразийское движение», 2009

Владимир Никитин

Рождением феномена сетевых войн можно считать конец Второй мировой войны, когда мир был строго разделен между двумя геополитическими полюсами. В случае их прямого столкновения миру грозило ядерное испепеление, чего, конечно, ни в Москве, ни в Вашингтоне не хотели, но военный потенциал все-таки накапливали. Именно в этот момент обе стороны приходят к тому, что можно назвать непрямым противостоянием или «холодной войной». Вьетнам, Афганистан, Африка, Европа, Южная Америка – борцы за свободу бились с борцами за справедливость, каждый раз применяя все более изощренные способы увеличить сферу своего влияния.

Разумеется, такая широкая география не подразумевала открытой декларации геополитических побед или поражений. Геополитика всегда была наукой элитарной, и объяснить, зачем во Вьетнаме или Афганистане кладутся сотни и тысячи жизней или свержается правительство где-нибудь в Южной Америке, является задачей чрезвычайно трудной. Поэтому новая война с самого своего начала велась на уровне подразумевания, того, что скрыто за потоками ничего не значащей официальной информации. Так из открытой военной или политической борьбы родилось явление сетевых войн. В США такой тип войны превратился в настоящую математически отточенную науку. Постепенно из военной стратегии сетевая война стала еще и средством управления. Теперь она уже ведется не только против врагов, но и против друзей, против нейтральных сил даже в мирное время. Именно так происходит после распада СССР в 1991 году, когда, как казалось нашим наивным руководителям, всяким противоречиям должен был настать конец. Ничего не закончилось. В каком-то смысле это можно воспринимать позитивно. Американцы все еще считают нас сильной державой и стремятся ослабить. У них точные науки развиты лучше, поэтому в этом смысле им можно доверять.

«Ничто не потеряно, пока не потеряно все», – таким девизом можно охарактеризовать сборник «Сетевые войны: угроза нового поколения», который был недавно выпущен Евразийским союзом молодежи. Книга представляет из себя набор статей о том, как США методично забирает под свой контроль не только страны СНГ, но и



регионы внутри самой постсоветской России. Несмотря на пессимистический энтузиазм евразийцев, их тексты следует воспринимать как интеллектуальный послыс российским властям и лично Владимиру Путину. Именно его лидер Международного евразийского движения Александр Дугин в своей вступительной статье считает ключевой фигурой геополитического поворота России к новым завоеваниям после десятилетия поражений, развала и национального унижения.

Книга изобилует техническими инструкциями и конспирологическими прогнозами сетевых баталий Вашингтона. Названы многие фамилии и номера счетов. Все ходы на «великой шахматной доске» изучены. Не хватает только достойного противника, который смог бы оказать сопротивление глобальной доминации американской сети. Поэтому книга евразийцев, возможно, не имеет читателя в нашем стабильном «суверенно-демократическом» государстве. Более того, многие материалы касаются довольно одиозных лиц, которые находятся на политическом олимпе нашего возрождающегося государства и продолжают наносить урон континентальным инициативам не только идейных евразийцев, но и стихийных патриотов. Поэтому книга распространяется закрытым тиражом, только для проверенных бойцов мерцающей Империи. Ни для всех и ни для кого.

Валерий Коровин

«Накануне империи. Прикладная геополитика и сетевые войны»

М.: Издательство «Евразийское Движение», 2008

Дмитрий Попов



Книга ученика и последователя Александр Дугина, естественно, посвящена продолжению дела учителя, а именно – Империи и вопросу «сетевых войн». Нельзя даже сказать, чему больше – настолько тесно сегодня переплетены эти две темы. Империей Дугин, можно сказать, занимался всегда, а тематику «сетевых войн» начал активно раскручивать в начале 2005 года. Валерий Коровин тогда сразу подхватил ее – первая в истории России лекция по «сетевым войнам» была прочитана им в Санкт-Петербурге в Учебно-методическом центре спецназа ГРУ. Сейчас же «сетевые войны» являются коньком Валерия Коровина – им посвящена отдельная книга специалиста, вышедшая в издательстве «Эксмо».

«Накануне империи» же можно считать вводной книгой по геополитике и, в частности, по «сетевым войнам». Она не требует специальной подготовки – даже «чайники» от геополитики смогут ее осилить. Чем еще удобна эта книга, так это тем, что ее можно читать практически с любого места. Где книгу открыли – ту главу и читайте. Опять же, удобно для «начинающих». Если только вступление Дугина и три первые работы самого автора («Тезисы о сетевых войнах», «Геополитический метод в концепции национальной безопасности» и «Схватка с «Анакондой») следует прочитать в обязательном порядке – это программные работы. Последующие же тексты можно назвать практическими приложениями к ним.

Вместе с тем нельзя сказать, что содержание «Накануне империи» разрознено. Здесь все связано – как связано в пресловутых «сетевых войнах». Содержание главы эхом откликнется в другой, даже если вы читали их не в том порядке.

С другой стороны эта книга – что-то вроде путевых заметок. Вот заметки о «дальних странах» («Евразийская миссия Адмирала Горшкова», «Будапешт будет пешкой?», «Страна

достроенного социализма», «Естественный лидер народа нохчи» и др.), вот беседы с «местными жителями» («Я тебя породил, я тебя и...», «Трагическая история одной спекуляции», «Неуютный русский мир»). Учитывая, что автор пишет тексты на основе своего практического опыта, аналогия усиливается: недаром подзаголовок книги – «Прикладная геополитика и сетевые войны».

Кавказу, естественно, автор уделяет особенное внимание. Большая часть текстов посвящена Чечне, затем – Ингушетии, и пара – Грузии. Подобное, казалось бы не актуальное по сегодняшним событиям разделение материала связано не только с тем, что в свое время автор был делегирован для проведения интеллектуальных, концептуальных и геополитических консультаций с представителями чеченской оппозиции. Специализация специализацией, но Чечня – это апогей сепаратистских проблем, с которыми пришлось столкнуться России, она же стала площадкой самых активных сетевых операций против России.

И подобная тенденция вовсе не сошла на нет, радикальный сепаратизм способен вспыхнуть не только на Кавказе, но в любой точке РФ, где имеет место хоть малейшее межэтническое трение или несогласие местных властей с центром. На примере же Чечни можно проследить причины подобных конфликтов, ход их развития и варианты их недопущения. Нынешнее обострение ситуации в Ингушетии лишний раз доказывает, что выкладки евразийских теоретиков по геополитическому противостоянию и «сетевым войнам» были верными, но, как говорится, нет пророка в своем отечестве.

Анализируя обстановку на постсоветском пространстве, Валерий Коровин не просто рассказывает «что» да «как», но главным образом «почему» и «как этого можно было избежать». Если не избежать, то хотя бы исправить, а если не исправить, то хотя бы смягчить. Геополитика –

наука точная, поэтому, в данном случае – к сожалению, ее прогнозы снова оказываются верными: Белоруссия движется на Запад, Казахстан становится региональной державой, ставящей себе привычку считаться только со своими интересами – а все потому, что Россия практически не следит не то, что за интеграционными процессами, но не заботится даже о союзничестве. Слишком много людей «наверху», которые, похоже, своей родиной считают... другую империю.

Кстати, иные главы можно сравнить с экскурсией... нет, не в зоопарк, а в российский политический мир. Не смотрите, что заметки датированы не нынешним годом. Законы политического мира не меняются. Действующие силы остаются все те же, меняются только персонажи, их представляющие. А для грамотного аналитика это ценнейший материал. Сейчас о таком уже не пишут, замалчивают, кто где был и что делал – тогда, а не сейчас.

Вообще, по вопросам, которые рассматриваются в книге, у нас, считай, никто и не пишет. Тем более в таком популярном изложении. Патриоты, конечно, нынче издаются предостаточно – всевозможных мастей и наклонностей, но на ниве геополитики никто не работает. А от одного термина «сетевые войны» у нас так и вовсе чуть ли не шарахаются. Напрасно – посмотрите, что в мире делается. Если игнорировать «Накануне империи» и ей подобные книги, то тогда, увы, мы находимся накануне той... другой империи.

ален де бенуа

ПРОТИВ
ЛИБЕРАЛИЗМА

К ЧЕТВЕРТОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Ален де Бенуа (настоящее имя Фабрис ла Рош, р. 1943), выдающийся французский философ, писатель, социолог, геополитик, историк религий и политических учений, автор более 50 книг и более 3 тысяч статей, переведенных почти на 20 языков. Имеет философское, теологическое и юридическое образование. Один из создателей интеллектуального течения, которое после 1968 года (как бы в противовес «новым левым») стали называться «новые правые». Создатель и издатель альманахов и журналов *Crisis*, *Nouvelle Ecole*, *Elements*. Среди книг Алена де Бенуа наиболее известны «Взгляд справа. Критическая антология современных идей» (1979), «Идеи как они есть» (1999), «Как можно быть язычником» (1981), «Европа и третий мир – одна борьба» (1986), «Против расизма» (1992), «Восстание культур. Европейский манифест XXI века» (1999).

Название «Новые правые» было вначале дано Алену де Бенуа и его друзьям левыми журналистами, однако оно довольно точно определило их интеллектуальную позицию. Они действительно правые, то есть полностью отвергают тот путь, по которому пошла Европа после так называемой эпохи Просвещения и особенно революции 1789 года. Однако, в отличие от «старых правых», «новые правые» отвергают также привязанность «обычных правых» к «консервативным ценностям Европы», таким как принцип «священной частной собственности», буржуазную

Ален де Бенуа

«Против либерализма к четвертой политической теории»

СПб.: Амфора, 2009

Владимир Карнец

семью, буржуазный национализм и даже монархию в том виде, какой она приобрела на Западе после окончания Средних веков, отвергают также такие проявления «европейской правой», как фашизм и национал-социализм. Все это для «новых правых» тот же самый «модерн», что и капитализм, коммунизм и новейшая глобализация. А сам Ален де Бенуа критикует также и «библейское мировоззрение», «иудеохристианство», но при этом отвергает и свойственный многим правым «антисемитизм» (точнее, юдофобию), считая ее невротическим проявлением все того же «иудеохристианского мировоззрения» на европейской почве.

В своем философствовании Ален де Бенуа идет по пути, начатом Ф. Ницше и М. Хайдеггером, в традиционалистских исследованиях он следует за Жозефом де Местром, Рене Геноном и Юлиусом Эволой, в области исторической и политико-правовой – за О. Шпенглером и К. Шмиттом, в описании «удела человеческого» – за Э. Юнгером, отчасти Ж.-П. Сартром и А. Мальро. Его интересует русская философия, особенно Н. Бердяев, о. Сергей Булгаков, о. Павел Флоренский. Из современных русских философов он поддерживает многолетнюю дружбу с Александром Дугиным, который и помог ему составить сборник «Против либерализма», предлагая его широкому российскому читателю.

По мнению Алена де Бенуа, кризис современной цивилизации вызван метафизическим отделением сущего от бытия и небытия, а следовательно, разделением субъ-



екта и объекта, а затем необоснованным выделением «человеческого» из «мирового». В этом, как он считает, повинно само смешение идей античной Европы, более цельной и органичной, по его мнению, и Библии, «духа леса» и «духа пустыни». Отсюда проистекает и его критика христианства как почвы, на которой вырос индивидуализм, капитализм и современная глобализация. В частности, он указывает, что вся идеология «прав человека» прямо вытекает из творений блаженного Августина и католической схоластики, прежде всего, трудов Фомы Аквинского. Отсюда его апология европейского язычества, которое в то же время,

как он считает, нельзя отождествлять с деятельностью современных «неоязычников», пытающихся реставрировать архаические культы на пустом месте (это такая же пародия, как и весь современный мир). В последнее время – во многом под влиянием А. Г. Дугина – Ален де Бенуа начал решительно отделять восточное Православие от западного христианства, увидел в нем метафизику и онтологию, гораздо более ему близкую, чем в католицизме и протестантизме, а во время своего посещения Москвы осенью 2008 года даже предостерегал от увлечения русской молодежи антихристианством, указывая, что метафизика

Православия совершенно иная, чем породившее глобализацию христианство Запада. Он в особенности призвал к изучению и осмыслению опыта православной дониконовской традиции, прямо связанной с наиболее плодотворной эпохой развития Русского государства.

Ален де Бенуа призывает к созданию «четвертой политической теории», альтернативной всем трем господствовавшим в XX веке идеологиям – либерализму, фашизму и коммунизму. При этом либерализм он полагает самой опасной и вредной из всех трех: именно либерализм – наиболее сильная и укорененная в эпохе модерна идеология. Она осталась после того, как умерли сначала фашизм, а потом и коммунизм. Поэтому «Против либерализма» называется книга, адресованная русскому читателю, наиболее атакуемому сегодня именно этой идеологией и ее фетишами.

Ален де Бенуа является сторонником самостоятельной и сильной Европы (при сохранении древней самобытности ее народов), противостоящей атлантическому сверхмогуществу и транснациональным корпорациям. Однако, в отличие от «старых правых», таких как француз Ж.-М. Ле Пен или австриец Й. Хайдер, он не настроен изначально против «Третьего мира» и этнических неевропейцев. Как и не является политическим антикоммунистом (подвергая при этом жесткой критике сами принципы коммунизма). Как трагедию он воспринял распад СССР, а сегодня является сторонником сильной и единой России вплоть до воссоздания Российской империи как опоры сильной и самостоятельной Европы. Политику России он считает даже более «европейской» (в изначальном смысле этого слова), чем политику нынешнего ЕС. Главная опасность для нашей страны, по его мнению, – военное и идеологическое разрушение перед лицом глобальной экспансии Запада, утратившего свои корни (если Запад их вновь обретет, считает философ, все будет иначе).

Безусловно, вышедшая только что книга Алена де Бенуа «Против либерализма» станет важной вехой борьбы подлинной Европы за подлинную Россию и подлинной России за подлинную Европу.



АЗБУКА ПОЛИТИКОВ И ПОЛИТОЛОГОВ

Расторгуев В.Н.

«ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ:

Избранные лекции и доклады»

Тверь: Седьмая буква, 2009.

Константин Гусов

Книга проф. В.Н. Расторгуева «Философия и методология политического планирования: Избранные лекции и доклады» представляет собой сборник избранных статей и выступлений разных лет, посвящённых актуальным и дискуссионным вопросам политического планирования.

Не имея возможности перечислить все идеи, предложенные автором в своей книге, я изложу хотя бы некоторые из них, чтобы у читателя появилась возможность составить впечатление о новизне и оригинальности взглядов проф. В.Н. Расторгуева на политическое планирование.

Так, новаторской является уже сама трактовка понятия «политическое планирование». Мы привыкли считать политическим планированием злободневные комментарии экспертов-политологов, прогнозирующих те или иные сценарии развития и обсуждающих расклады сил для предсказываемых случаев.

В действительности же, с точки зрения проф. В.Н. Расторгуева, это комментаторское гадание на кофейной гуще политических событий является политическим планированием не в большей степени, чем работа телеведущего в выпуске новостей. Как подсказывает уже название книги, истинное политическое планирование требует не только специальных знаний, но и своего философского осмысления, навыков глубинного размышления об истоках и последствиях своих действий.

Непродуктивным и бесперспективным считает проф. В.Н. Расторгуев и другое аксиоматическое представление, согласно которому политик, планируя свои действия, исходит только из имеющихся у него ресурсов и возможностей политического действия.

Бесспорно, что если всякая рефлексия относительно своих действий в будущем нацелена только на поиск наивыгодных вариантов, то это 1) не требует от политика высокой компетентности (как профессиональной, так и моральной) и 2) приносит ему приличные доходы от узких групп интересов.



Однако такая модель политического поведения не учитывает неизбежных ограничений как этического характера, так и тех, которые обманчиво несущественны сегодня и завтра, но просматриваются в послезавтрашней, долгосрочной перспективе. Если, конечно, таковая сколько-нибудь интересуется политика.

Ерго: политическое планирование как поиск вариантов – весьма популярная, но гибельная и безответственная позиция (а часто и невежественное отсутствие таковой).

Такому «планированию» проф. В.Н. Расторгуев противопоставляет политическое планирование как поиск инвариантов. При выработке такой модели плана первоочередное внимание приковано к имеющимся перед политиком ограничениям и сложившимся рамкам возможного поведения. Они образуют коридор, зачастую узкий, выход за пределы которого, возможно, и принесёт выигрыш политику сегодня, но ухудшит положение других людей сегодня или в будущем.

Ориентация на поиск инвариантов – это практическое наставление автора любому начинающему политику, не стеснённого проблемами других людей в силу собственной политической юности. В равной мере это наставление ценно и для всей современной политики, которая по преимуществу обслуживает аппетиты потребления, помноженного на возможности научно-технического прогресса, но не поделённого на ресурсные возможности природы.

Тут уместно вспомнить часто цитируемого проф. В.Н. Расторгуевым Гегеля с его пониманием свободы не как отсутствия рамок, а как глубокого осознания таковых.

Из дальнейшего изложения становится более ясной принятая автором трактовка политического планирования как процесса, в котором должна присутствовать своя философия и специфическая эвристика.

Что может заставить политика видеть гибельность своих действий для него самого и для людей вокруг? На такой «подвиг» способно лишь сознание, не зашоренное шаблонами конкуренции и узкой рыночной логики, сознание, натренированное и эрудированное. Политика должна учитывать знания, накопленные обществом, то есть данные науки, утверждает проф. В.Н. Расторгуев, последовательно выступающий за активное привлечение учёных и экспертного сообщества к выработке политических решений.

Заявляя о том, что широкий кругозор и глубокий анализ являются неперенными условиями деятельности политика, автор подтверждает этот тезис самым кругом тем, вовлечённых им в свое исследование, то есть, по большому счёту, в сферу политического планирования.

Эта, на первый взгляд, узкая предметная область политического знания оказывается тесно увязанной не только со смежными вопросами политологии, такими как политическое прогнозирование и политическая идеология. Ею охватывается и широкий спектр гуманитарных, этносоциальных, демографических, и экологических проблем. Тем самым автор как бы стремится напомнить политику: «Твои действия – не *causa sui*, твоя деятельность как никакая другая связана со всеми другими сферами жизни. А касаясь других сфер, ты обязан знать о них как можно больше!»

Заключительный раздел книги посвящён размышлениям автора о жизни, предназначении и научном наследии безвременно ушедшего проф. Александра Сергеевича Панарина, коллеги и друга проф. В.Н. Расторгуева.

СЛОВО КАК ОРУЖИЕ

«Тот, кто контролирует язык человека,
контролирует его сознание...»
(Дж. Оруэлл)

Данилова А.А.

Манипулирование словом в средствах массовой информации

М.: «Добросвет», «Издательство «КДУ», 2009

Михаил Тюренков



Шестьдесят лет назад известный английский писатель произнес вынесенную в эпиграф гениальную банальность. Именно эта сентенция на протяжении многих десятилетий является ключевой теоретической основой всех манипуляционных технологий общественным сознанием. Казалось бы, вещь очевидная, но в Советской России как автор, так и тема были по очевидным причинам «не в чести» (хотя тема той же «геббельсовской пропаганды» и ее послевоенных западных аналогов периодически поднималась советской прессой). На Западе же роман «1984», по сути, использовался исключительно в целях антисоветской пропаганды (притом, что сам Оруэлл на протяжении двух десятилетий своей жизни находился «под колпаком» западных спецслужб, как «агент коммунистов»).

При этом на слова, которые могли не только помочь разоблачить «тоталитарную большевистскую систему», но и бросить тень на само «самое демократическое общество», старались особого внимания не обращать. В общем, «пророка» не оказалось ни в своем, ни в чужом отечестве, а потому исследования технологий манипуляции общественным сознанием и в СССР, и за рубежом не приобрели того широкого распространения и резонанса, который могли бы получить в силу очевидной привлекательности темы (как для исследователей, так и для публицистов).

Парадоксально, но факт, что накануне того самого 1984 года из-под пера начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского флота (знаменитого «ГлавПУРа») генерала Дмитрия

Волкогонова вышло первое издание брошюры «Психологическая война (Подрывные действия империализма в области общественного сознания)». Эта книга, несмотря на свой небольшой объем и откровенно поверхностное изложение материала, наряду с бестселлером (без кавычек!) профессора Николая Яковлева «ЦРУ против СССР» стала одной из «первых ласточек». Обе последние книги выдержали целый ряд переизданий тиражами, которым сегодня могли бы позавидовать любые донцовы, но к серьезной научной дискуссии, к сожалению, не привели. Генерал Волкогонов вскоре

отказался практически от всего, написанного им ранее, став одним из ключевых перестроечных фальсификаторов отечественной истории и скончался в «сане» «придворного историка» в декабре 1995-го. Профессор же Яковлев до последнего самоотверженно сражался с «антироссийским международным заговором», но скончался практически в безвестности через четыре месяца после бывшего собрата по перу.

И лишь в конце 1990-х, то есть спустя полвека после написания «1984», оруэлловский тезис стал одной из основ двух эпохальных для постперестроечной России книг. Во-первых, «Сектоведения» Александра Дворкина (при всей тенденциозности и публицистичности данного издания, нельзя не отметить, что именно оно во многом повлияло на то, что победоносное шествие по России так называемых «новых религиозных организаций» в конце 90-х было приостановлено). Во-вторых, - «Манипуляции сознанием» профессора Сергея Кара-Мурзы, книги, сразу ставшей «настойной» для многих оппозиционеров, но прочитанной «от корки до корки» лишь единицами. Нельзя не отметить, что и «Манипуляция сознанием» не являлась в строгом смысле научным трудом, но именно она пробудила настоящий интерес к теме информационных войн и манипуляционных технологий в области контроля массового сознания.

В течение «нулевых» годов вышло немало публицистических и, намного реже, научных исследований, в которых производились попытки как подвергнуть критике выводы профессора С.Г. Кара-Мурзы (в основном критике предвзятой), так и продолжить его исследования. Последняя книга из этой серии «Манипулирование словом в средствах массовой информации» вышла из-под печатного станка накануне нового учебного 2009/2010 года. Автор – главный редактор крупнейшего российского церковно-общественного Интернет-портала «Православие и мир», преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова, молодой филолог-англист Анна Данилова, несколько лет назад защитившая кандидатскую диссертацию на тему «Способы языкового воздействия на общественное сознание (на сопоставительном материале СМИ конца XX – начала XXI веков)». Специализацией исследователя обуслов-

лено то, что феномен медийной манипуляции автором в значительной степени рассматривается не на основе отечественных СМИ, но на материалах американской и британской прессы (при этом также рассматриваются французские, испанские и, разумеется, российские примеры).

Книгу Анны Даниловой, пожалуй, можно назвать прецедентом в отечественной социально-гуманитарной науке. Несмотря на то, что отдельные аспекты манипуляции словом уже рассматривались в работах филологов (в частности, посвященных теории риторики), комплексного социолингвистического исследования данной проблемы не было. В «Манипулировании словом» автор с присущей ей вездельностью и доскональностью словно скальпелем препарировала все возможные языковые способы воздействия на массовое сознание, не останавливаясь на таких спорных «эзотерических» методиках, как «эффект 25 кадра» и т.д. Можно сказать, что своей монографией Анна Данилова впервые подготовила серьезную теоретическую базу для дальнейших не только филологических, но и психологических, социологических и политологических исследований в данной области.

Но в то же время монография «Манипулирование словом в средствах массовой информации» интересна отнюдь не только как узкоспециальное исследование ученого-филолога. В своей книге автор отдельно останавливается на двух глубоких контент-анализах: материалов западной прессы по тематике агрессии НАТО против бывшей Югославии в 1999 году, а также материалов современных российских молодежных изданий.

В первом случае анализируется то, насколько виртуозно и при этом цинично «независимые» западные СМИ обрабатывали сознание западных же обывателей, создавая образ сербских агрессоров и беззащитных албанских жертв. При этом, как пишет Анна Данилова, «в повествовании о сербской стороне конфликта основное внимание уделяется единицам боевой техники и неодушевленным мишеням, в то время как в статьях об албанцах на первый план выходит личная составляющая военного конфликта» (с. 183).

Второй контент-анализ является подтверждением реальности основных

положений так называемого «Плана Даллеса», конспирологического плана действий США против СССР в эпоху холодной войны, заключающегося в скрытом моральном разложении населения СССР (России), приписываемого главе ЦРУ в 1953-1961 гг. Аллену Уэлшу Даллесу. Вполне резонно ставить под сомнение авторство плана, сравнивая документ с «притчевоязычными» «Протоколами сионских мудрецов», но нельзя не признать того, что основные его чаяния и устремления, увы, уже воплотились в жизнь российской молодежи (и даже подростков):

«Мы будем расшатывать... поколение за поколением. Будем братья за людей с детских, юношеских лет, и главную ставку всегда будем делать на молодежь – станем разлагать, развращать и растлевать ее. Мы сделаем из нее циников, пошляков и космополитов...»

Наиболее наглядным примером в данной связи является уже упомянутый контент-анализ молодежных изданий, проведенных Анной Даниловой в своей монографии. Не углубляясь в подробности анализа, стоит отметить, что российские журналы, ориентированные на подростковую и юношескую аудиторию, в значительной степени отличаются от своих западных аналогов ценностным релятивизмом, а также откровенным цинизмом в области отношений со старшими, а также с противоположным полом.

Последние факты, пожалуй, уже не столько предмет изучения филологов, сколько серьезная почва для работы российской Генпрокуратуры (которая, к слову, уже повлияла на закрытие наиболее одиозных из подобных изданий). И немалая заслуга автора монографии в том, что именно она собрала и проанализировала столь важные фактические материалы, неоднократно в течение последних лет поднимая данную проблему в СМИ, которые, по сути, являются готовыми материалами серьезного расследования. А потому очень бы хотелось, чтобы книгу Анны Даниловой прочли не только узкие специалисты, но и люди, от которых зависит будущее нашей страны.



ЦЕНТР
КОНСЕРВАТИВНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ



WWW.KONSERVATIZM.ORG

